

СТОЛЫЩА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЬ

№ 26 1997

"Раба любви"

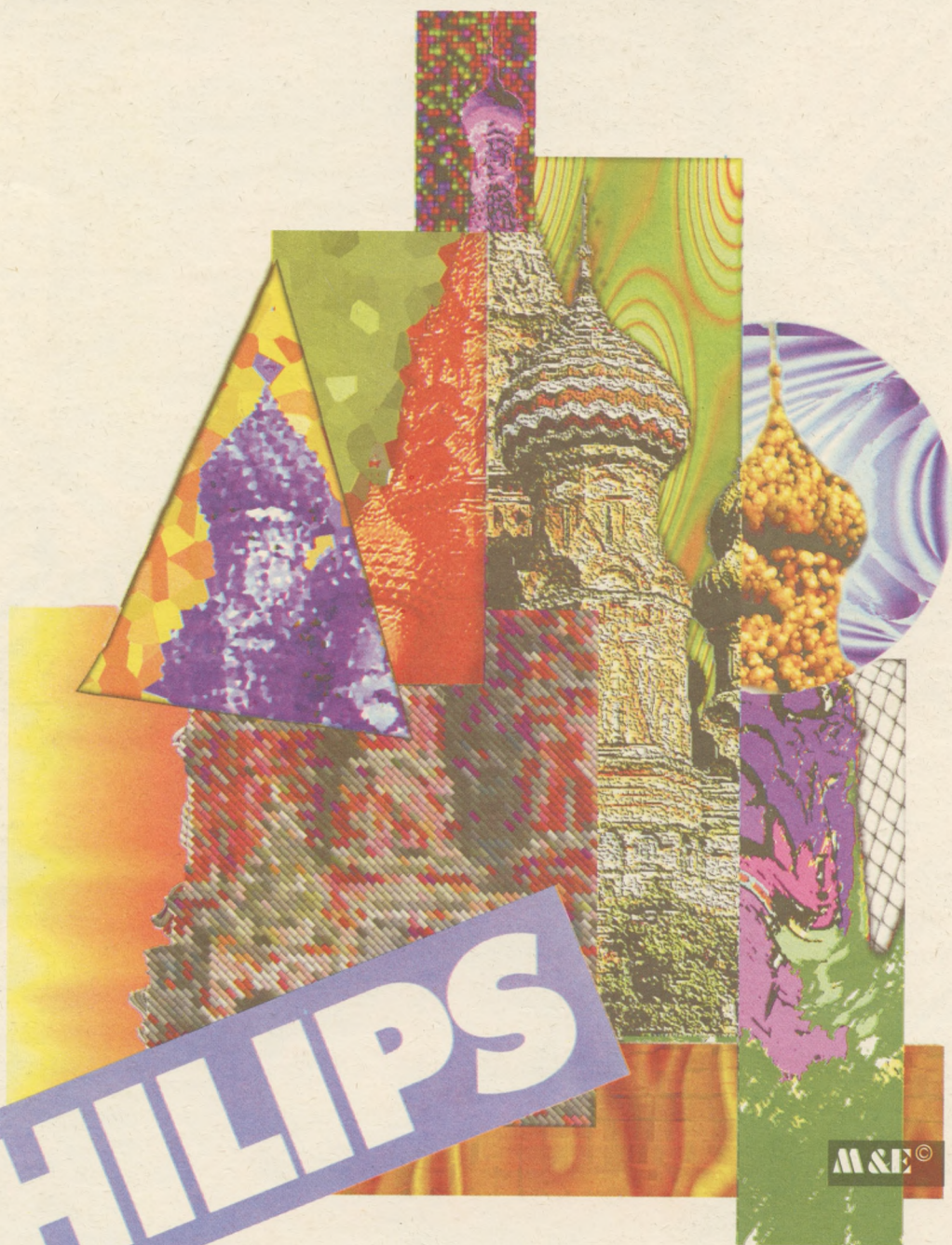
*Дмитрий
Елена Соловей*

с. 45

Удн 76878

МОСКВА ВСТРЕЧАЕТ

119048, Москва, ул. Усачева, 35А

Тел. (7502) 224 1570 (ext.)

Тел. (7095) 564 83 19 / 564 83 23 / 564 83 24

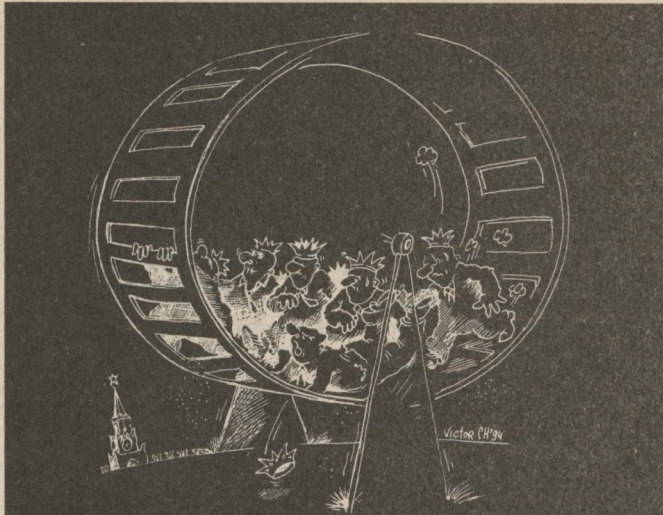
Факс (7052) 224 15 79

Факс (7095) 564 83 19

PHILIPS

В НОМЕРЕ

8 Николай ТРОИЦКИЙ:
Колесо новейшей истории России крутится на одном месте. Политики упорно движутся след в след, не помнят ошибок, не извлекают уроков. И вновь в Российской Федерации зашевелились ее субъекты...

20 Василий ГОЛОВИН:
Фантастически окрепшая Япония продает на американском рынке больше товаров, чем там покупает. В прошлом году цифра этой разницы достигла 60 млрд. долларов.

52 Лев ЛЕЩЕНКО:
— Вы понимаете, я достаточно зарабатываю, у меня хорошая квартира, «Мерседес»... Но это не значит, что я чувствую себя абсолютно счастливым.

Свобода по выходным Фоторепортаж	4
Политика	
Русский контраст Дмитрий Быков	7
Федеративный бег на месте Николай Троицкий	8
Язычники на марше Максим Соколов	10
Аршин для России Сергей Чупринин	12
О вреде излишнего послушания Интервью с Сергеем Юшенковым	14
Мы хотим жить в своем доме Мустафа Джемилев	15

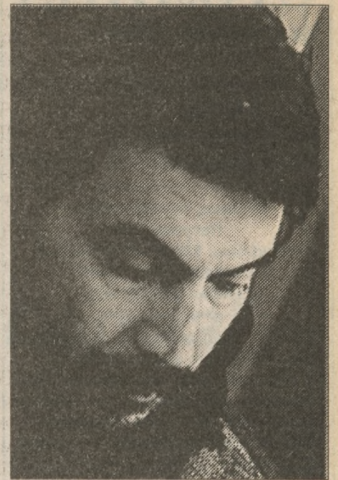
Экономика	
И увидел Он, что регулирование хорошо весьма Виктор Копин	18
Солнце восходит над Гудзоном Василий Головин	20

Жизнь	
«Пора платить, доктор...» Николай Бахрошин	26
У вас угнали машину? Интервью с Юрием Мельниковым	29
350 из 20 000 Фоторепортаж	30
Свободы солнцепек встает над Самотекой Алексей Дидуров	34
Экспедиционные силы России Валерий Мягков	38
Крест Алексей Митрофанов	40
Кошки не похожи на людей Елена Аверина	42

Культура	
Три «Рабы любви» Василий Литвинов	45
Возвращение «кремлевского соловья» Наталья Логинова	52
Table-Talk Борис Ардов	58
Дикие животные сказки Людмила Петрушевская	
Собрание сочинений Игоря Иртеньева	63
Виртуоз Вильям Мейланд	64

Письма	2
Цитатник	17
С миру по нитке	37
Дневник И.	50
Антресоли	56

На 1-й странице обложки
фото Александра Самойлова,
дизайн С.Стыриковича

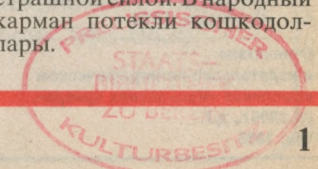

45 Кто из нас смеет обвинять кого-то, кто всею жизнью уже заплатил за все? Но сказать, где правда, а где неправда, мы можем. Может быть, мы должны крикнуть: «Отойдите! Не дышите парами серы! Аминь! Аминь! Рассыпья!»

Финальные слова в фильме
Рустема Хамдамова
«Anna Karamazoff»

42 Елена АВЕРИНА:
Любовь населения нашей страны к кошкам достигла пика. Ими увлеклись стар и млад, мужчина и женщина, коммунист и демократ. Кошек стали разводить со страшной силой. В народный карман потекли кошкдоллары.

Общественно-политический иллюстрированный еженедельник

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 22

Телефоны: 928-23-49, 921-67-45

Телефакс: 921-29-85

Телекс: 413739 аурп

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г. Зарегистрирован Комитетом Российской Федерации по печати 25 октября 1993 г. (№ 0110344). Учредитель: редакция журнала «Столица».

Главный редактор:

Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:

Консуэло Сегура, Петр Смирнов,

Владислав Старчевский

Коммерческий директор:

Юрий Бычков

Директор издательства:

Борис Рабкин

Ответственный секретарь:

Анатолий Остроухов

Отдел общественно-политической жизни:

Александр Касатов

Отдел экономики и науки:

Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем:

Николай Бахрошин

Международный отдел

Андрей Голубов

Отдел искусств:

Татьяна Савицкая

Отдел литературы:

Дмитрий Быков

Отдел репортажа:

Владимир Грибанов

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 24.06.1994 г. Тираж 87 000 Цена договорная

Над номером работали: В.Старчевский, А.Пружинина, Р.Катеева

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 923-19-71

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

© «Столица», 1994

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 1835

Частные случаи из нашей общей жизни

Преступление и наказание

У нас в городе произошла такая история. Диспетчер станции Ярославль-Главный Николай Д., непьющий, имеющий 90 поощрений и награду «За доблестный труд», попался на взятке. Подрулил к нему мужичок, который сопровождал по железной дороге домашний груз. Помоги, браток, подцепить вагон к составу, вещи везу в Кострому, свои да тестя с тещей. Я в долгу не останусь. Николай зажмурился от собственной дерзости и выпалил: «Давай две бутылки водки и пять тыщ денег!»

А мужик тот был не простой, а очень даже работник внутренних дел в местах лишения свободы. Договорившись об условиях, он тут же затрусил в милицию. Там ребята приготовили купюру с пометкой «взятка», две белые головки, и участь бедного диспетчера была решена. Как только понял он, какую злую шутку сыграла с ним судьба, почесал затылок, сказал про себя в свой собственный адрес: «Эх, дурилка ты картонная» — и тут же во всем признался и раскаялся.

Поскольку все мы вышли из гоголевской шинели и вслед за нашими литературными классиками любое преступление, большое или малое, склонны рассматривать на фоне широкой панорамы социальной жизни, не изменим и сейчас этой традиции.

Тянет Николай две семьи. С одной женой разошелся, с другой сошелся. У обеих по малому ребенку, о которых наш диспетчер заботится, любит их, жалеет и помогает. Злополучная взятка случилась аккурат в день рождения вождя мирового пролетариата. К тому времени за март зарплату еще не выдали. В кармане было ровно 250 рублей. Накануне забарахлил телевизор — сосед обещал починить за бутылку. Где ее взять? Короче, как говорят в народе, «бес попутал».

Просидел Николай за эти пять тысяч рублей в следственном изоляторе целый месяц. Следователь считал, что освободить его нельзя, потому что он взяточник. Да, сумма маленькая, но преступление тяжелое, опасное для государства. А если всякий на своем рабочем месте взятки вымогать начнет?

Всю свою жизнь Коля подчинялся приказу — служил на флоте, работал на железной дороге. Ему и в ум не войдет, что можно подать исковое заявление в суд о взыскании заработной платы, как о том красиво написано в Указе российского президента. Тот же Указ говорит, что в случае задержки выплаты заработной платы на предприятии прокурор должен немедленно ставить вопрос о привлечении к ответственности должностных лиц. Но задолженность Ярославскому отделению Серверной железной дороги от предприятий на сегодня — 16 миллиардов рублей. Если прекратить отгружать, то встанут все предприятия, в адрес которых идут грузы. Так что виноватых пруд пруди, а сидит один Коля. Вменили ему статью 173-ю, часть 2-ю, а это от 5 до 15 лет с конфискацией имущества.

В.М.

г.Ярославль

Для кого работает поликлиника?

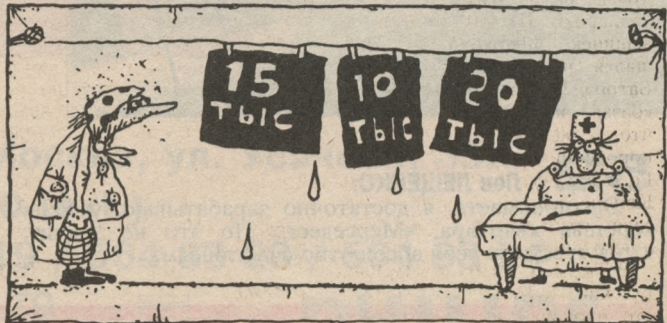
В старости мало радости — гласит народная мудрость. Я со своими зубами мудрости рассталась задолго до прихода старости, а теперь, состарившись, берегу те, что остались. Конечно, без помощи стоматолога обойтись не могу и обратилась в ведомственную поликлинику, где меня заботливо обслуживают как ветерана труда. Но не могут в этой поликлинике сделать панорамный снимок — не на чем. Врач дает направление, и я на другой же день спешу в районную стоматологическую поликлинику № 51. Соображаю, что без осмотра здешнего стоматолога со мной вряд ли будут разгова-

ривать, и занимаю очередь на запись к врачу. Получив талон, сажусь в очередь на осмотр. Дождалась наконец вызова к врачу, та меня осмотрела, медсестра, как положено, записала перечисленные пломбы, и я, не читая, расписалась на каком-то бланке и получила талон к другому врачу, в филиал поликлиники, куда надо ехать на автобусе.

Поехала, нашла поликлинику, опять стою в регистратуру, когда подошла моя очередь — слышу ответ: «Врач ведет запись сам». Иду в указанный кабинет, сижу в очереди. Дождалась. Выясняется: запись действительно ведет сам врач, но... сегодня работает последний день и уходит в отпуск. Записи не будет.

Еду обратно в районную, стучусь к заведующей. Открывается соседняя дверь, и пожилая женщина в белом халате просит немного подождать — пьют чай. Ну что ж, дело житейское, чаю не попьешь — откуда сила? Вскоре открывается завешанная дверь, и выходит сама заведующая, но не к людям, а по своим делам. Я, уже на лестнице, хватаю ее за полы халата и объясняю: ваши врачи в отпуске, а в ведомственной поликлинике еще работают, дайте разрешение на снимок. «Нет, — говорит, — не имею права, мы, районные, снимки на руки не даем, у нас ограниченные возможности, все только для нашего района». «Простите, а я-то откуда? Выкуплю я из своей несчастной пенсии этот снимок, только разрешите». — «Нет, нет и нет, денег не берем, разрешить не могу, мы районные, у нас ограниченные возможности...» Дверь захлопнулась.

...В регистратуре бюджетной поликлиники, что в Б.Кисельном переулке, на мой единственный вопрос (я была у окошка одна) — можно ли сделать панорамный снимок, ответили: «Да, заплатите, по-

жалуйста, пятнадцать тысяч и завтра, назвав свою фамилию, его получите». Заплатила половину пенсии и уже через тридцать минут ехала домой. Только вот к другим вопросам прибавился еще один — для какой части населения работает наша районная поликлиника?

З.КРАСНОВСКАЯ

Москва

Опасности старой Москвы

Очень люблю старые улочки и закоулки столицы, гулять по которым, несмотря на загазованность Центра, всегда наслаждение. Однако недавно поняла, как это опасно.

В узеньком маленьком переулке возле Никитских ворот, где можно идти только вплотную с домом, сверху полетел, видимо, отвалившись, кусок кирпича и разбился прямо у моих ног. Еще бы один шаг — и вряд ли мне пришлось писать письмо в редакцию.

Что было делать? Идти в РЭУ, в милицию, в префектуру?

Я постояла, пришла в себя и поехала домой. А вопрос остался открытым: старая Москва в аварийном состоянии, дома разрушаются прямо на глазах — кто же этого не видит?

И неужели, чтобы решить наконец вопрос, нам действительно нужны жертвы?

Г.ЛОБАНОВА

Москва

Как у мужика шестьсот долларов украли

Хотите историю о современном недотепе? Мужик, золотые руки, плотник, ездил в Монголию на заработки. Сумму заработал, на его взгляд, немалую — аж 600 долларов! И еще кое-каких вещичек прикупил. Возвращался назад поездом «Улан-Батор». Поезд этот называется «базар на колесах», потому что едут в нем монголы-коробейники и вся глубинная Россия с него товары покупает. Короче, плотника на этом «базаре» грабнули и все денежки у него увели.

В Тюмени к нему подсел наш русский мужик. Выпили вместе, плотник рассказал о своем

горе. Попутчик говорит: «Пошли разбираться с монголами! Ворвались в соседний вагон, мужик выхватил из кармана пистолет и навел: «Давай сюда деньги!» Наши были пьянькие, монголы объединились и русские лица немного испортили. По ходу движения поезда до Москвы дебоширов, плотника и его новоявленного друга, допросили. Пока милиция снимала их с поезда, пропали вещи плотника. А те, что не успели в поезде украсть, конфисковала милиция. Так что в Монголию на год он вроде бы как и не ездил. А тут еще этот пистолет проклятый, который делает перспективу будущей жизни совсем незавидной. Пистолет тот был попутчика, но плотнику стало неудобно, что вовлек он его в свою грусть-тоску с мордобоем. Поэтому вначале говорил плотник, что пистолет купил в Монголии, потом — что в поезде, от монголов обороняться.

Так что сидят эти двое бедолаг в каталажке. Монголы со своими показаниями, понятно, не едут. А зачем им: деньги получили, морды набили. Значит, ни потерпевших, ни свидетелей не будет. Сколько еще просидят?

П.НОВИКОВ

г.Галич

Сломался холодильник...

Эта беда приходит в каждый дом, и не однажды. Ломаются все: телевизоры, бритвы, соковыжималки, кофеварки, будильники... И тогда возникает проблема — где берут чинить «Славу» и где «Янтарь»; куда звонить по поводу «ЗИЛа» или «Минска»...

Не кажется ли вам, что система многочисленных ремонтных городских мастерских чересчур ветвиста? Для чего их так много с такой узкой специализацией? Тем более сейчас, когда на многие бытовые предметы ближнего зарубежья уже нет гарантии.

Может быть, стоит как-то объединить мастерские по ремонту, облегчить этим жизнь клиентам, а кроме того — повысить немалое количество помещений и денег. Да и загрузка у мастерских, столь узкоспециализированных, далеко не полная.

В.ФРОЛОВ

Москва

Уважаемые Господа !

Торгово-Финансовая Компания

"Героз"

продолжает прием

денежных вкладов от населения

с выплатой высоких процентов.

Минимальный срок вклада -
3 месяца,
с возможным получением процентов
ежемесячно.
Минимальный вклад -
200 000 руб.,
для пенсионеров и инвалидов -
50 000 руб.

**Обязательное страхование
деятельности компании !**

Адрес: Тетеринский пер., д. 16,
офис 15, этаж 2
(м. "Таганская-кольцевая").
Телефон/факс: 915-20-71.

Время работы с 11 до 19 ч. ежедневно,
кроме воскресенья и понедельника.

Внимание ! Открыт новый пункт приема
денежных вкладов по адресу:
ул. Краснобогатырская, д. 79,
корп. 2а, 1 этаж
(м. «Преображенская площадь».)
Телефон: 963-0435.

Свобода

ПО ВЫХОДНЫМ

Да, не зря выходные дни метят в календарях красным цветом — вроде 1 Мая или 7 Ноября. Выходной день — еще лучше, чем праздник. Даже лучше, чем Новый год или день рождения. Во-первых, бывает не раз в году, а каждую неделю. Во-вторых, праздник как-никак нужно отмечать. А в выходной... Хочешь — радуйся, хочешь — скучай, хочешь — делай что-нибудь.

Есть немало людей, которые в будние дни на рабочем месте дурака валяют, зато по воскресеньям трудятся дома до седьмого пота. Половина горожан на своих дачных участках усердно занимается, например, сельхозработами... А женщины — особенно семейные — прямо так и планируют: у меня, мол, на эти выходные столько дел накопилось!..

Не зря, не зря в русском языке выходной день называется: «воскресенье». После угрюмых, однообразных, трудных будней — действительно: «воскресение». Можно и в храм сходить. Гуляй, народ!..

Отдых может быть полезным: на пляж съездить, на стадион... А

может оказаться и вредным. Но приятным: вино с друзьями попить, посплетничать с подружками... Отдыхай себе — как хочешь!

Свобода полная. Молодежь —

на свидания, в кафе, кино, дискотеку... Пожилые — за шахматы, к внукам, да и возле метро приторговать, как говорится в одной рекламе: «хорошую прибавку к пенсии»...

Свобода! Можно, если совсем делать нечего, на митинг сходить. Или позволить себе поспать не так, как в обычные дни: с утра — подольше, днем — немного, вечером слегка вздремнуть... Главное — не

думать, не помнить про будущий понедельник. Он и без того придет.

Отдыхай!.. Как говорил персонаж одной замечательной пьесы: «Что такое свобода? Я по выходным и так свободен. Ты вот сделай, чтобы я был свободным всю неделю!»

Сочинял в выходной день

Владимир ГРИБАНОВ

Снимали: Юрий ШТУКИН,

Владимир ШИШОВ

Русский контраст

Те, кто уцелел в России со времен до-рыночной экономики, несомненно помнят хрестоматийный анекдот о трех противоречиях социализма. Стилизованный под учебник политэка, анекдот и впрямь отличался почти научной точностью. Противоречие первое: в магазинах ничего нет, но у всех все есть. Второе: у всех все есть, но все недовольны. И третье: все недовольны, но все голосуют «за».

Не успевая позавтракать дома, я обычно покупаю себе около метро ба-альшую сардельку. Прекрасную, надо сказать, сардельку, какую в прежние времена днем с огнем не достать (и даже в предпрежние она была уже легендой). Эту сардельку продают напротив Большого театра, а около киоска живет бомж. Это его пост. Не знаю, зачем его там прикармливают и даже подпаивают: то ли он сторожит киоск по ночам, то ли отпугивает нежелательных посетителей, — короче, он там всегда.

И вот я стою с сарделькой, она вкусная, напротив стоит бомж, он грязный. У него опухшее лицо. Он смотрит на меня без классовой ненависти — это бы еще полбеды, — а с тем страшным безразличием, которое отбивает последний мой аппетит. Вот мы и стоим друг напротив друга. Страна контрастов.

Между прочим, тут у каждого киоска свой прикармливаемый нищий. И сияние многоцветных ликеров хронически соседствует со зрелищем неумолимой нищеты. Как есть под этим взглядом — я не знаю; весьма сомнительным утешением служит тот факт, что в условиях первоначального накопления мы можем практически мгновенно уравниваться, а то и поменяться местами.

Страной контрастов Россия становится на глазах, и никакая конвергенция пока не светит. Противоречия дикого капитализма торчат на каждом шагу: витрины кричат о роскоши, нищие — об убожестве. Никто не видит советских фильмов, но количество кинофестивалей и прочих тусовок растет с неуклонностью лавины. Никто не ощущает результатов бизнесменской благотворительности, но на все подобные тусовки стабильно собирается с полсотни людей искусства, все кушают и тут же отработывают скушанное песенкой про налетчицкую любовь.

Все чаще слышу сетования: ничего-то нам рынок не дал, кроме убого-провинциальной киосковой роскоши и бесконечных фестивалей, не популяризирующих отечественное искусство, а только пропивающих его. Увы, все точно: страна в хаосе, ничего нет, а шоумены публично чавкают и даже такта отойти с бутербродом в угол у них недостает. И тем не менее экономическая яма, в которую свалилась страна, — еще не повод ненавидеть эти киоски и эти фестивали. Речь сейчас не о том — просто страна стремительно обретает все внешние приметы капитализма при полной пробуксовке во внутренних, главных переменах. И это ни для кого не секрет: комсомолец напаял смокинг, барыга залез в лагерь, вор в законе купил себе фестиваль. Ни комсомолец, ни барыга, ни пахан краше от этого не стали.

И странная мысль меня тревожит: все это я уже слышал. Погодите-ка... Ну как же! Сидим всю жизнь в дерьме и читаем Достоевского! Россия и тогда уже была страной контрастов, друзья

Дмитрий БЫКОВ

Русский путь реформ всегда отпугивал масштабностью затеваемого. Надо провести конверсию, позакрывать заводы, поменять правительство, а внешние условия жизни — как-нибудь потом.

мои. Только был этот контраст несколько иной природы. Однако возмущал, ибо в интеллигенции всегда жила подспудная мечта о равенстве. Идея уравниловки пустила здесь наиболее глубокие корни. Лучше, выходит, сидеть в дерьме и НЕ читать Достоевского. Контраста не будет.

Что, в общем, отчасти и осуществилось: сидим в дерьме, но читаем Чейза.

Конечно, оно бы куда лучше, чтобы и фестивали тусовочные существовали, и фильмы смотрела вся страна. Да только не бывает этого: советскими картинками были забиты все кинотеатры, а дарован нам был на всех Московский кинофестиваль с преобладанием фильмов дружественных Азии и Африки. Нищета не так лезла в глаза, зато уж и водки с закуской после восьми вечера было не купить, а дети из уст в уста передавали ломтик жвачки. Не нравится мне в последнее время этот тезис: раз уж не вышло богатства на всех, пусть хоть нищета будет общая!

А не получается.

Получается, что в любом обществе от контрастов никуда не деться. Вместо трех противоречий социализма есть одно-единственное, но столь же непримиримое капиталистическое: нищета и убогая роскошь одинаково лезут в глаза.

Надо как-то вписывать себя в эту новую реальность — в реальность страны контрастов. Раз экономика буксует и ничто не меняется кардинально — пусть хоть киоски работают круглосуточно и мороженое «Марс» продается на каждом углу.

Наша ментальность так устроена, что мы все хотим макроперемен. Чтоб уж поворот — так полный и кругом. Между тем жизнь человека состоит из мелочей, из частностей. Когда вы попадаете на Запад, вас цепляют не экономические сводки и не доклады сенаторов, но прежде всего эти мелочи. Присутствие продуктов везде и их круглосуточная доступность, приличные дороги, обилие праздников, будь то кинофестиваль или общегородское гуляние. Вот и кажется, что стоит насытить жизнь этими частностями — и генеральные проблемы решатся сами собой! Независимо. Постепенно. Чем кричать о провале реформ, не проще ли вымыть витрины в отдельно взятом магазине? Разумеется, макроэкономических проблем это не решит; но их вообще решать необязательно. Они из тех, что сами исчезают, когда соблюдаются внешние приметы цивилизованной жизни.

Русский путь реформ всегда отпугивал именно масштабностью затеваемого. Надо провести конверсию, позакрывать заводы, поменять правительство, а внешние условия жизни — как-нибудь потом. Выясняется прямо противоположная вещь: жизнь начинается с мелочи. Появляется киоск, асфальтируется крошечный участок дороги, проводится дюжина кинофестивалей вместо двух-трех... И сам собой выправляется прокат, выстраиваются новые дома и, главное, люди начинают смотреть по-другому! Они незаметно меняются, а без этого никакие реформы не ведут ни к чему. Все начинается со взгляда и кармана частного человека. А он помаленечку меняет все остальное.

Федеративный бег на месте

В Москве — новый виток битвы за регионы

Николай ТРОИЦКИЙ

В Российской Федерации снова зашевелились ее субъекты. Республики, области и края напомнили о своем существовании. Точнее, их возбудили из Центра, но они сами в последнее время выказывали охоту возбудиться. Так что старый процесс пошел заново с двух сторон. Откуда ни смотри и как ни крути, федеративная проблема опять возникла и федеральным властям от нее не отвертеться.

А ведь недавно казалось, что эта тема закрыта, что вопрос решен окончательно и бесповоротно. Как мы помним, субъекты Федерации попортили немало крови Москве. Впрочем, это тот случай, когда невозможно определить, кто первый начал.

Когда-то, в незапамятные времена, Ельцин, борясь с Горбачевым, провозгласил в Казани: «Берите столько суверенитета, сколько проглотите». Глотки, особенно у республик, оказались объемистые. После долгой мучительной борьбы в Москве, под патронажем Хасбулатова, Абдулатипова и примкнувшего к ним в последнюю минуту Ельцина, был торжественно подписан Федеративный договор. Внутри большого суверенного государства оказалось два десятка маленьких, почти столь же суверенных. Республики стали более равными, чем края и области. Те обиделись и едва не начали поголовно превращаться в республики.

Разразилась грандиозная склока между президентом и Верховным Со-

ветом. Обе ветви власти норовили заманить субъекты Федерации себе в союзники. С обеих сторон сыпались подарки и обещания в обмен на поддержку. Очутившись меж двух огней, смекалистые региональные лидеры ухитрились прикуривать от обоих. Набивали себе цену, выторговывали поблажки на конституционном совещании, где были едва ли не главными персонами. В конце концов, после 21 сентября и печально знаменитого указа № 1400, субъекты Федерации едва не взяли всю власть в свои руки.

Но вмешались танки и — эхо взрывов в «Белом доме» разлетелось по республиканским и областным столам. Субъекты притихли и сникли. Строптивых губернаторов понизили, Советы упразднили, у республик отобрали их суверенитеты, Федеративный договор перечеркнули и закрепили единство и неделимость России в новой Конституции.

Затем Центр отвлекся на более насущные заботы: амнистию, великое переселение парламента, договор о согласии. А субъекты Федерации, оправившись от шока, потихоньку двинулись возвращать себе утерянные было рубежи.

За минувшую весну выяснились два обстоятельства: во-первых, «на местах» мало что изменилось и Москва, как и прежде, не контролирует провинции. Во-вторых, субъекты вновь становятся объектом борьбы столичных группировок и влияния на регионы, право выступать от их имени — обеспечивают верный путь к политическому успеху.

Владимирский зал Большого Кремлевского дворца. Во время церемонии подписания Договора об общественном согласии

Что же за Федерация получилась в результате октябрьских боев? В Основном законе указа-но, будто бы все 89 субъектов Федерации (в том числе и Чечня, но она заслуживает отдельного разговора) равноправны, неотделимы и всецело подчинены Москве. Не предусмотрено ни суверенитетов, ни привилегий, ни льгот, ни исключений. Эдакий централизованный монолит с разумной автономией составных частей.

На бумаге смотрится красиво и внушительно, но не имеет никакого отношения к действительности. Под сухой теоретической крышей Конституции пышно зеленеют многочисленные отклонения от всенародно принятой и предписанной нормы. Иллюзию монолитности грубо нарушил уже договор Москвы с Татарстаном. Как ни обставляй его эвфемизмами, а Казань признана особым партнером всероссийской столицы и ни о каком, стало быть, равноправии субъектов уже не может быть речи.

Такой же договор предлагается из Москвы Грозному. История это долгая, Чечня изображает из себя абсолютную независимость, но в результате эта республика никак не станет «равной», например, Калужской области. Кстати, лиха беда начало, и желающие заключить отдельный договор с Москвой уже выстраиваются в очередь.

Но договоры — дело будущего. А сегодняшний день субъектов Федерации тоже не соответствует тому, что написано про них в Основном законе РФ. Специальная комиссия Ду-

мы проинспектировала республиканские конституции и выяснила, что они не подходят под нормативный шаблон от 12 декабря 1993 года. Кто был суверенным, так им и остался, республики по-прежнему претендуют на исключительные права собственности на свою землю, недра и чуть ли не небо. И вообще своевольничают кто во что горазд. Ладно бы это были остатки прежних грехов. Но в шести республиках новые конституции приняты уже после декабря, а там все то же: суверенитет, недра, независимая судебная система, прокуратура выведена из подчинения Москве и пр.

Края и области тоже не смирились и не сподобились принять московские правила. Там еще хуже. После разгона Советов губернаторы завладели всей властью на подведомственных им территориях. Практически никому не подчиняясь, они сами устроили выборы в свои «парламенты», сами подсчитали голоса и провели в депутаты своих подчиненных — чиновников из администраций, пересевших в органы «представительной власти» без отрыва от прежних должностей и кабинетов (кавычки вызваны тем, что эти депутаты никого, кроме самих себя, не представляют). Теперь теплые региональные компании сочиняют уставы, закрепляющие все идеи, права, полномочия и прихоти местных губернаторов, невзирая на общероссийские конституционные положения.

Главы администраций клянутся в верности реформам, демократии, Ельцину. Главы республик клянутся никогда не расставаться с Россией. При этом все успешно удовлетворяют свои амбиции, блюдут свои интересы, не считаясь ни с какими законами (история со всенародно избранным мэром Владивостока, выпшвырнутым из кабинета при помощи ОМОНа, — только один, но вполне типичный пример). Федеральная власть властвует в пределах то ли Московской кольцевой автодороги, то ли Садового кольца. Зато в Конституции все прописано, как надо.

В такой ситуации московские политики, желающие себе успеха, неизбежно начали борьбу за... Как бы поточнее выразиться? Влияние и контроль над регионами — не те слова, так как неизвестно, кто на кого влияет и кто кого контролирует. Правильнее сказать: борьба за право дружить с субъектами Федерации. А следовательно, борьба за власть в самой Федерации.

Бойцов оказалось немало, но, как всегда, много было званых, да мало избранных, и на первый план вышли две хорошо знакомые фигуры — ви-

це-премьер Сергей Шахрай и спикер Совета Федерации Владимир Шумейко. Соперники подобрались на славу. У Шахрая есть опыт, старые связи и вроде бы неплохие отношения с премьер-министром Черномырдиным. У Шумейко тоже имеются связи, статус председателя сената, в котором заседают все «нужные люди», и твердая поддержка администрации президента. Схватка между ними развернулась нешуточная, и, хоть проходит она за плотно закрытыми дверями кабинетов, отголоски ее слышатся далеко от Москвы, а наружу то и дело вылетают потерпевшие поражения.

В какой-то момент едва не вылетел сам Шахрай, у которого отняли родное министерство по делам национальностей и региональной политике. То самое, которое он породил, выпестовал, перевел из жалкого здания на окраине в шикарный особняк в центре столицы. Удар получился чрезвычайно сильный: вслед за Шахраем из министерства погнало его команду, а ведь он пристроил там не только своих сподвижников, но и превратил аппарат министерства в аппарат своей партии. Не говоря уже о том, что министр Шахрай распределял немалые финансы по регионам. И что же — все потерял?

Шумейко тем временем открыто торжествовал победу. Он публично отрекомендовал нового министра Николая Егорова как «своего человека». Начал собирать сходки глав субъектов Федерации у себя в сенате, обещал им перевести федеративную и национальную политику в «плоскость практики». Шумейко явно подчеркивал преимущества практика Егорова перед теоретиком Шахраем.

Понятно, что Егоров — не участник сражения, а орудие более могущественных сил. Его внезапный взлет из Краснодара в Москву обусловлен не столько дружбой с земляком Шумейко, сколько умением достойно встретить высоких гостей из столицы, прибывавших на отдых в Краснодарский край. Возвышение «курортных» первых секретарей обкомов — старая традиция нашего отечества, взять хотя бы ставропольца Михаила Горбачева. Впрочем, Егоров может оказаться действительно полезен: у него хорошие отношения с соседями по Северному Кавказу. В борьбе за федеральную власть каждый субъект Федерации для московских ратоборцев ценен.

Тем более что Шахрай отнюдь не вышел из борьбы и поражения не признал. Он немедленно зашантажировал начальников очередной отставкой со всех правительственных постов. Отставку не приняли, да Шахрай

ее не слишком домогался. Правда, пресс-секретарь президента Костинов назвал его «капризным», посоветовал вернуться в юридическую науку. Шахрай стойчески вытерпел все унижения и остался, как верный винтик, в федеральном механизме. Даже другой старый недруг Шахрая, шеф президентской администрации Сергей Филатов, снисходительно признал Сергея Михайловича «полезным работником». Шахрай проглотил и это.

Он не покинул поле боя, даже готов «курировать» Егорова, который не намерен ему подчиняться и будет действовать по указке Владимира Филипповича. Однако, пребывая в непосредственной, вице-премьерской близости, Шахрай сумеет вернее найти противоядия к интригам противостоящей группировки. Ну а пост в правительстве поможет поточнее подбирать ключи к сердцам глав республик и администраций. Так стоит ли обращать внимание на колкости кремлевских чиновников?

Схватка двух федералистов продолжается с удвоенной силой. Противники вербуют себе союзников по всей России. В рать к Шумейко уже вступили Северный Кавказ с Ростовской областью и далекий Калининград. Шахрай опирается на объединенные силы республик Поволжья и «Сибирское соглашение». Тактические схемы сражений отработаны за последние годы. Шумейко обещает субъектам Федерации поддержку их бюджетных аппетитов в сенате и администрации президента. Шахрай носит с идеей повсеместных двухсторонних договоров о «разграничении полномочий» регионов с Центром. Понятно, что каждый такой договор сулит определенные экономические выгоды субъекту, который его подписывает. Большинство региональных лидеров высматривают и выжидают, не размениваются на симпатии и антипатии и готовы принять любые дары из рук обоих соперников. Критерий выбора союзника несложен — кто больше даст.

Все повторяется в нашей стране. Буквально все и до мельчайших подробностей. Все уже пройдено, описано, проанализировано еще год назад автором этих строк. Но колесо новейшей истории России крутится на одном месте. Политики упорно движутся след в след друг за другом. Не помнят ошибок, не извлекают уроков, не видят капканов...

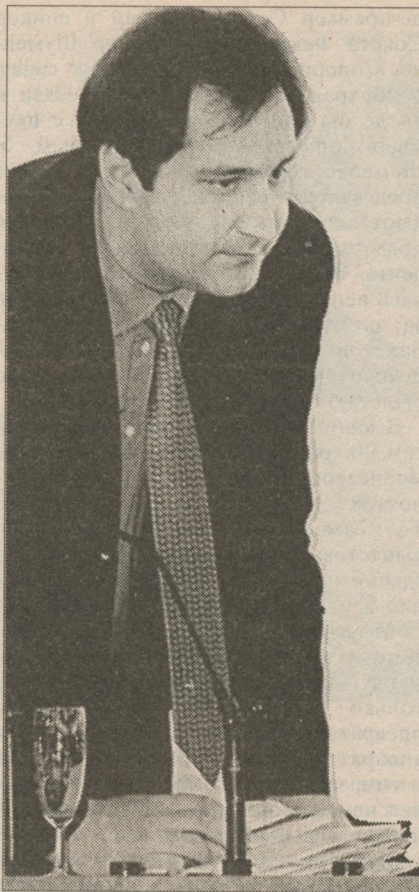
Чем все это кончится? В лучшем случае через год придется снова писать статью с тем же сюжетом, но, возможно, с другими действующими лицами. В худшем — будет уже не до статей.

Максим СОКОЛОВ

Проводимые под различными названиями патриотические съезды имеют так много общего (ряженые казаки, торговля подпадающей под ст. 74 УК РФ литературой, присутствие отставной козы барабанщиков, освящение стремящихся подружиться с патриотами правительственных чиновников etc), что интересно отвлечься от этих однообразных примет и обратиться к тому новому, что внес в национальную мысль организованный в конце зимы сотрудником Комитета молодежных организаций при ЦК ВЛКСМ Дмитрием Рогозиным II съезд Конгресса русских общин. Свежесть заключалась в предложении создать в ближнем зарубежье широкую сеть клубов славяно-горичской борьбы, каковые объединяли бы соотечественников и служили бы целям самообороны.

Как выяснилось, Рогозин руководствовался здравым принципом «готовь сани летом, а телегу зимой», ибо на исходе весны его физкультурные устремления (раскрутка крымского и североказахстанского кризисов) показали свою большую эффективность.

Отвлекаясь пока от специфики Крыма, Казахстана и славяно-горичской борьбы, заметим, что с чисто практической точки зрения отряды самообороны, понимаемой

НИКОЛАЙ ГАЛКИН

Язычники на марше

Комсомольский активист Дмитрий Рогозин — лучший друг физкультурников

именно в смысле самообороны, могут быть полезными разве что в местах компактного общинного проживания и для обороны от разрозненных разбойничьих шайк — см. опыт израильских поселений на Западном берегу Иордана, южноафриканских фермеров или американских поселенцев на Дальнем Западе. Кроме того что русские далеко не везде живут компактными общинами — что делает создание таких отрядов довольно бессмысленным, — как западное, так и восточное ближнее зарубежье причиняет русским такого рода неудобства, при которых эффективность отрядов самообороны сомнительна.

Опыт азиатских погромов (Сумгаит, Фергана, Ош, Таджикистан), применения которого к себе могут

опасаться проживающие на востоке русские, показывает, что с погромом могут справиться разве что специально обученные и экипированные войска, а отнюдь не любители физкультурники, ибо иметь дело приходится не с могущей вести себя рационально («дают — бери, а бьют — беги») шайкой грабителей, но с весьма многочисленной обезумевшей толпой. Неудобства жизни в западном зарубежье заключаются не в угрозе физического насилия, от которого при благоприятных обстоятельствах физкультурники, в принципе, могут защититься, но в большем или меньшем ограничении гражданских, политических, имущественных прав. Если государство считает недействительными поданный некоторым русским избирательный

бюллетень или совершенную им купчую, то никакой физкультурник не может принудить его считать эти документы действительными.

Впрочем, комсомолец Рогозин вряд ли всерьез руководствуется опытом американских пионеров или израильских поселенцев, которые к тому же использовали для обороны не малопонятную фольклорную борьбу, а нормальные тактические приемы стрелкового боя и новейшее для ответственной эпохи вооружение. Скорее, речь идет о заимствовании опыта лидера судетских немцев Конрада Генлейна — кстати, учителя физкультуры. Судетская методика работы с парамилитарными организациями, как то было популярно показано на Нюрнбергском процессе, заключалась не в защите немцев от озверевших чехов, но в создании casus belli, т.е. инцидента, позволяющего германской прессе писать о «реках немецкой крови», а германскому вермахту — подключаться к практическому решению проблемы. Вероятно, память о том, что успешное решение судетской проблемы посредством Мюнхенского соглашения 1938 года привело в 1945 году уже к реальному, а не мифическим рекам немецкой крови, за которые Вацлав Гавел в 1990 году просил прощения у немцев, склонила некоторых участников съезда к воспоминанию о судетском опыте — причем в резко отрицательном смысле.

Но деталью, делающей замысел Рогозина вполне самобытным, оказывается вид физкультурно-судетских организаций — не ДОСААФ, не скаутское движение, не охотничий союз, но ассоциации славяно-горичской борьбы. С точки зрения исторической это такой же исконный вид спорта, как Россия — родина слонов. Ни этнографы (если бы этот спорт был реально распространен, как, допустим, борьба батыров у тюркских народов), ни исследователи сект (если бы это было тайным искусством) ничего об этой борьбе не сообщают. В реальности это, подобно другим проявлениям неоязычества, домодельный слепок с очередного феномена восточной культуры, а именно — с восточных единоборств (карате, кунфу, ушу, айкидо), предполагающих, кроме лягания и брыкания, еще два очень важных элемента. В первых, восприятие данного вида спорта как универсальной жизненной философии, во-вторых, введение в спортивно-философские таинства посредством процедуры абсолютного послушания. В светской терминологии такие вещи называются тайным мистическим орденом.

О полезности абсолютного послушания для реализации честолюбивых политических планов что и говорить — если не считать давно спянской кровью приднестровских ландскнехтов, единственной организованной силой среди октябрьских защитников «Белого дома» оказались члены построенного по орденскому принципу баркашовского Русского национального единства. Что до философии, то она довольно экзотична и базируется на неоязыческой философии Валерия Емельянова, считающего «насилъственное крещение Руси первым преступлением сионистов на русской земле» и сочинявшего воззвания против «обрезанного товарища Христа». В начале 90-х гг. тайнства руководимой Емельяновым Московской языческой общины сопровождалась занятиями по славяно-горицкой борьбе, каковые занятия Rogozin ныне рекомендует перенести также и в ближнее зарубежье.

Отчасти они и переносятся. Rogozin уже грозил казахстанским властям использовать отряды физкультурников для освобождения арестованного лидера русской общины Бориса Супрунюка, а теперь Rogozin сообщает, что у него «налажены контакты» с Христианско-либеральной партией Крыма. Название партии не следует понимать ни совсем буквально, т. е. что партия объединяет людей, близких по духовным убеждениям С.С.Аверинцеву и покойному о. Александру Меню, ни даже в том смысле, что партия имеет хоть какое-то отношение к христианству и либерализму (что на фоне физкультурной емельяновщины было бы да-

же и нелогично).

Партия объединяет прежде всего спецназовцев, участвовавших в ангольской, вьетнамской, мозамбикской и афганской колониальных кампаниях, и сам Rogozin подчеркивает важность «боевого потенциала» христианских либералов, которые, как он указывает, «готовы любыми путями (с использованием «боевого потенциала»? — М. С.) сохранить мир в Крыму. Вплоть до самой безвременной кончины другого знаменитого друга физкультурников, Отари Квантришвили, говорилось о его тесных связях с христианскими либералами, так что Rogozin принял достойное преемство.

Наблюдая развитие крымской коллизии, нельзя не отметить прогрессирующее сходство Крыма, Абхазии и Приднестровья. Если в применении к России с большой скорбью можно говорить пока еще лишь об известной криминализованности государства, то в части непризнанных помянутых государств уместнее говорить уже о чисто криминальных образованиях, при которых крестные отцы правят, различно называемые христианские либералы исполняют необходимую в государстве роль машины подавления, а номинальные фигуры типа приднестровского Смирнова, абхазского Ардзинбы или крымского Мешкова уже ничего не решают.

Если политически рогозинский проект действительно использует судетскую модель физкультурника Генлейна, то культурологически он более напоминает замыслы, одолевшие Генриха Гимmlера в 20-е годы — воссоздать (фактически —

изобрести) поклоняющиеся богам Валгаллы общины «артаманов», нечто вроде древнегерманских мужских союзов. До сих пор Rogozin было принято относить к умеренным наци, при наличии проектов, обремененных такого рода историческими прототипами, его правильнее считать лучшим другом физкультурников, от умеренности достаточно далеким.

Некоторый трагикомизм физкультурному сюжету придает своего рода перестановка, происшедшая между Rogozin и некогда знаменитым кадетским лидером Астафьевым. В былые времена Rogozin, замещавший Астафьева, пропагандировал себя в качестве цивилизованного патриота и отрекся от вождя именно по причине чрезмерной астафьевской горячности, что даже принесло ему полезные политические дивиденды: его приглашали в тогда еще останкинские «Итоги» в качестве эксперта излагать точку зрения человекообразного националиста.

Теперь выясняется, что астафьевская модель борьбы, не отрицая в принципе вооруженных методов, базировалась все же на романтических представлениях о всеобщем народном восстании как законном средстве низвержения тирании. Rogozin, недавно проклявший засевших повсюду и неспособных спасти Россию «политических импотентов» и сделавший ставку на штурмовые отряды, явно отрешился от астафьевской романтики и — что еще хуже — от присущих Астафьеву остаточных приличий.

«Эскадрон гусар летучих...»

Очередная пресс-конференция исполкома Конгресса русских общин (КРО) и его председателя — Дмитрия Rogozina — на сей раз была посвящена тяжелому положению русских беженцев в Москве и Подмосковье.

Прозвучала резкая критика в адрес Сергея Шахрая, использующего, по мнению Rogozina, государственные средства в качестве «рычага мощнейшего политического давления» — в интересах собственной партии, ПРЕС.

Но главной сенсацией дня стало заявление председателя исполкома КРО, что в России в скором времени могут быть созданы «эскадроны смерти». Оказывается, се-

рьезной проблемой во взаимоотношениях России с государствами Средней Азии стало дезертирство военнотружущих русского происхождения из национальных армий. Сотни людей наотрез отказываются служить, например, Назарбаеву, перебегая в Россию. Среди этих людей не только вчерашние мальчишки-призывники, но и кадровые служаки. Бегут из Казахстана и бывшие сотрудники правоохранительных органов. По утверждению Валерия Попова, атамана 1-го отдела Сибирского казачьего войска, только в Курганской области России в данный момент находятся в бегах около 915 дезертиров из

вооруженных сил Казахстана. Фактически эти люди вне закона — российского гражданства им не дают, возвращение назад — смерти подобно.

Вот из этих-то дезертиров и могут быть созданы пресловутые «эскадроны смерти» — бандформирования, готовые уничтожить всех, кто, по мнению обиженных беглецов, и довел страну до нынешнего состояния. «Мы будем мстить!» — приводят слова офицеров, бежавших из национальных армий в Россию, руководители КРО. За подтверждением своих слов деятели Конгресса русских общин порекомендовали обратиться в Федеральную службу контрразведки — там, мол, все знают. А заодно и намекнули прессе, что источ-

ники информации у КРО самые надежные — МВД и ФСБ.

В беседе с корреспондентом «Столицы» Дмитрий Rogozin сказал, что самое тяжелое положение русских сейчас в Абхазии. Не менее тяжело и на Северном Кавказе, где пожиная плоды политики все того же Сергея Шахрая: «Одним он обещал одно, другим — другое. А в итоге — кровь...»

А вообще, касаясь Кавказа, где он когда-то работал, Rogozin заметил: «Там уважают только силу. Иным путем безопасность русских там не решить. Либо постоянное и мощное военное присутствие, либо полная эвакуация всех русских...»

Владимир ВОРОНОВ

Аршин для России

Свобода — не картошка, но все-таки...

Сергей ЧУПРИНИН

Что ни говори, а московским писателям, журналистам, ученым, вообще интеллектуалам познать свою страну еще шесть—восемь лет назад было не в пример привычнее и проще, чем нынче. То отправят, глядишь, в командировку, то покличут на декаду советской литературы, допустим, в Душанбе, то организуют научно-практическую конференцию в Новосибирске или лекции в Саратове, то вывезут просто на экскурсию, на так называемые творческие встречи в Брянск, Тбилиси, Псков, Киев, мало ли куда еще.

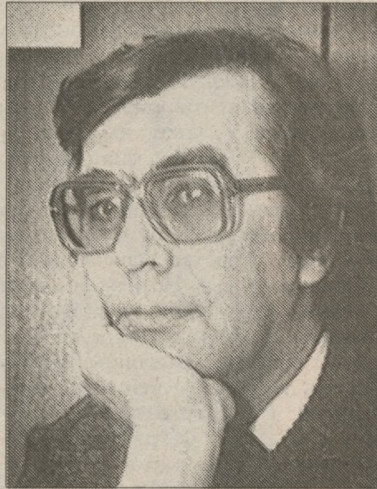
Оно вроде и обременительно бывало, и казенно, да все не без пользы: во-первых, знакомства в таких поездках сводились меж людьми, которыми иначе бы не сойтись, а вторых, пусть и отрывочно, но пополнялся все-таки запас ума холодных наблюдений и сердца горестных замет.

Зато теперь столичного жителя за 101-й километр и на отдых не выманить, не то что для умных разговоров: и дорого, и небезопасно, и незачем как-то. Еще в заграницу, скажет он вам, авек plezier, с нашим удовольствием, а вот в Уссурийск или хоть бы даже в Новгород — увольте, батенька, увольте...

Результат плачевен: в столичных газетах и журналах о жизни российской провинции нет и помина, собственных впечатлений — кот наплакал, и возникают опаска, обоюдная настороженность, ощущение разрыва между теми, кому сам Бог велел держаться едино, но кому выпало несчастье жить друг от друга на расстоянии железнодорожного перегона.

Так думал я, едуци в заполненном едва на четверть купейном вагоне вот именно что в Новгород. И мысли праздные мешались с мыслями вполне практическими, серьезными, поскольку ехал я не просто погулять (хотя и погулять, конечно, развеяться за пару дней), но еще и на предмет участия в симпозиуме с обязывающим названием «Человек и его ценности в русском либерализме».

Симпозиум готовили Новгородский университет, Международная ассо-

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

циация руководителей предприятий, Совет по внешней и оборонной политике, немецкий фонд Фридриха Науманна, редакция журнала «Знамя», и должен сразу сказать, что — у семи нянек дитя без глаза — ничего особенно научного, фундаментального из этой затеи не вышло. Кто-то из потенциальных докладчиков в Новгород ехал, ехал, но не доехал, кто-то предпочел импровизацию писаному тексту, и это, наверное, даже хорошо. В конце концов, ученые доклады можно и в книжках найти, тогда как ничто не заменит роскоши человеческого общения, живых споров, взаимного узнавания оратора и аудитории.

Мы, то есть предприниматель и общественный деятель Марк Масарский, критик и публицист Александр Агеев и ваш покорный слуга, просто общались с новгородской профессурой, приглядывались друг к другу и, хотя пуд соли съесть вместе явно не успели, кое к каким небезытересным выводам, мне кажется, все-таки пришли.

Ну, например, к выводу о том, что российский интеллигент — он и в Африке интеллигент: гремучая смесь интеллектуальной наивности и интеллектуальной подозрительности, досужего идеальничанья и здравого смысла, фанатичной уверенности в собственной правоте и склонности все на свете, включая собственную правоту, подвергать сомнению.

Весь вопрос, все своеобразие

лишь в пропорциях, в акцентах, и понятно, что, рассуждая о судьбах либеральной инициативы в постперестроечной России, легкие на подъем москвичи предпочитали говорить в терминах будущего или, как выразился бы Леонид Мартынов, «настающего настоящего», тогда как гораздо более оседлые новгородцы, что ни фраза, кивали на историческое прошлое, на традиции и устои.

Москвичи по большей части фантазировали и проектировали, предлагали взглянуть на либеральное преобразование России как на своего рода рациональную инженерную задачу — новгородцы тут же осаживали нас, напоминая об иррациональном сопротивлении материала: психологического, культурного, хозяйственного, политического.

Москвичи упирали на то, что либеральные ценности и стандарты по природе своей жизнеспособны, поскольку они совпадают с личным интересом, с личной, если угодно, корыстью всякого нормального человека, — новгородцы же говорили, что интерес интересом, стандарты стандартами, но ничто в России не устоит без праведников, без равнения на нравственный идеал и религиозные святыни.

Москвичи наконец, как и положено жителям космополиса, ссылались на общемировой опыт, а новгородцы хитро перемигивались: так-то оно, мол, так, но умом Россию не понять, аршином общим не измерить, и хорошо бы поэтому с самого начала озаботиться тем, чтобы и либерализм у нас явился с национальным лицом и в национальной поддевке.

До спора по-русски, то есть до поножовщины, до прилюдного раздражения своей и чужих рубаш, по счастью, не дошло, поскольку господ патриотов-фундаменталистов приглашением на симпозиум не обеспокоили, а марксист, еще один природный враг всего либерального, хоть и объявился, но какой-то, знаете ли, робкий, еще не оправившийся, видимо, от поражения своих недавних прав на монопольное владение истиной.

Собрались, таким образом, только те, для кого — по замечательной формуле Григория Померанца — стиль полемики не менее важен, чем предмет полемики. И поэтому, вероятно, в ответ на каждое решительное «да» следовало не столь же решительное «ну уж нет!», а раздумчивое «может быть, конечно, и да, но...». Что и давало возможность не выбрасывать немедленно ту или иную идею либо на штандарт, либо на помойку, а спокойно обдумать, рассмат-

ривать ее со всех сторон, подвергая испытанию на излом и измор, на соответствии неумолимым фактам.

Вот пара сюжетов наудачу.

Стремясь, как и было уже сказано, к поиску корней либеральной идеи не за кордоном, а в родных суглинках, кто-то из хозяев (а вернее сказать, хозяек) нашей встречи патристично заметил, что вот мол-де вечное устройство древнего Новгорода, задолго до всякой немчуры и англосаксов, являло собою пример личной свободы, ограниченной лишь общественным договором. Мысль эта тотчас же приглянулась всем собравшимся в зале литераторам, философам и филологам — как москвичам, так и новгородцам. Всем, словом, кроме профессиональных историков. Увы, сказал профессор Василий Андреев, и еще раз увя, я тоже, поверьте, патриот, но... Ни в каком попустительстве личности, ни в каком обеспечении ее прав и свобод, ни в какой либеральной веро- и духотерпимости средневековые новгородцы не замечены. Нет таких свидетельств, нет! Так что, простите великодушно, придется нам расстаться с душегрейным мифом о России — родине слонов и корни искать где-нибудь поближе, уже в новом времени...

И еще с одним мифом пуганого интеллигентского сознания пришлось, я надеюсь, распрощаться участникам симпозиума. С мифом о том, что любое целенаправленное, последовательное и уж тем более насильственное внедрение чего-либо (ну,

например, либеральных ценностей и стандартов) непременно губительно и бесчеловечно. Вот, в горячах бросил кто-то, опять нетерпеливые москвичи силком насаждают свободу — как картошку во времена Екатерины!.. Ах, как картошку? Очень хорошо. Матушка Екатерина действительно была и упряма, и временами жестока в картофельном просвещении России, это так. Но кто же все-таки был прав в этом конфликте? Герои картофельных бунтов, жизнью платившие за свою приверженность репе и редьке, или все-таки государыня, оставившая державу со «вторым хлебом», который столько раз за два века спасал россия от вымирания, что его и сопоставить-то не с чем?

Впрочем, всех сюжетов все равно не перескажешь. Благо беседа в эти дни шла непринужденная и внимание участников симпозиума вольно перепархивало с экономики на мораль, с морали на культуру, политику, историю, мало ли что еще. Но вот что важно. Горюя о том, что идеи свободы и приоритета прав личности в очередной раз явились на Божий свет в России скомпрометированными, никто из собеседников ни разу не усомнился в их принципиальной совместимости с российским опытом и русским национальным самосознанием. И второе. Никому даже и в голову не пришло, как это случилось бы еще три—пять лет назад, сочинять резолюции и бурнопламенные постановления, толковать о том, как недурственно было бы создать под-

линно либеральную партию или вернуть широкое, массовое либеральное движение.

За эти три—пять лет мы чуть-чуть протрезвели и понимаем, что либеральная инициатива действительно нуждается в правовом, в политическом обеспечении — столь же недвусмысленном, как британский «Билль о правах» или Конституция Соединенных Штатов. Но! Но — вне зависимости от того, есть ли уже такое обеспечение или оно только складывается, как в современной России, — задачи либерального преобразования страны и народа достигаются не на митингах и не в парламентах, а просто людьми. Я бы даже сказал, одиночками, добровольно берущими на себя право и обязанность уже сейчас вести себя, как свободные люди в свободной стране. И тем самым подавать пример либерального поведения, чтобы оно перестало наконец восприниматься как подвиг или как чудачество, превратившись в нечто вполне естественное, ординарное — как гигиенические процедуры по утрам и вечерам, как привычка говорить «здравствуйте», «пожалуйста» и «спасибо».

Таких людей в России еще не много. Но они уже есть — и в столице, и в провинции. Им есть уже и о чем поспорить, и в чем согласиться друг с другом — действительно свободным людям в потенциально свободной стране.

Ивановская истуканиана и казацкий гранатомет

Памятники Сталину ушли в подполье. Памятники его учителю, основателю ГУЛАГа, основоположнику тоталитаризма, ведут легальный образ жизни. В городе Иванове, родине первых Советов, подсчитали всех своих истуканов. А если посчитать по России — сколько получится? На их гипсе, базальте, граните и мраморе социализм будет стоять незыблемо.

В 1992 году воронежский казак А.Небольсин при полной форме выстрелил из гранатомета по каменному властелину, совершив тем самым теракт против все еще правящего нами из потустороннего мира изувера. По ст. 206 ч. III («злостное хулиганство»), ст. 218 («хранение оружия») он получил шесть с половиной лет особого режима и оказался в той самой Потье (Мордовская ССР, через ко-

торую прошли наши лучшие диссиденты. Стрелявшие в живых людей и вдохновлявшие стрелявших — октябрьские путчисты — (Ручкой, Терехов, Макашов, Ачалов, Баркашов со товарищи) на свободе. Стрелявший в каменного идола А.Небольсин погибает в штрафном изоляторе концлагеря.

Памятники выиграла.

Утро родины нашей розово,
Позывные летят,

попискивая,
Восвояси уходит бронзовый,
Но лежат, притаившись,
гипсовые.

Пусть до времени
покалечены,
Но и в прахе хранят обличие,
Им бы, гипсовым,

человечины —
Они вновь обретут величие!

(А.Галич. Ночной дозор)

О вреде излишнего послушания

Сергей Николаевич, вы — руководитель одного из ключевых комитетов нижней палаты парламента — Комитета по обороне. Удовлетворены ли вы тем, как реагирует на думские решения, постановления, принятые законодательные акты и просто рекомендации высшая исполнительная власть — правительство, МИД, Минобороны, наконец, президент России?

— В полной мере — не удовлетворен. И не тем, что недостаточно реагируют, а, скорее, наоборот — тем, что... слишком реагируют.

— Вы хотите сказать — слишком резко отвергают?

— Нет, именно слишком «чутко» реагируют, тут же меняя свою позицию на нашу, думскую... И то и другое плохо: и «с порога» отменять парламентские решения, и мгновенно «брать под козырек» после каждого, даже явно эмоционального, шага парламента.

Смотрите, президент США не держится же от каждого решения или мнения своих законодателей. Принял, допустим, американский сенат решение рекомендовать Клинтону отменить в одностороннем порядке эмбарго на поставку оружия мусульманам Боснии. Ну и что с того? Клинтон реагирует так, как считает нужным в соответствии с заявленной Штатами принципиальной позицией и согласно решениям ООН. Почему ж мы шарахаемся из стороны в сторону?

— Вы, наверное, имеете в виду затянувшуюся историю присоединения России к программе НАТО «Партнерство во имя мира», документ, который министр Козырев подписал только 22 июня?

— Да, и это тоже. Если помните, в самом начале и МИД, и Минобороны, и глава правительства, и президент Ельцин без всяких оговорок однозначно заявляли о стремлении России присоединиться к рамочному соглашению о партнерстве с НАТО. Но — после натовских бомбардировок позиций сербов в районе Горажде точка зрения и МИДа, и Минобороны, и президента резко изменилась: они стали выдвигать «особые» условия для подписания Россией документов по «партнерству...».

— Но ведь позиция исполнительной власти изменилась не только из-за бомбардировок Горажде.

— Вы правы: еще и по причине прозвучавшей в Думе критики в адрес МИДа и Минобороны. После ее постановления и стали наши руководители заявлять об «особой» роли России, повторять чуть ли не текстуально то, что звучало с трибуны Госдумы (в основном от представителей оппозиции).

— По-вашему, не было причин

Председатель Комитета Государственной Думы по обороне

Сергей ЮШЕНКОВ:

Правительство должно иметь свою линию и не шарахаться из стороны в сторону после каждого эмоционального всплеска депутатов...

для такого изменения позиции правительства?

— К сожалению, были. Дело в том, что вопреки всем договоренностям с НАТО последняя осуществила свои вооруженные санкции по отношению к сербам, не согласовав эти действия с Россией и даже не поставив ее предварительно в известность о предполагаемой бомбардировке. Больше того, налицо была односторонняя поддержка Западом лишь мусульман и хорватов. В этих условиях, строго говоря, понятна реакция на натовские действия со стороны большинства депутатов Думы, принявших постановление об одностороннем выходе из экономических санкций ООН в отношении Югославии. Но я считаю, что недостаточную гибкость проявили обе стороны — и российской власти, и западные. Надо было бы действовать хладнокровнее. И в этом смысле, убежден, выдвигать какие-то предварительные условия об «особом статусе» России при присоединении к программе «Партнерство...» было неразумно. Россия, конечно, могла сформулировать свои условия, но — не при подписании рамочного соглашения, а лишь непосредственно при заключении презентационного документа. В точном соответствии со статьей 8 рамочного соглашения, в которой говорится о том, что НАТО будет оказывать большее содействие тем участникам, которые наиболее активны.

— Почему же мы опять оказались столь неповоротливыми и неуклюжими в своей внешней политике — чуть ли не последними из партнеров по СНГ вступаем в программу НАТО?

— Считаю, это ошибка и МИДа, и Минобороны, но в основном, конечно, это ошибка президента, так как ведь именно он принимает окончательное решение. Мы действительно, как всегда, отстали: пять государств СНГ раньше присоединились к соглашению, а все другие заявили о своей готовности это сделать; даже такая «европейская» страна, как Киргизия. А Россия, вместо того чтобы сделать это одной из первых и уже влиять на других, заявляла о своих «особых условиях».

— А не разумнее ли было бы предварительно согласовывать со странами СНГ такие действия, как вступление в программу НАТО?

— Мне кажется, бывшие республики Союза, нынешние страны СНГ, все еще — по инерции — опасаются согласовывать с нами такие внешнеполитические действия из-за боязни проявления Россией «имперских замашек».

Но не менее важно, чтобы согласование наших действий происходило и внутри самой России — между законодательными и исполнительными органами власти. Что, например, плохого было бы в том, если бы министр обороны Грачев, прежде чем отправляться в штаб-квартиру НАТО в Брюссель, пришел в Госдуму и обсудил свои действия с нижней палатой парламента?

— Может быть, исполнительные власти не делают этого из-за чрезмерной политизированности Думы?

— Это, конечно, есть... Кстати, наш Комитет тоже ведь состоит из депутатов различной политической ориентации, но мы договорились, что при обсуждении проблем обороноспособности страны отбрасываем всякую политику. И почти все решения по принципиальным вопросам принимаются у нас в Комитете единогласно.

— Решений-то этих не слишком много...

— Может быть, Дума пока приняла мало законов, но часть из подготовленных законопроектов задерживается из-за отсутствия заключений правительства, министерств... Тем не менее я считаю, мы работаем нормально. Больше того, убежден: Дума при всех случаях намного эффективнее бывшего Верховного Совета! Если помните, тот был априори конфронтационен по отношению к президенту и правительству, а те — вообще не реагировали ни на постановления, ни на заявления, ни даже на законы, принимавшиеся депутатами. А сейчас — реагируют! Хотя, как я сказал, подчас слишком резко...

Григорий КРОШИН

Мы хотим жить в своем доме

Украино-российская проблема крымскотатарского народа

Мустафа ДЖЕМИЛЕВ

Гей, крымские татары?

Усилившаяся в последнее время напряженность между администрацией Крыма и Киева не в последнюю очередь связана с избранием президентом автономной республики Юрия Мешкова и результатами парламентских выборов в конце марта. Теперь подавляющее большинство депутатских мест занято активистами блока шовинистически и пророссийски настроенных партий и политических организаций Крыма, а Мешков — лидер этого блока.

Мешковым и парламентом принят ряд решений, постановлений, указов и законов, которые грубо противостоят конституциям и Украины, и самой Республики Крым как автономной территории в составе украинского государства. И если пока еще нет большой беды, то это во многом благодаря очень сдержанной позиции Киева. Но ведь так бесконечно продолжаться не может. Любое государство вправе принимать какие-то меры и, возможно, достаточно жесткие, чтобы обеспечить соблюдение своих законов и защитить свой суверенитет.

Мы не в восторге от политики Киева в отношении Крыма. Вместо решения вопроса о его статусе на основе уважения прав на самоопределение и восстановления национально-территориальной автономии, кото-

рые должен иметь его коренной народ, официальный Киев пошел по пути чрезмерных уступок сепаратистским силам в Крыму. А каждая новая уступка вдохновляет эти силы на выдвижение все новых и новых незаконных требований. И лишь недавно, 14 мая, президент Кравчук в своей речи на реквиеме в Киеве в связи с пятидесятилетием депортации и геноцида крымскотатарского народа заявил о праве строить свое государство на нашей исторической родине. Мы бы хотели надеяться, что политика Киева в отношении Крыма в дальнейшем будет соответствовать такой декларации.

Юрий Мешков же, решая проблемы крымских татар, столкнется с серьезными трудностями. Прежний Верховный Совет Крыма благодаря усердию группировки того же Мешкова принимал постановления о незаконности Меджлиса, о том, что эту организацию надо запретить и разогнать. Теперь прошло несколько лет и появилось понимание того, что нужен компромисс. И вот только-только были намечены пути его поиска — я имею в виду квоты для крымских татар в парламенте, которые все-таки утвердил Верховный Совет. Но тот же Мешков уже сказал, что результаты выборов в Крыму — это первый шаг на пути воссоединения славянских земель. А ведь мы, крымские татары, также считаем Крым своей землей. Так что, и мы славяне?

Мустафа ДЖЕМИЛЕВ родился в Крыму в 1943 году.

Был с семьей выслен в Узбекистан. В 1963 году поступил в Ташкентский институт ирригации и механизации сельского хозяйства. Исключен с третьего курса за «критику советской национальной политики». В 1966 году был арестован за отказ служить в армии и осужден на полтора года. После освобождения становится одним из активистов национального движения крымских татар, имевшего тесную связь с общедемократическим диссидентским движением.

Неоднократно арестовывался и позже: в общей сложности имеет семь судимостей. В конце 1986 года был освобожден по требованию академика Сахарова. В июне 1991 года избран председателем Меджлиса крымскотатарского народа — высшего представительного органа крымских татар.

ИТАР-ТАСС

Симферополь. 10 мая 1994 г.
Молитва за всех татар, высланных из Крыма при сталинском режиме

Парламент Крыма: «Россия», «Курултай», немец, грек, армянин и два коммуниста

Всего в Верховном Совете Крыма сейчас 94 депутата. Еще четыре скоро будут доизбраны. 56 нынешних депутатов входят в блок «Россия», 14 — представители крымских татар, которые зарегистрированы как фракция «Курултай», по одному — от немцев, армян, болгар и греков, два коммуниста, один — от Партии экономического возрождения Крыма. Остальные хоть и считаются независимыми, но большинство из них ориентируются все на тот же блок «Россия». Правда, сам он разделен на две фракции — «Россия» с 46 депутатами, «Республика» — с 10. Но это деление произошло не по идейным, а по личностным соображениям.

Наша же фракция практически ни с кем не блокируется и является, пожалуй, единственной реальной оппозицией шовинистическому курсу блока «Россия» и их президента Мешкова. Бывает так, что депутаты из других фракций, в том числе от «России», по одному подходят к

крымскотатарским депутатам,жимают им руки, выражают свое возмущение по поводу принимаемых авантюристических законов, но, когда дело доходит до голосования, они отдают свои голоса за те же самые авантюристические законы и решения.

Геополитическая стратегия посткоммунизма: сила есть...

В некотором смысле решающее значение для судьбы крымских татар имеют отношения между Украиной и Россией. При этом позицию России можно охарактеризовать как двойственную и не совсем соответствующую принципам уважения суверенитета соседних государств, в частности Украины. С одной стороны, российское руководство подтверждает, что между Россией и Украиной нет территориальных проблем и что Крым рассматривается как составная часть Украины. Но в то же время звучат некорректные, а иногда и просто грубоватые поучения и предупреждения насчет того, как следует Украине вести себя по отношению к Крыму. Я уже не говорю о многочисленных вояжах в Крым высокопоставленных российских политиков, которые порой делают там просто провокационные заявления. Все это, разумеется, не способствует урегулированию крымской проблемы и укреплению добрососедских отношений между Украиной и Россией.

К разговорам о возможном присоединении Крыма к России я отношусь как к теоретизированию. Важно сначала просчитать, кому и во что это обойдется, кому и что это принесет. Ясно, что добровольно это не получится, а если думать о том, чтобы решить вопрос силовым имперским методом, то остается прикинуть, как «счастливы» заживут люди после такого присоединения не только в Крыму, но и, возможно, на огромной тер-

ритории Украины и России. Речь ведь идет о возможном столкновении двух держав, каждая из которых обладает огромным военным потенциалом и многими уязвимыми точками. Не стоит сбрасывать со счета и то, как будет выглядеть «победитель» в глазах мировой общественности — на дворе конец XX века.

Во время выборов в российскую Госдуму почти половина принимавших в них участие моряков-черноморцев проголосовали за Жириновского. Сейчас на Черноморском флоте настроения довольно таки шовинистические и его присутствие вносит элемент дестабилизации, поэтому мы уже давно говорим, что лучший выход — демилитаризация Крыма. Единым, «российско-украинским», флот быть не может: раз существует независимое государство Украина, то оно должно иметь свой флот. Вот если будут единые вооруженные силы, во что я не верю, тогда и можно будет говорить о едином флоте.

У нас создается впечатление, что в этом вопросе Россия больше пытается навязывать Украине свою волю, используя сложное положение республики. Это не очень дальновидная политика — прежде всего с точки зрения долгосрочных интересов самой же России. Ведь рано или поздно Украина окрепнет и непременно встанет вопрос о пересмотре неравноправных договоров и об иностранных военных базах на ее территории. Как себя тогда будет чувствовать Россия?

Стремление на родину: законопослушно и ненасильственно

Позиция президента русскоязычного населения Крыма Юрия Мешкова и блока «Россия» нам хорошо известна, и поэтому ожидать, что положение крымскотатарского народа улучшится, у нас нет оснований. А не-

гативные последствия прошедших выборов уже ощутимы. Проблема восстановления всех прав нашего народа, его возвращения и обустройства может быть решена лишь в условиях мира и стабильности на полуострове, но действия Мешкова и парламентского большинства направлены как раз на усиление напряженности с Киевом. Его попытки в одностороннем порядке переподчинить себе все силовые структуры уже привели к опасному двоевластию в них, резкому росту преступности и открытому разгулу мафиозных структур (которые, впрочем, не чувствовали особого дискомфорта и при прежней администрации Крыма).

Для нас же по-прежнему актуальна главная проблема: вернуть на родину тех, кто остается в местах ссылки (а это около половины нашего народа), обустроить уже вернувшихся, многие из которых оказались в бедственном положении. Но решение этих вопросов связано с восстановлением и наших политических прав, ибо пока не будет достаточного представительства крымскотатарского народа в законодательных и исполнительных органах власти, не будут решаться и наши социальные проблемы, не будет ликвидирована откровенная дискриминация во всех сферах жизни.

Крымские татары — это никакой не вооруженный народ, наше национальное движение всегда было демократическим и ненасильственным. Мы не хотим участвовать ни в каком вооруженном противостоянии. А если уж говорить о позиции крымских татар в случае противостояния между Украиной и другой страной, то мы, очевидно, будем исходить из того, что Крым входит в состав Украины и крымские татары являются гражданами украинского государства.

Записал Сергей ШАПОВАЛ

Историческая справка

— Завоевание Крыма Россией в конце XVIII века вызвало волну эмиграции крымских татар: Крым покинуло свыше половины его коренного населения (сейчас в Турции, по приблизительным подсчетам, живет не менее 3 миллионов турок крымскотатарского происхождения).

— В начале XX века политическая жизнь крымских татар оживляется — в 1917 году (впервые за 134 года российского господства) формируется Первый курултай крымских татар. Но уже в

1919 году деятельность курултая приостанавливается, а его глава, муфтия и поэта Нумана Чембиджихана, расстреливают в севастопольской тюрьме.

— Перед Великой Отечественной войной население Крыма составляло 1 млн. 126 тысяч человек, в том числе крымских татар — 218 тысяч. В мае 1944 года Государственным Комитетом Обороны принимается постановление за подписью Сталина, в первом пункте которого значится: «Всех татар выселить с территории

Крыма и поселить в качестве спецпереселенцев в районах Узбекской ССР. Выселение возложить на НКВД СССР».

— 18—20 мая 1944 года состоялась операция по выселению крымских татар: было вывезено 191 044 человека. В этой акции участвовали 23 тысячи бойцов и офицеров войск НКВД и около 9 тысяч оперативных работников органов НКВД-НГБ.

— После распада Советского Союза крымские татары начинают возвращаться в Крым. По официальным данным, сейчас в Крыму 220 ты-

сяч крымских татар. Меджлис считает — 250 тысяч, поскольку около 30 тысяч не имеют прописки.

Общее же количество крымских татар на территории бывшего СССР Меджлис оценивает в 500 тысяч. Крымские татары составляют около 10% населения Республики Крым. Численность их будет увеличиваться достаточно быстро: кроме прироста за счет репатриации, есть еще один фактор — каждый второй ребенок, рождающийся сегодня в Крыму, — крымский татарин.

Цитатник

Андрей КОЗЫРЕВ:

«Партнерство ради мира» лежит у нас на полочке, далеко не первой, но и не на последней». («Сегодня», № 108, 1994 г.)

А то они небось думают, что у нас только зубы на полке..

Владимир ЖИРИНОВСКИЙ:

«К сожалению, наша армия на год раньше уходит из Германии, надо было бы остаться до 50-летия нашей победы, чтобы это была круглая дата и чтобы все, кто готов посягнуть на интересы России, знали, что воевать они будут с нами три-четыре года, а после победы русская армия будет стоять у них в десять раз дольше». («Правда Жириновского», № 10, 1994 г.)

При перспективе кормить нашу армию целых пятьдесят лет никто не посягнет на наше священное право делать это собственноручно.

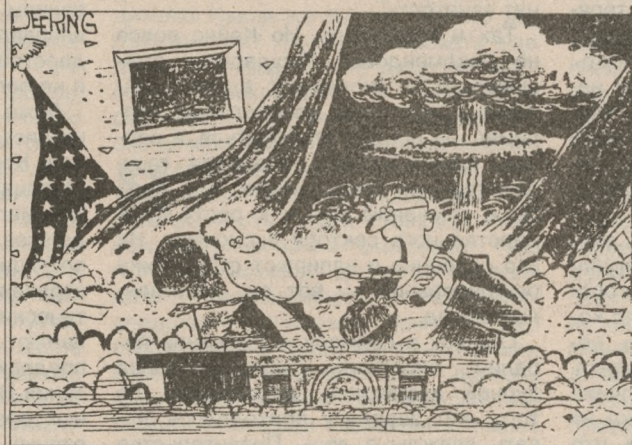
Александр ПОРОХОВЩИКОВ, актер и режиссер:

«Если чисто образно, то Россия-матушка для меня — это такой большой слон, у которого немножко ножки устали, прилег он. Он даже немного приболел, к радости разнообразных шкалов, грызунов, насекомых, его терзающих. Но стоит только громадине пошевелиться, как вся эта шваль исчезнет. А слон-то встанет и пойдет дальше». («Подмосковье», № 23, 1994 г.)

То, что «Россия — родина слонов», было, в общем-то, известно и раньше. Но то, что она, матушка, сама слон, да еще на усталых ножках, — это круто...

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

«Северная Корея говорит, что вы можете инспектировать их ядерные объекты прямо сейчас...»

(«Ньюсуик»)

Галина СТАРОВОЙТОВА:

«Я даже благодарна, что Ельцин не написал ничего обо мне (в «Записках президента». — Ред.), поскольку о некоторых других соратниках он написал нелицеприятные и, на мой взгляд, несправедливые вещи. Могу заметить, что, в отличие от Бориса Николаевича, я упомяну его в своей книге... Возможна также иная интерпретация известных событий... Кое-что напишу о создании партии Жириновского, кое-что о взаимоотношениях между Сахаровым, Ельциным и Горбачевым. Я думаю, что могу рассказать о некоторых нюансах подготовки соглашения в Беловежской пуще и вообще о распаде Советского Союза». («Русская мысль», № 4031, 1994 г.)

Виктор ЧЕРНОМЫРДИН:

«...Ничего я не пишу. Мне сейчас не до этих дел. Я не писучий. И не причисляю себя к таковым. У меня этого даже в мыслях нет». («Комсомольская правда», № 102, 1994 г.)

«Имеются веские доказательства того, что организованная преступность в бывшем Советском Союзе постоянно пытается найти доступ к ядерным запасам с целью получения гигантских прибылей». (Сеймур Херш. «Атлантик мансли», 1994 г.)

«Мы серьезно обеспокоены тем, — заявил в одном из сенатских комитетов директор ФБР Луис Фри, — что рос-

сийская организованная преступность, вероятно, уже получила или получит доступ к ядерному оружию». («Вашингтон таймс», 1 июня 1994 г.)

(ИТАР—ТАСС)

Наталья САФРОНСКАЯ, главный эксперт по информации «УФО-центра», член-корреспондент Международной академии информатизации: «Другой пример.. Мужчину похитили (пришельцы. — Ред.) из Подмоскья, а женщину — из Прибалтики и забрали на НЛО. Мужчина спросил пришельцев, что они собираются делать с пленниками. Ему ответили, что хотят взять половой материал: яйцеклетку и сперму. Затем пару доставили на неизвестную планету. И там мужчина встретил знакомого, украинского ранее. Тот сказал: «Не соглашайся здесь оставаться!» («Куранты», № 109, 1994 г.)

И правильно сказал. Окачивается, пока мы боремся с «утечкой мозгов» на Запад, на неизвестные планеты утекает совсем другой «материал», который нам самим тоже пригодится.

Пророчества

«Московский гражданин, — сказал член Государственного совета Я.А.Ушаков, возмущившись речью нового председателя Государственной Думы А.И. Гучкова, — осмелился всенародно сказать, что он исповедует «конституционно-монархические принципы». Подумайте, такую вещь ляпнуть в таком учреждении!.. Конституция — чужое, не русское слово. Русский крестьянин никогда не произнесет его, в России говорить такие слова, по меньшей мере, бестактно». («Родина», № 12, 1910 г.)

И увидел Он, что регулирование хорошо весьма

Виктор КОПИН

Власти не мыслят своего существования без регулирования экономики. Экономика им представляется машиной, нуждающейся в постоянном ремонте. И чиновники мнят себя первоклассными мастерами, способными и, главное, имеющими право на подобную деятельность: они получили на нее лицензию от народа. Помните, как правили Черчилль, Рузвельт? Они регулировали экономику. И во всем мире ее регулируют. И наши власти будут регулировать. Чем же еще заниматься?

Поговорим поэтому о Кейнсе, экономисте, завещавшем нам регулировать экономику. Оставим в стороне его теорию мультипликации, по которой выходила необходимость регулирования ссудного процента, ренты для увеличения и оживления спроса. Великий экономист одним из первых пришел к выводу о том, что сумма денег вовсе не равна сумме стоимостей товара (с учетом скорости обращения). Бывают ситуации, когда увеличение денег в обращении вовсе не порождает инфляцию, т.е. граждане не торопятся их тратить, а несут в банки для накопления. Во времена Великой депрессии, когда шло крушение самых стабильных банков, граждане резко сократили спрос на товары долгосрочного пользования, что привело к параличу их предложения. Казалось, что увеличение денег в обращении способно только к раскручиванию инфля-

ции. Джон Кейнс доказал, что это не так: увеличение массы денег должно вести к их накоплению для подобно-го рода покупок (автомобилей, недвижимости). Интенсификация спроса породит соответствующее предложение, возродит производство, увеличит занятость.

Так и произошло. Но Кейнс вовсе не рекомендовал государству вмешиваться в экономику административно. С частными монополиями, например, он предлагал бороться, а вернее, конкурировать, создавая государственные предприятия. Что вело бы к снижению цен и к росту государственного сектора экономики. На это особенно и напирают сторонники регулирования — вот он, действенный метод.

Однако, к примеру, в Германии паралич экономики сопровождался бурной инфляцией, доходившей до того, что зарплату приходилось давать дважды в день. Правительство как будто следовало Кейнсу, печатный станок не останавливался ни на минуту. Но разница в том, что в Германии, в отличие от США, был мощный государственный сектор, который правительство спасало дешевыми кредитными вливаниями.

Нечего и говорить, что современная ситуация в России не такая, чтобы следовать учению Кейнса. Разве у нас мал государственный сектор? Разве нам угрожают частные монополии? Учение Кейнса оказалось востребованным просто для того, чтобы его авторитетом

подписать идеологию регулирования экономики, понятую как необходимость вмешательства в нее государства. Чем иначе объяснить, что из многообразия экономических теорий потребовалась именно теория Кейнса? Она обернулась требованием изменения курса реформ в направлении усиления роли государства, хотя эта роль ни на секунду и не ослабевала.

Даже «частник» у нас явлен к жизни чисто административно. Он назначен. Кто должен превратить Урал в Швейцарию? Бывший зам. министра. Для него создается ИНТЕРУРАЛ. Кто должен страховать зарубежные инвестиции? Бывший глава администрации президента Ю.Петров. Практически все «бывшие» и «настоящие» являют недюжинные способности в предпринимательстве и в регулировании. В рождающемся обществе «равных возможностей» — масса особо равных. И им следует государственно помогать. Например, льготными кредитами.

Мелькающие по телевизору частники и государственники славят идеологию регулирования. Еще бы! С коммунистических времен они чувствуют себя в ней как рыба в воде. И все как один — за регулирование. Регулировать экономику любил и видный экономист, член-корреспондент РАН Р.Хасбулатов и бывший главный агроном страны А.Руцкой. Г.Зюганов, В.Шумейко, И.Рыбкин, В.Черномырдин, В.Жириновский, наконец, Б.Ельцин

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

(можно перечислять сколько угодно и без системы) в вопросе о регулировании являют почти полное единодушие. Разве это не основа для «согласия»?

У регулировщиков, к примеру, существовала извечная мечта «накормить народ», превратившаяся за десятилетия в утопию. Но это тогда, при коммунистах. Сейчас — другое дело. Всевозможные мэри и префектуры отобрали достойных для осуществления этой цели. Частник закупает продукт, а государственный — платит (из государственных денег), и довольны оба. И если москвич слышит о закупках лука из Египта, который будет дороже на 20 процентов того, что сейчас на московских рынках, то пусть он знает — это к нему идет самый настоящий регулируемый рынок.

Когда разгоняли стихийные рынки, возникшие после президентского указа о свободной торговле и собиравшие такие толпы народа, которые не снились ни блоку «Демократическая Россия», ни коммунистам, то все это делалось для регулирования: нельзя же допустить, чтобы взять и бесконтрольно продать-купить. Лицемерная забота властей о «гигиене» и «цивилизованном рынке» взяла верх, хотя, казалось бы, разве не обязаны власти убирать-подметать? В общем, рынок нуждается в регулировании, т.е. во взимании с граждан дани.

Эта схема также отрегулирована. Ведь не кому попало даются льготные кредиты, равно и не кто попало их выделяет. «Невидимая рука» может разорить любого субъекта рынка, только не того, кто причастен

к рынку регулируемому. Мудрено, скажем, разориться частному банку, если в нем владеет акциями Центральный банк. Можно ли поверить, что такой избранный банкир не знает курса рубля на месяц вперед? Ведь он также регулируется.

Именно такой рынок функционирует в настоящее время, когда невозможно понять — потому ли разоряется ЗИЛ, что его производство неэффективно, или потому, что его разорение отрегулировано заранее. Ведь если перераспределять средства от эффективных производств к неэффективным, то неэффективными будут и те и другие. Сейчас дорегулировались до того, что банкротство грозит едва ли не каждому производителю. Какой же вывод из этого делаю власти? Надо регулировать еще лучше, государство не допустит массовых банкротств. В результате разорятся все, кроме государства: оно всегда найдет очередную жертву.

В свое время крупнейший экономист Ф.Хайек доказывал порочность идеи государственного регулирования экономики тем, что невозможно, дескать, определить совокупность причинно-следственных связей, при которых вторжение государства в экономику будет эффективным. Это должен быть божественный Ум невероятной мощи, способный вычислять наперед движение цен, прибыли, процента. Лучше, полагал Хайек, отдать все это стихии рынка: он поощрит эффективное и упразднит убыточное. Лауреат Нобелевской премии явно ошибался. При регулируемом рынке вовсе не надо знать цен и про-

центов. Скажем, В.Черномырдин купил у крестьян зерно для государства, подрядившись при этом заплатить им вдвое против того, что обещали биржи. И что же? Денег он им не отдал. И накормил хлебом столько народу, сколько не снилось Христу — разве не чудо регулирования? В России, если внимательно присмотреться, у представителей исполнительной вертикали в целом вполне обнаруживаются подобные богоравные качества. И у законодательной — также.

Вот Ю.Лужков надумал заново возвести храм Христа Спасителя. Эта стройка века — «нравственный долг перед церковью» (между прочим, организацией, отделенной от государства). Однако есть москвичи, имеющие отношение к религии в том лишь смысле, что бедны как церковные крысы, потому что они пострадали от большевистской идеологии. Есть и обедневшие от демократов. Попадают и мусульмане, и иудеисты, даже кришнаиты. А есть и (о ужас!) атеисты. Без «регулирования» они, скорее всего, предпочли бы купить даже «кусочек Олби». Но государственное регулирование сделает их христоролюбивыми, из их кошельков принудительно изымут богоугодные деньги.

Такая уж у нас демократия, требующая жертв то на атеизм, то на религиозное воспитание трудящихся. Святые дела нуждаются как в праведниках, так и в мучениках, возникающих, правда, в России не методом божественного предопределения, а регулированием.

«Смесь французского с серпуховским»

Французская химическая корпорация «Рон-Пуленк» наконец добилась своего — создано совместное предприятие «Рон-Пуленк-Серпухов». С российской стороны учредителем стал Серпуховский завод по производству полимерных волокон, с французской — уже указанная компания, занимающая, кстати, седьмое место в мире по выпуску химической и фармацевтической продукции. Новое СП будет выпускать ацетатные нити для сигаретных фильтров. По словам генерального директора «Рон-Пуленк-Серпухов» господина

Волкова, эта продукция «нужна всем». Генеральный же директор Серпуховского комбината господин Линяев уточняет: уже сейчас есть заявки от «Дуката», «Явы», санкт-петербургских комбинатов и «многих других из провинции».

В настоящее время на территории бывшего СССР ацетатная нить не производится — табачные фабрики получают ее из-за границы, что, по мнению господина Линяева, «просто неумно», поскольку, во-первых, огромные деньги стоит транспортировка, а во-вторых, везут «фактически воздух» — в Россию пос-

тупает полуфабрикат. Так что, быть может, в скором времени — а выпуск нитей начнется уже в 95-м году, — сигареты станут даже чуть-чуть дешевле. А может быть, чуть-чуть дороже — продукция ожидается очень качественная.

Постоянный представитель «Рон-Пуленк» в России господин Блан связывает создание нового предприятия в первую очередь с «доброй волей российских партнеров». А что касается администрации города Серпухова, то она не только не мешала, но даже помогала.

Более пятидесяти процентов акций совместного предприятия принадлежит

французской стороне, и, соответственно, оно подпало под действие свежего президентского указа о льготном налогообложении компаний с участием иностранного капитала. Добавим, что «Рон-Пуленк» поставляет оборудование и технологию, в то время как Серпуховский комбинат — производственные площади и рабочие руки. Причем под совместное предприятие будет переоборудован цех, продукция которого давно уже не приносила прибыли. Так что ацетатная нить превращается в своего рода спасительную соломинку.

Эдуард ДОРОЖКИН

Солнце восходит над Гудзоном

Японцы не будут воевать со Штатами. Пока

Василий ГОЛОВИН

Во времена последних боев «холодной войны» в середине 80-х годов публику в Токийском клубе иностранных корреспондентов веселил один австралийский журналист, горячо предрекая предстоящий крах союза между Японией и США и чуть ли не скорую войну между двумя верными тихоокеанскими союзниками. Он обильно сыпал цифрами чудовищного дефицита Соединенных Штатов в торговле с его главным азиатским партнером, подтверждая главную мысль: Вашингтон не имеет никаких рычагов воздействия на Токио и в будущем сможет поддержать свое влияние только путем грубой силы.

Подобные пророчества, признаюсь, вызывали у нашего брата, советского корреспондента, только кислые ухмылки, поскольку уж очень они смахивали на предсказания В.И.Ленина, который еще в начале века уверенно говорил о пресловутой неизбежности обострения японо-американских империалистических противоречий. Впрочем, Владимир Ильич, как известно, попал в точку, что и доказал аккурратно спланированный самурайский налет на базу США Перл-Харбор в декабре 1941 года. Однако времена с тех пор, что ни говори, сильно переменялись, и толковать сейчас о «неизбежности обострения империалистических противоречий» между лучшими друзьями на Тихом океане — это все равно что опять ждать германские танки в Париже. По крайней мере, таково общепринятое мнение, подкрепленное здравым смыслом.

Но все же разговоры о возможном японо-американском разрыве позрительно не утихают, и, пожалуй, они даже усилились в последнее время. В самом начале 90-х, к примеру, в США появилась крайне шумевшая книжка, где излагался детальный сценарий второй войны между Токио и Вашингтоном за господство на Тихом океане. Имена ее авторов российскому читателю ничего не скажут, да и прозвучали такие пророчества не слишком аргументированно для более-менее подкованной публики. И все же, согласитесь, само появление скандальной книжки — симптом.

В разряд общезаметных симптомов можно занести и показанный по всему миру (включая кинотеатры Москвы) американский фильм «Восходящее солнце», экранизацию бестселлера очень модного сейчас Майкла Крайтона. В этой ленте с участием бесподобного «экс-агента 007» Шона Коннери на порядок смягчены жесткие антияпонские акценты, заложенные автором романа, однако даже в таком виде он вызвал шок у публики, поскольку сделан был по канонам «черной пропаганды», годящейся лишь для военного времени.

В США вспыхнули демонстрации протеста американских граждан японского происхождения с требованием запретить «Восходящее солнце», по токийским газетам пронесся ураган гневных статей, на которые авторы ленты вяло отвечали «а в чем дело?». И все было ясно: очередной достаточно стандартный фильм с убийствами, расследованием и мордобоем продемонстри-

ровал крайнюю живучесть уже сложившегося стереотипа — многие американцы считают японцев фанатиками и лицемерами, которые лишены нормальных человеческих чувств, по своей воле никогда не пойдут на честный компромисс и ради очередной цифры в статье доходов их фирмы готовы на все. Ну а для японцев появление «Восходящего солнца» стало симптомом американского нежелания их понять и американских самоуверенных потуг судить весь мир по собственным законам, основанным, в конечном итоге, только на защите интересов США.

В сущности, после мировой войны такой психологический комплекс в той или иной мере всегда существовал в отношениях двух союзников, которые до 1945 года попеременно были то в положении кошки с мышкой, то почти приятелями, то беспощадными врагами. При этом нужно отдавать себе отчет в главном: все периоды японо-американской дружбы совпадали с временами, когда Вашингтон с особым подозрением, ненавистью или страхом относился к стране, именовавшейся то Россией, то СССР, то снова Россией.

На стыке веков США, стремившиеся к экспансии в безграничном Китае, были крайне озабочены прочностью позиций Санкт-Петербурга в Восточной Азии, символом которых стали незамерзающий Владивосток и активная русская колонизация Маньчжурии. Англосаксонский Запад, конечно, не был большим поклонником экс-самураев, очень стремившихся приобщиться к его техническим достижениям. Однако воинственная Япо-

*Американские
корабли после
налета
японской авиации
на Перл-Харбор
Декабрь 1941 г.*

ния выглядела хорошим противником русским, которых, по логике Лондона и Вашингтона, следовало загнать обратно в сибирскую тайгу. К тому же Япония казалась тогда лишь «бравой желтой мышкой», не способной всерьез угрожать могучим европейцам и американцам. Поэтому Британия и США как следует вооружили и толкнули в бой японцев, мощь и упорство которых беспечная Россия так и не смогла оценить вплоть до цусимского унижения и падения Порт-Артура. Токио тогда хорошо сделал свое дело и взамен получил не только признание в виде великой державы, но и беспрепятственный допуск на азиатские рынки западных колоний, которые он наводнил своими низкокачественными, но дешевыми товарами.

Однако японцы быстро показали, что вовсе не собираются играть в чужую игру. Свидетельством тому стал отказ прислушаться к добрым советам из Вашингтона, а затем — планомерный захват охваченного гражданской войной Китая и начавшаяся в 1941 году великая война на Тихом океане, во время которой Токио рассчитывал раз и навсегда выставить из Азии своих бывших белых покровителей. Впрочем, после первых побед японцы стали быстро выдыхаться, однако на американцев с их нежными западными нервами наводили почти мистический ужас гарнизоны императорской армии на тихоокеанских островах, которые даже после массированных бомбардировок дрались до последнего патрона, а потом предпочитали идти с голыми руками на пулеметы, но не сдаваться в плен.

Однако после Хиросимы и советского наступления в Маньчжурии Токио продемонстрировал умение не только воевать, но и выживать: он счел за лучшее организованно капитулировать и спасти нацию для будущего восстановления. В Японии высадился надменный американский наместник генерал Дуглас Макартур в солнечных очках, с неизменной курильной трубкой в зубах, и страна была оккупирована американцами. Однако в глазах Вашингтона ситуация в регионе вновь практически вернулась к положению, существовавшему в начале века, только куда с большими приобретениями для «русских».

Казалось, Китай, часть Кореи и Юго-Восточной Азии были безвозвратно потеряны для Запада, и США сделали все, чтобы поставить на ноги Японию. Хотя еще недавно американцы испытывали к ней почти клиническую ненависть.

Есть масса причин японского экономического чуда и нынешнего процветания этой страны, которые некогда столь счастливо сложились воедино. Однако ни одна из них не заработала бы в полной мере без мощного американского фактора: готовности США всегда и во всем помогать возрождению Токио в качестве «непотопляемого авианосца» Вашингтона на Тихом океане.

На укрепление этого плацдарма были брошены колоссальные инвестиции и финансовая помощь. Для Токио были настежь открыты рынки Соединенных Штатов и некоммунистической Азии. Ну а прочный взлет Японии к экономическим успехам начался именно с того момента, когда

она сумела стать гигантской тыловой мастерской, обслуживавшей нужды американцев.

Токио сам ввел законодательные ограничения, позволявшие ему оставаться на позициях скромного младшего брата, не имеющего сил ввязываться в дела большой мировой политики. Это и крайне жесткие ограничения на военные расходы (не более 1 процента валового национального продукта), и запрет направлять войска за рубеж, поставлять туда оружие, вступать в коллективные военные союзы, размещать на своей территории ядерные силы.

Но с конца 60-х годов начался экономический конфликт между верными союзниками. Его причина проста: фантастически окрепшая Япония неизменно продает на американском рынке несравнимо больше товаров, чем покупает. В прошлом году эта разница достигла 60 млрд долларов. Япония пользуется практически полной свободой в США все, что угодно, американцы же лишены такого права на территории своего «непотопляемого авианосца». И не потому, что их специально дискриминируют — просто таковы условия игры в японской экономике.

К примеру, иностранец здесь часто не может продать даже отличный товар, поскольку практически все действующие в стране магазины связаны с той или иной местной промышленной компанией и не хотят брать чужую продукцию. Наиболее выгодные контракты распределяются до сих пор не на открытых торгах, а путем тайных полубовных сговоров между фирмами отрасли. Существует масса других, мелких, но непреодолимых препятствий, и суть их в том, что без коренного изменения самого «способа существования» японской экономики США нечего и надеяться на прекращение односторонней перекачки долларов в токийские сейфы.

После самоубийства СССР и окончания «холодной войны», казалось, за эту задачу можно взяться вплотную. Администрация Билла Клинтона, провозглашая курс на партнерство с Россией, одновременно с беспрецедентной жесткостью потребовала от Токио «наконец-то поговорить серьезно». Прямая связь этих двух составляющих новой американской политики была очевидна: исчезновение заклятого врага в лице Советов избавляло Вашингтон от осточертевшей необходимости все прощать Японии. Я прекрасно помню, с каким унынием встречали в Токио каждое сообщение о контактах российских

и американских политиков, военных, разведчиков, о теплоте встречи Ельцина с Клинтоном в Ванкувере, где президент США даже взял на себя смелость в ходе приватной беседы в ресторане давать Борису Николаевичу советы о том, как лучше вести переговоры с упрямыми японцами. Именно в этот момент на мировой экран и вышел уже упоминавшийся боевик «Восходящее солнце», в котором один из персонажей многозначительно говорит, что теперь на смену русским главным врагом американцев могут стать обитатели Страны восходящего солнца.

Поначалу события стали развиваться с головокружительной быстротой; Вашингтон заявил, что на экономических переговорах с Токио потребует конкретного согласования процентов, на которые тот в течение оговоренного времени будет снижать актив своего торгового баланса, расширять закупки американских товаров и т.д. Переговоры немедленно зашли в тупик, поскольку японцы привыкли, что любые консультации такого рода заканчиваются лишь общими «заверениями в стремлении к активизации и углублению».

Кульминацией конфликта стала встреча Билла Клинтона и японского премьера Морихиро Хосокавы в Вашингтоне в январе этого года, когда американский президент вместо привычных слов о важности партнерства между двумя странами неожиданно потребовал конкретного экономического разговора и выраженных в цифрах обязательств. Его партнер был совершенно не готов к такому повороту и в конце концов вынужден был ответить четким «нет». В сущности, это стало своего рода историческим событием, поскольку до сих пор Токио всегда говорил американцам только «да», хотя и часто делал все по-своему. В ответ Клинтон бодро заявил, что между старыми друзьями любая ясность лучше туманной неопределенности, и переговоры завершились на тревожной ноте.

Последовавший за этим визит в Токио госсекретаря США Уоррена Кристофера только закрепил тупиковую ситуацию: американцы требуют мощного сдвига, а японцы упрямо стоят на своем, несмотря на стремление замять конфликт. Контакты на рабочем уровне тоже показали, что Токио сейчас не в состоянии ломать свою экономическую структуру, поскольку чиновники и бизнес надеются «переупрямить» Вашингтон, а слабое коалиционное правительство страны не имеет сил их переубедить.

Их родина — Америка

Более того, всем стало ясно: две ведущие экономические державы планеты пока не имеют готовой модели сосуществования в отсутствие СССР или другой «общей угрозы», поскольку в такой ситуации их военно-политическая общность теряет свою особую важность и на первый план выходят неразрешимые (без всякого преувеличения) противоречия в торговле и финансах. Иными словами, первые наивные представления Вашингтона о своем поведении в период «после «холодной войны» потерпели полный крах при столкновении с реальностью, а дальнейшая эскалация экономической склоки явно грозит расшатыванием политического союза с Токио.

Немаловажно и то, что сейчас там на авансцену выходит новое поколение политиков, требующих превратить Японию в «нормальную страну» с армией, полномасштабным весом в мире и, возможно, даже с ядерной бомбой. Углубление нынешнего спора в перспективе лишает США контроля за этими силами, что угрожает долгосрочным интересам Вашингтона, который всегда с затаенным страхом относился к весьма правдоподобной перспективе нового взрыва японского национализма.

С другой стороны, две страны толком не представляют, как, собственно, они могут реально конфликтовать в области экономики. На США приходится 27 процентов японского экспорта, на Японию — 14 процентов американского. Они связаны миллионами прочных нитей в области финансов, инвестиций, взаимных обязательств, соглашений по технологии и т.д. «Развод» или «война» для Токио и Вашингтона сейчас почти такое же немислимое дело, как и полное урегулирование их экономического конфликта.

Иными словами, пока речь может идти только о том, чтобы опять отложить решение проблемы на будущее в надежде, что она «со временем рассосется». Уже сейчас администрация Клинтона, как мне кажется, ищет пути к тому, чтобы вновь свести нынешние переговоры с Японией к некоему туманному варианту, не теряя при этом лица. Ну а для умиротворения жаждущей крови американской общественности Вашингтон пытается прибегнуть к испытанному шаблону: созданию «общего врага» в любом виде.

Такое стремление, в частности, отчетливо просматривается за нарочито взволнованной реакцией, которую Вашингтон демонстрирует в отношении, бесспорно, очень подозрительной ядерной программы КНДР. Нет слов, оснащение маршала Ким Ир Сена «большой бомбой» крайне опасно — в том числе и для России, которая непосредственно граничит с Корейским полуостровом. Однако в истеричной кампании в печати открыто прослеживается и побочная цель: спасти нынешнее состояние союза с Японией, укрепить его ослабевшую военно-политическую сторону путем создания нового долгосрочного врага. Нечего и говорить, что Токио с охотой поддержит такой вариант, поскольку сохранение статус-кво отвечает его интересам.

Короче говоря, слухи о новой японо-американской войне оказываются явно преувеличенными, поскольку ее никто не хочет. Однако только будущее покажет, смогут ли Токио и Вашингтон выйти на уровень подлинного взаимопонимания, а не только терпеть друг друга как неизбежное условие обеспечения собственной безопасности и процветания. Что же касается настроений нового поколения японцев, то они известны: недавно проведенный опрос среди старшеклассников показал, что наибольшую угрозу своей стране они видят в США, а вовсе не в России или в той же Северной Корее.

Токио

ЭДУАРТ КУДРЯВИЦКИЙ

Вдвое меньше, но вдвое больше

В прошлом году Москва изрядно удивила автомобильный мир, проведя почти одновременно крупную международную автовыставку на территории Всероссийского выставочного центра (вторую по счету) и международный же автосалон (с первым порядковым номером) в Выставочном комплексе на Красной Пресне. И это при том, что признанные лидеры автомобильных шоу, вроде Женевы или Токио, скромно довольствуются одним подобным мероприятием, правда качеством и авторитетом выше.

Выставку—93 на площадях ВВЦ организовала компания ITE из Великобритании, поэтому там были богато представлены зарубежные машины и крайне скудно — отечественные. Зато главным организатором действа на Красной Пресне было АО «Автосельхозмаш-холдинг» (некогда — одноименное министерство), поэтому сюда в основном прикатили свою продукцию российские и ближнезарубежные заводы, тогда как запутавшиеся в наших смотрах иностранцы откликнулись вяло.

В нынешнем году с подобным «двуличием» покончено: ITE и «АСМ-холдинг» договорились действовать сообща, при участии ВВЦ и Российской автомобильной федерации. И с 24 по 28 августа во Всероссийском выставочном центре пройдет одна, но очень большая международная выставка, которая раскинется аж на 30 с лишним тысячах квадратных

метров (что примерно вдвое больше, чем в прошлом году). При этом организаторы сохранили свою «специализацию» — англичане зазывают иностранцев, наши — автомобилестроителей бывшего СССР.

По словам президента ITE Роджера Шашуа, из сотни откликнувшихся инофирм свое участие подтвердили «Опель» и «Пежо», «Крайслер» и «Форд», «БМВ» и «ФИАТ», «Мерседес» и «Ниссан», «Вольво» и «Тоета» и прочие гранды. Многие из них покажут автомобили, которые в России ни разу не демонстрировались, а кое-кто привезет на выставку модели, не показывавшиеся еще ни на одном автосалоне мира.

Вице-президент «АСМ-холдинга» Евгений Левичев со своей стороны гарантирует присутствие ВАЗа и АЗЛК, ЗИЛа и КамАЗа, ГАЗа и УАЗа и других автозаводов России, а также предприятий Белоруссии, Латвии, Украины — общим числом более 70. Несмотря на то, что с инвестициями в отрасль и у нас, и в ближнем зарубежье сейчас дела обстоят неважно, некоторые новинки мы все-таки увидим. Вроде «Москвича-2335» с «фордовским» дизельным двигателем, большого городского автобуса «ЛиАЗ-5256» (дизельный двигатель «Мерседес») или пожарного автомобиля зилловской разработки.

Августовская выставка зарегистрирована в официальном календаре Международной организации производителей автомобилей, а это

Так выглядел «Автосалон»—93

почти как турниры «Большого шлема» у теннисистов — очень престижно. Но еще престижнее не автовыставка, а автосалон — высшая форма подобных шоу. Это тоже будет в Москве, но в 1995-м: объединившиеся устроители московских автомобильных смотров решили, что в четный год — выставка, в нечетный — салон.

В.М.

«РИН» обогнал Америку

Сквозняк, который давно гуляет в государственных карманах, уже превратился в смерч. Он все сметает на своем пути, закручивает в бараний рог даже те государственные предприятия, что всегда прочно стояли на ногах. Дамоклов меч массовых сокращений висит чуть ли не над каждым заводом, НИИ, КБ, и попадают под него не только пенсионеры, но, как известно, и совершенно здоровые, молодые, полные энергии люди. Поэтому тем более странно, что Центр «РИН» Московского общества работающих инвалидов, созданный два года назад при КБ точного машиностроения, не просто существует и работает, а еще и платит своим сотрудникам вполне приличную зарплату, и инвалиды в нем не примитивные электророзетки собирают и не резинки для бигудей режут...

Главная задача Центра — создание рабочих мест для инвалидов, их социальная и трудовая реабилитация. Здесь разрабатывают и производят мелкими сериями не только товары народного потребления и производственно-технического назначения, но и приборы и аппараты медицинской техники.

Например, решением Минздрава разрешено промышленное производство и применение в медицинской практике изготовленного руками сотрудников Центра так называемого баталоокклюдера — устройства для проведения бескровной операции при одном из самых распространенных пороков сердца; причем срок пребывания больного в стационаре сокращается с 10—12 (как при старой методике) до 2—3 дней.

Подобные устройства существуют лишь в США и Герма-

нии, но гарантия положительного исхода операции у них порядка 70 процентов, в отличие от наших 90 с лишним. Именно поэтому американский метод до сих пор запрещен в США, у нас же только в клинике факультетской хирургии РГМУ уже успешно проведено около 300 таких операций.

Сегодня Минздрав утвердил Центру заявку на разработку еще одного устройства — атерозктома, с помощью которого будет срезаться склеротические бляшки в сосудах. Те, кто на беду свою знаком со страшной болезнью — атеросклерозом, — поймут, насколько важен этот прибор. В конце 1995 — начале 1996 г. «РИН» должен начать его серийное производство.

А еще разработаны совместно с КБ точного машиностроения, но пока не пущены в серию прибор для контроля за нарушениями ритмов сердца и микрокалькулятор для подсчета форменных элемен-

тов крови и костного мозга.

Центр оплачивает работу высококвалифицированных специалистов, среди которых есть и инвалиды, из расчета 2000 рублей в час, т.е. порядка 300 тысяч рублей в месяц, и часть прибыли от реализации медицинской техники пускает на новые разработки, выпускает товары народного потребления типа «будильников водителя», карманных вентиляторов и сигнализаторов «Страж», создает по заказу АО «Московский комитет по науке и технологиям» «системы персонального вызова абонента» типа английской системы «Мультитон». Причем если цена приемника «мультитоновского» устройства 600 долларов, то планируемая стоимость нашего — 35—40 тысяч рублей.

Около 50 инвалидов сегодня работают в Центре «РИН», причем многие — на дому. И приборы, сделанные их руками, продлевают кому-то жизнь.

Светлана КАРТАШОВА

Юридическое агентство
«СОКОЛОВ»

Предлагает:

1. Содействие в РЕГИСТРАЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (фондов, союзов, ассоциаций).
2. Помощь в ЛИЦЕНЗИРОВАНИИ СТРАХОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.
3. Правовая поддержка коммерческих структур, принимающих денежные вклады от юридических и физических лиц.
4. Консультации по международному праву и налогообложению.
5. Помощь в создании и регистрации совместных предприятий, а также предприятий со 100-процентным иностранным капиталом.

Тел.: 275-90-72.

Тел./факс: 274-16-70

**Адрес: 109044, Москва,
ул. Мельникова, д. 7, д/к «Московский подшипник»**

А/О КанСтар
предлагает свои услуги по
изготовлению следующей продукции:

КанСтар

- жесткая маркировка и ярлыки на промышленные товары;
- картонная тара и упаковка;
- фирменные бланки предприятий;
- бутылочные этикетки;
- пригласительные билеты;
- прозрачные папки с эмблемой предприятий и другую полиграфическую продукцию.

Ждем вас по адресу:

Москва, Кутузовский пр-д, 8
Первый Московский приборостроительный з-д
им. Казакова
Отдел кадров, 2-й этаж, 2 комн.

Тел. (095) 249-65-65

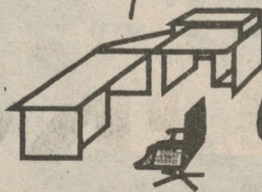
Столовый пер., 7
Тел. (095) 291-50-14

ПРОИЗВОДСТВЕННО
КОММЕРЧЕСКАЯ
ФИРМА

КФК

только у нас вы можете сразу купить

дешево

МЕБЕЛЬ ДЛЯ ОФИСА

ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ

Делегатская 7, м. "Цветной бульвар" (за театром кукол)

Тел. 973-90-57, 973-90-56.

ФИРМА

«LAUREL»

ПРОДАЖА
КВАРТИР В МОСКВЕ

НЕДВИЖИМОСТЬ
В АНГЛИИ
И ГОЛЛАНДИИ

С 10 ДО 18 ЧАС.

449-3933 449-3943

449-3764 445-4263

445-1462 445-3988

114-1893 407-9813

1—
КОМНАТНЫЕ
2—
КОМНАТНЫЕ
3-6—
КОМНАТНЫЕ

ПОСЛЕ 18 ЧАС.

*К сведению
подписчиков!*

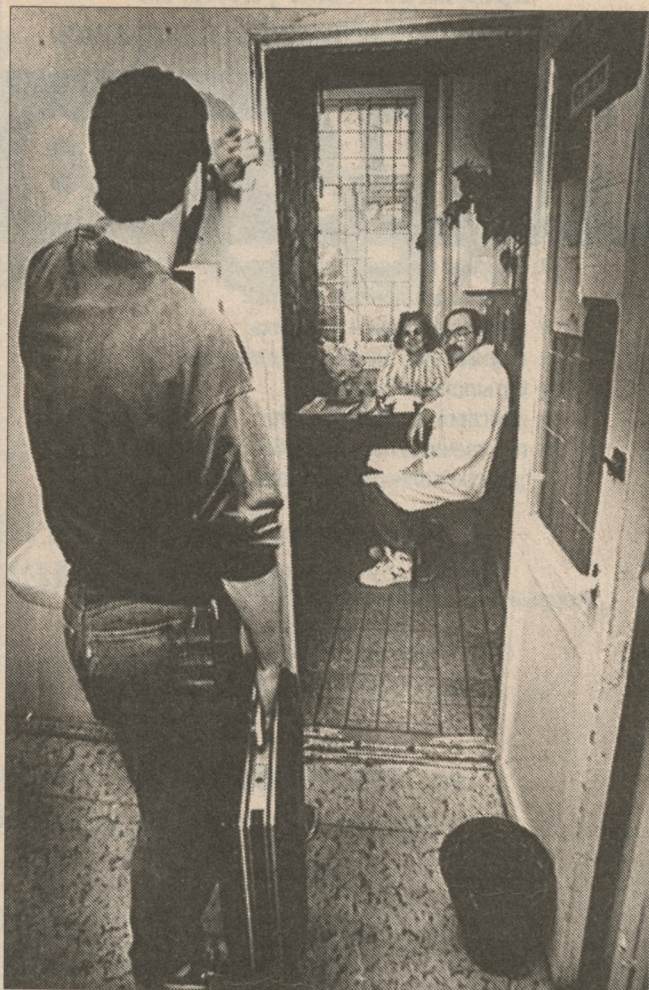
Подписку на журнал

«СТОЛИЦА»

вы можете оформить
ежемесячно в ближайшем почтовом
отделении связи.

Каталожная цена
на один месяц — 1300 руб.
Индекс: 73746

Сведения о подписке в каталоге
«АиФ—АПР», а также в
Московском каталоге.

«Пора платить, доктор...»

Несколько историй из жизни одного кооператива

Николай БАХРОШИН

Недавно пришли трое. Рэкет.

— Кооператив работает. Пора платить, доктор...

Что делать? Бежать на Петровку? Поймают, не поймают? Легче, действительно, заплатить. Тем более что рэкет, образно говоря, не собирается резать курицу, которая несет золотые яйца. Цены умеренные. В отличие от государственных структур...

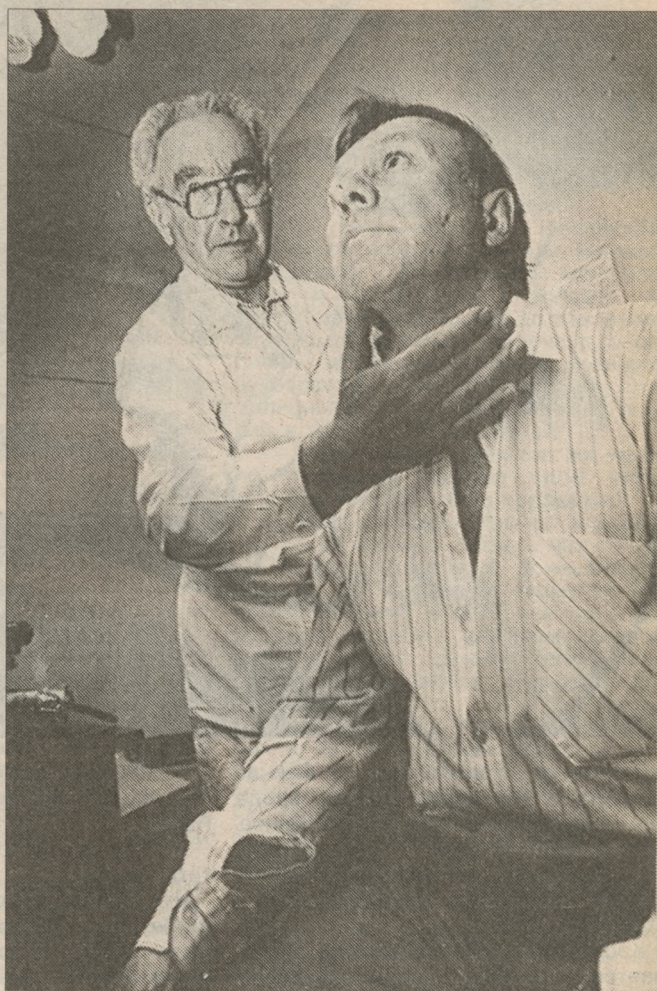
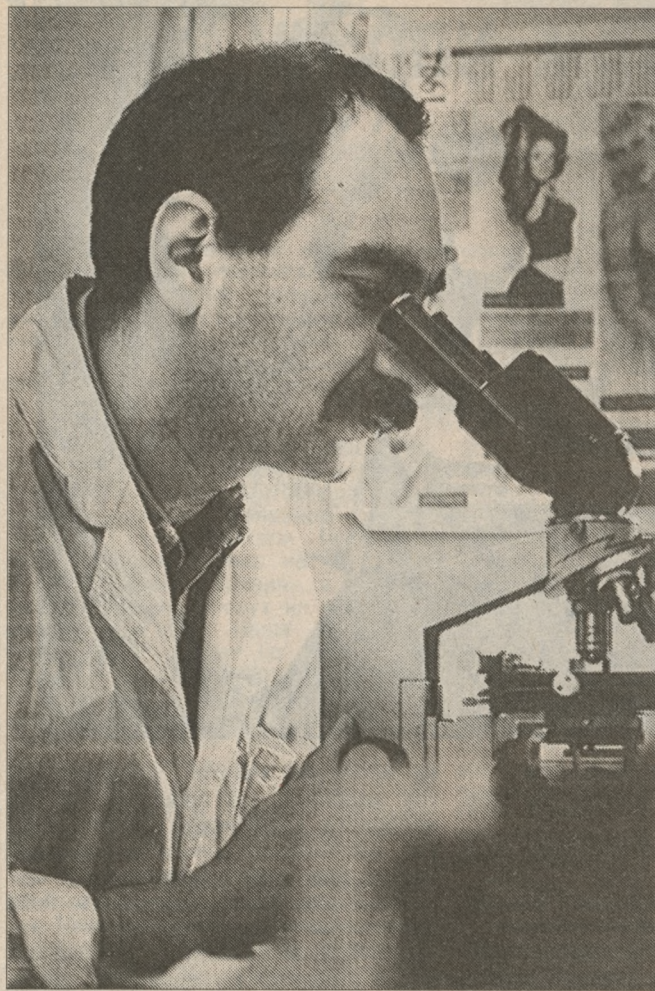
Процесс пошел

Итак, процесс пошел, как уже было сказано и неоднократно потом повторялось. Нет на своем посту Генерального, автора бессмертных слов, как

нет и самого поста, а процессы все бродят в нашем многострадальном обществе, как брага при переизбытке сахара. Новые времена. Страна в очередной раз дружно взялась за изобретение гоночного велосипеда с квадратными колесами...

Кооператив «Ваш доктор» — явление новых времен. Что так похоже на старые со всеми вытекающими последствиями общероссийского бюрократического кретинизма. Чем он отличается от других таких же кооперативов? Ничем. Со всеми проблемами преобладания бумажной работы над умственной и циркуляров над здравым смыслом.

Организовывался он в 1989 году, когда кооперативное движение только-только становилось практикой и старый лозунг «Обогащайтесь!» вновь выплыл на свет из пыльных архивов. Обогащались, конечно. С большим к тому удовольствием. Однажды богатые дяди с золотыми зубами вдруг решили, что медицинский кооператив — это здорово. Больше того, даже выгодно. Да что там один кооператив, сеть нужна, производственный комплекс, где человек, уважаемый наш среднестатистический гражданин с большими ушами, чтобы слышать рекламу, может не только вылечиться, но и постричься, помыться, попариться, почти не сходя с ме-

ста. Словом, громадьё планов развернули друг перед другом эти согласные к обогащению дяди.

Начали все-таки с медицины. Сняли помещение недалеко от метро «Бауманская». Собрали команду врачей. Кстати сказать, к медицине эти дяди имели отношение не большее, чем к проблемам орошаемого перуанского земледелия, что выяснилось очень скоро.

История обычная. Любой теневой капитал стремится легализоваться, хорошо кушать без оглядки на Уголовный кодекс — это аксиома. Однажды, когда грянул гайдаровский обмен денег, работающие в кооперативе врачи с удивлением наблюдали съезд иномарок перед своими окнами. Кожа, меха, бриллианты... оказалось — тоже коллеги. Числится здесь народу в десять раз больше, чем работает, а получают все на уровне крупных западных фирм.

До сих пор остается загадкой, почему первое руководство кооператива вскоре отказалось от своего детища. Перессорились, или рухнуло громадьё планов, или, что вероятнее, меди-

цина показалась им не таким уж доходным делом, требующим сил, времени, средств, где о ломовых прибылях остается только мечтать.

В конце концов золотые дяди со своими «мерседесами» и оборотными капиталами просто ушли. Исчезли, как не было. А кооператив остался. Со всей командой врачей, которым, за отсутствием капитала, оборачивать было нечего.

Стали они работать сами. И работают по сию пору.

Медицина в пользу бедных

Именно так, другими словами трудно назвать нашу многострадальную, малооплачиваемую, жилищно не обустроенную медицину для инвалидов труда на заслуженном отдыхе. Страна, где охотнее верят каким-нибудь шаманам с Чукотки, чем врачам, заслуживает самого пристального внимания психиатров.

В прошлом году был случай. Пришел к председателю кооператива Андрею Токмакову, кандидату медицинских наук, один гражданин. Доктор, можно с вами поговорить? У меня

гонорея, доктор. Вот думаю, лечить или не лечить? Все-таки таблетки — это не естественно. Месяца два уже, до сих пор думаю. А может, не надо?

И в таком духе еще минут сорок. Выяснилось, что это уже не первый врач, которого он посещает со своим гамлетовским вопросом. В конце концов доведенный до отчаяния председатель объяснил:

— Вам, извиняюсь за интимную подробность, писать больно? Вот хотя бы ради этого стоит вылечить...

Случай, конечно, анекдотичный. Но и показательный. Дремучая малограмотность населения в том, что касается собственного здоровья, рождает еще и не такие анекдоты. Особенно в области венерических заболеваний, темы всегда полузапретной и, грубо говоря, находящейся под наблюдением соответствующих органов. Не секрет, что контроль в вендиспансерах, вплоть до постановки на учет в отделении милиции, давал обратные результаты. Слишком многие предпочитали обходиться советами бывалых друзей или

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

подручными средствами. Сейчас свобода, и анонимное лечение вроде бы предусмотрено, но, тем не менее, многие врачи говорят о новой вспышке этих самых заболеваний. Уже от полного отсутствия контроля. Другая сторона медали.

Кооператив «Ваш доктор» занимается в первую очередь лечением импотенции и бесплодия, диагностикой венерических заболеваний, словом, весь набор. Статистика тут самая удручающая. Взять хотя бы тот факт, что двадцать процентов супружеских пар, вступающих в брак, потенциально бесплодны. В 47 процентах случаев — по вине мужчин. Или то, что половина взрослого мужского населения нашей страны в той или иной форме болы простатитом. Остальные 50 процентов — его потенциальные обладатели. Врачам есть где развернуться.

Ориентирован кооператив, как это теперь называется, на средний класс. Не на миллионеров, короче... Темные коридоры, тесные кабинеты, потолки с осыпающейся штукатуркой. Люди богатые могут позволить себе и более комфортабельные условия.

Естественно, возникает вопрос о ценах и прибылях. О деньгах вообще хорошо рассказывать, всегда всем интересно. Лечение импотенции, например, здесь стоит полтора-два тысяч. Среднемесячная зарплата врача — 200—400 тысяч. По сравнению с каким-нибудь районным диспансером разница заметная, хотя особо не разбогатеешь.

Поборы, счета и налоги

Недавно пришли в кооператив трое. Рэкет.

— Кооператив работает. Пора платить, доктор...

Что делать председателю? Бежать на Петровку? Поймают, не поймают? А как их поймать, если всякий раз приходят разные. Одних заберут, другие останутся. Даже не нужно никакой крови, горячих утюгов на голой спине — бросят в окно бутылку с бензином и спичку, сгорит вся аппаратура. Уже не купишь, по теперешним-то ценам. Легче, действительно, заплатить. Тем более что о разумной цене с рэкетом можно договориться, им тоже невыгодно разорять кооператив вплоть до закрытия, образно говоря, резать курицу, которая несет золотые яйца.

Сначала запросили 25 процентов от прибыли. «Ребята, легче закрыться, тем более что кооператив сейчас проходит лицензирование, опять расходы». Хорошо, а 13 процентов? Сошлись на 100 тысячах в месяц, и то после того, как лицензирование закончится.

Если бы так же можно было договориться и с коммунальными службами!

— Такое впечатление, — рассказывал мне Токмаков, — что мы здесь оплачиваем содержание Ниагарского водопада. Сколько мы тратим воды? Руки помыть или чай вскипятить, не больше. А счета за воду и свет — 4 миллиона рублей ежеквартально. Причем цены все время растут, и все время задним числом. Когда платим

за истекший квартал, обнаруживается недоплата за прошлый. Почему недоплата, спрашиваем? А вот, говорят, мы тогда-то повысили расценки, только вам забыли сообщить. И так каждый раз. Только начнем на ноги подниматься, задумаем купить какую-нибудь аппаратуру — и снова мимо... А о налогах и говорить не приходится, совсем задавили.

Но и это еще не все беды, которые сыпятся на кооператив. Чего стоят, например, постоянные комиссии, санитарные нормы и постановления. До смешного доходит. Приходит комиссия из Минздрава: а есть ли у вас шестикратный запас халатов на каждого врача? А где годовой запас стирального порошка? Зачем годовой, не в лесу живем, где все это складировать? Нет, положено...

Положено, и все тут. Когда, кем, зачем — про это уже забыли. И ладно если бы взятки вымогали, денег хотели, по-человечески можно понять: трудные времена. А то ведь люди все хорошие, сами с этого ничего не имеют, понимают, что глупостями занимаются. Но занимаются. Контора пишет, бумага терпит.

Словом, так и работают. Балансируют на грани закрытия.

Пока работают...

У вас угнали машину?

Возможно, ее ищет Интерпол

Интерполу посвящено немало детективов и статей, но действительные возможности Международной организации уголовной полиции для многих по-прежнему загадка. Оказываются, помимо прочего, Интерпол еще разыскивает угнанные автомобили...

Об этом сегодня рассказывает начальник Национального центрального российского бюро Юрий МЕЛЬНИКОВ.

— Вопреки устоявшимся представлениям о романтической и рискованной деятельности Интерпола наша работа ведется в основном с документами. Представители Интерпола сами непосредственно не участвуют в оперативных операциях, в розыске уголовников, это берут на себя подразделения МВД. Наша задача — поддерживать связи со всеми зарубежными бюро Интерпола, обмениваться с ними необходимой информацией, анализировать и квалифицировать полученные сведения и передавать их иностранным и российским правоохранительным органам. 174 страны являются членами Интерпола. Мы постоянно контактируем со 116 бюро.

— Какие виды правонарушений особо привлекают ваше внимание?

— Можно выделить восемь основных направлений нашей деятельности. Прежде всего это розыск соотечественников, надеющихся в других странах избежать суда, и преступников-иностранцев, скрывающихся в России. Второе — помощь в расследовании очень распространенных сейчас экономических преступлений, значительную долю среди которых занимает перекачка денег за границу. Третье направление — преступления против личности: убийства, изнасилования, нанесение тяжких телесных повреждений...

Курируем и такие дела, как фальшивомонетничество, похищение и вывоз из страны культурных ценностей и антиквариата, незаконная торговля оружием, контрабанда и распространение наркотиков. Много сил отнимает выявление автотранспорта, украденного в России и других странах.

Интерпол — инициатор международного поиска пропавших автомобилей, и наше бюро получает сведения о разыскиваемых машинах по своим каналам из всех европейских стран. Сейчас у нас в картотеке более девяти тысяч таких машин. Всю поступившую информацию ежедневно передаем в Главный информационный центр МВД, где собирается банк данных о преступлениях на территории СНГ, в том числе о розыске транспортных средств. Ежемесячно мы сообщаем туда сведения о

200—250 машинах, поступившие от наших иностранных коллег.

Если же узнаем, что «следы» каково-нибудь похищенного в нашей стране автомобиля тянутся за рубеж, тотчас оповещаем об этом другие бюро Интерпола — по электронной почте. А они — полицию своих стран.

— Насколько эффективны эти усилия?

— Работа бюро приносит неплохие результаты. Нередко с нашей помощью находят давно исчезнувшие машины, привезенные с другого конца континента. За последние два года удалось обнаружить около 250 автомобилей, похищенных в России и за рубежом.

Иногда даже разоблачаем преступные группы, специализирующиеся на этом очень доходном бизнесе. Не так давно принимали участие в выявлении двух банд, перегонявших автомобили из Европы в Среднюю Азию. Конечно, наши сотрудники не присутствовали при задержании жуликов, у нас, повторяю, совсем другая функция — информационно-организационная. Но мы помогаем сыщикам — российским и иностранным, сообщая им те сведения, которые необходимы для проведения расследования.

— Что происходит после того, как краденая машина найдена? Ее сразу возвращают настоящему владельцу?

— Передать машину гражданину другой страны ничуть не легче, чем ее разыскать. Ведь до сих пор не решен вопрос: кто должен платить за доставку автомобиля к месту проживания его владельца.

Стоит это немало — нужен бензин, водитель или место в контейнере. У Интерпола на это денег нет. У МВД РФ — тем более. Полиции других стран тоже не готовы к таким тратам. Поэтому часто после длительной переписки со всеми заинтересованными инстанциями вопрос об оплате расходов по транспортировке машины остается открытым, и мы предлагаем иностранцам самим приехать за своим автомобилем. Но на это решаются лишь единицы. Большинство предпочитает не тратить деньги на поездку в Россию, а купить новую ма-

шину. Тем более что их пугают трудности юридического оформления возвращения автомобиля: нужно предварительное согласие прокуратуры города или области, в которой он был найден, а также письменное подтверждение полиции, что машина в самом деле была украдена. В общем, хлопот не оберешься...

Хотя мне известен интересный случай из практики работы милиции Белоруссии. Им удалось организовать доставку двух «Вольво» из Минска в Стокгольм. Но за это шведу — владельцу машин — пришлось оплатить затраты на перегон иномарок и обратные авиабилеты для двух милиционеров. Похоже, что это редкий, исключительный случай.

— А жителям России так же трудно получить обратно свой автомобиль, найденный за кордоном?

— Еще сложнее. Многим это просто не по карману. Ведь с них требуют не только разные документы и справки, но и круглую сумму за доставку машины. А если они не в состоянии заплатить или сами ее перегнать, тогда судьбу автомобиля определяют местные судебные органы.

От разобранных по частям, разбитых в автокатастрофе машин хозяева обычно отказываются, считая, что проще купить новую, чем тратить на перевозку и ремонт старой. Но бывает, что забирают и совсем разбитую технику.

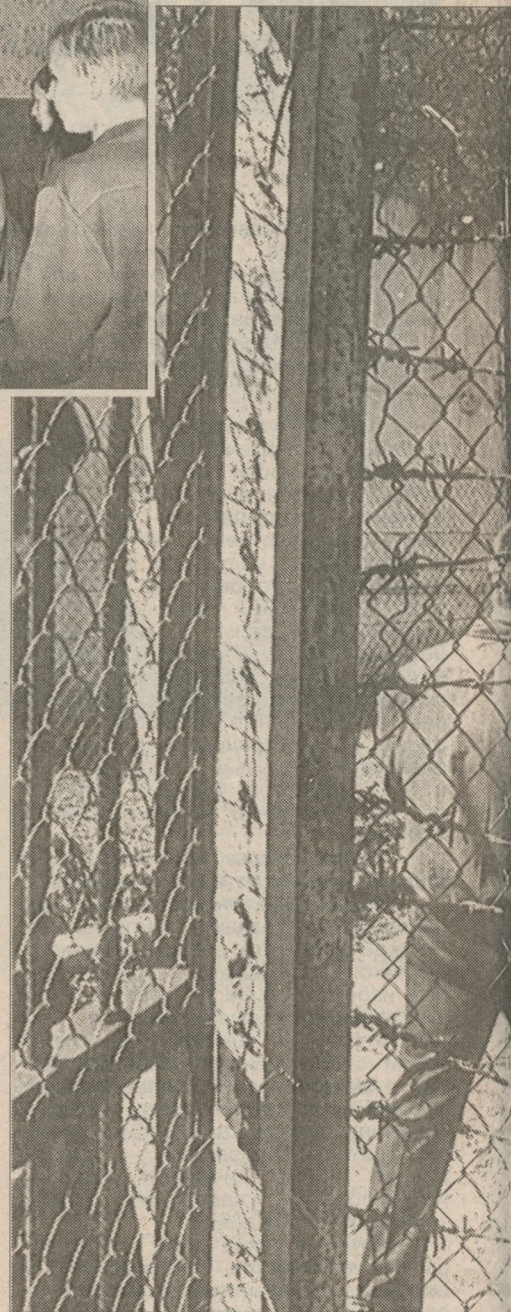
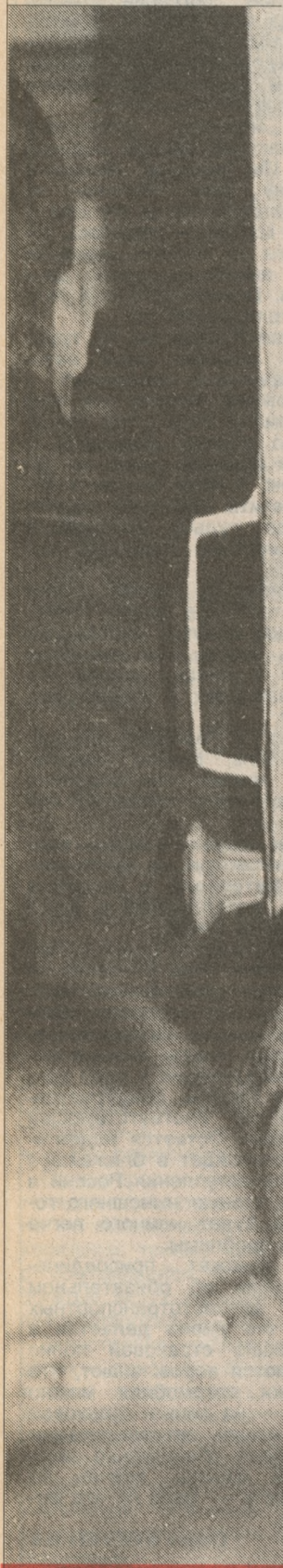
Вот недавно в Германии обнаружили автомобиль, сильно поврежденный при аварии. Но владелец «развалюхи» все-таки поехал за ней в Гамбург.

— Вряд ли можно считать нормой, когда, несмотря на кропотливую работу Интерпола и сыщиков разных стран, потерпевшие в итоге так и остаются ни с чем...

— Да, это абсурдно и глупо, но ничего не изменится, пока в России не будет выработан действенный правовой механизм по возврату похищенного за рубежом автотранспорта. Мне кажется, шагом вперед может стать присоединение к ряду конвенций Совета Европы, предусматривающих оказание соответствующей правовой помощи. Остается надеяться, что это произойдет в ближайшее время — после вступления России в Совет Европы осенью нынешнего года. Тогда нам будет намного легче решать многие проблемы.

Особенно поможет присоединение к Конвенции об обязательном страховании автотранспортных средств, как это давно делается в Европе. Имеющие страховой полис меньше опасаются воров: знают, что после пропажи автомобиля можно купить новый — на деньги страховой компании. И нашим автовладельцам я бы посоветовал обязательно застраховать свои машины, причем на полную стоимость — мало ли что может случиться...

Ольга КОРОЛЕВА

Павел ГОРШКОВ (фото)

350
ИЗ
20 000

Икшинская воспитательно-трудовая колония для несовершеннолетних — одна из 59 ей подобных в России. А 350 подростков, отбывающих здесь наказание, — малая часть 20 тысяч заключенных, чей возраст подпадает под определение «детская преступность».

Преступность-то «детская», а вот преступления вполне «взрослые»: в икшинской ВТК большинство отбывает срок за

убийства, изнасилования, грабежи.

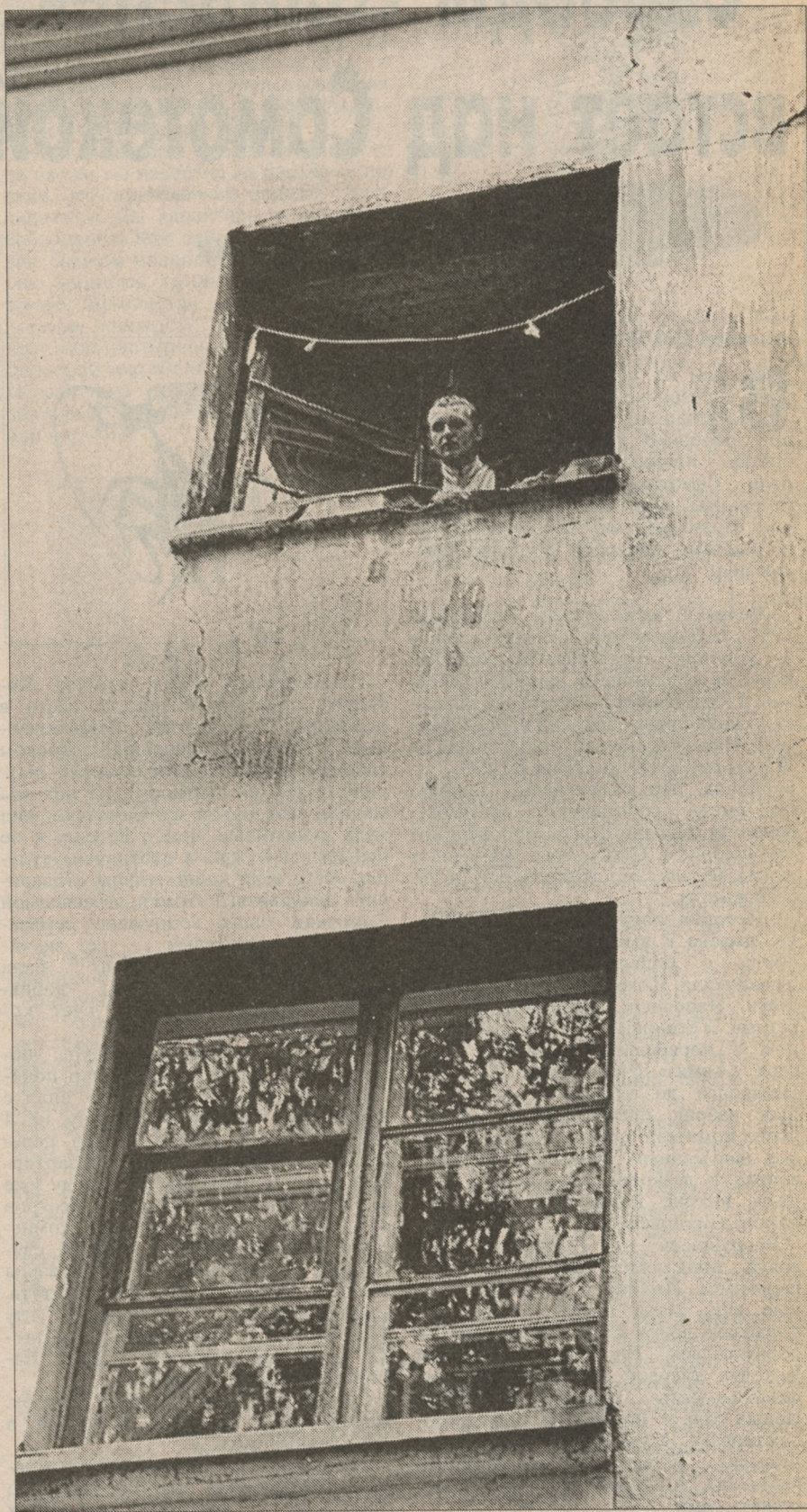
Как они живут здесь? Работают, учатся, питание — на 1300 рублей в день, но можно на заработанные деньги (20—70 тысяч в месяц) кое-что прикупить в местном ларьке. Особо не жалуются, о «разборках», которые вспыхивают периодически, тоже предпочитают посторонним, особенно журналистам, не распростра-

няться. У подростков вообще свой мир, а у подростков в колонии — тем более. Вопрос в том, какими они шагнут отсюда в мир нормальный.

Хотя какой он «нормальный», если 59 колоний для несовершеннолетних сегодня не хватает и под них перестраивают лечебно-трудовые профилактории в Якутии, Тюмени, на Камчатке...

Свободы солнцепек встает над Самотекой

Пародия на две пародии

Алексей ДИДУРОВ

В один из трудных дней постперестроечной эпохи жители столичного Свердловского района, особенно те, кто обитает по брегам погребенной в асфальте реки Самотеки, были озадачены странным, если не сказать более чем странным, текстом, который типографским способом сообщал следующее:

«Великая августовская Революция 1991 г. открыла путь к освобождению б. колоний тоталитарной империи. Вслед за угнетенными народами Украины и Кавказа все решительнее заявляет о своих правах великий народ Самотеки. Наша т.н. «наука», воспитанная по «Краткому курсу истории КПСС», утверждает, что самотеченцы никогда не имели собственной государственности. Однако факты опровергают эту «теорию». Само слово «самотека» указывает на самостоятельность и независимость.

...История родного края неразрывно связана с именем непримиримого борца с большевизмом Терентия Устиновича Козолупа. До того, как стать Народным Президентом, Терентий Устинович служил фельдшером в корабельном лазарете крейсера «Алмаз» (Черноморский флот). Незадолго до утопления флота он был избран председателем матросского комитета, откуда вскоре уволен под надуманным предлогом хищения спирта в лазарете, а на самом деле из-за интриг комиссара Ф.Раскольниковова (Бронштейна).

Вернувшись на Родину, Т.У.Козолуп продолжил борьбу с большевизмом. Именно в те замечательные дни, когда старая власть уже приказала долго жить, а новая еще не образовалась, Народный Президент Козолуп твердой рукой восстановил независимость родной Самотеки. Целых три с половиной дня просуществовала Суверенная республика Атамана Козолупа (Антибольшевистская). Аббревиатуру можете составить сами.

Романтичный образ атамана Козолупа отпечатался прежде всего в народном творчестве. Взволнованные строки, посвященные народом своему Вождю, многое говорят пылivelyму уху. В частности, из них мы узнаем, что народ на Самотеке жил куда зажиточнее, чем в России, и не испытывал нужды в охотничьих тулупах. Куда дели наши тулупы «товарищи» оккупанты?! Армия независимой Самотеки была вооружена семизарядными винтовками — т.е. значительно лучше красных банд Л.Троцкого (Бронштейна), добившихся победы только за счет коварства и жестокости.

За 74 года кровавой диктатуры уровень жизни на Самотеке резко понизился. Из отдельных римских вилл с бассейном, гаремом и гаражом на 4 машины народ принудительно переселяли в уродливые многоквартирные дома. В Щемилловском пруду уже не встретишь, как раньше, осетров или тайменя. Кожаная рука комиссаров не остановилась и перед святынями: варварски уничтожены пивная возле 3-го мединститута, винный магазин «У Толика» на углу Волконского и Самотечной ул., а также известная блатхата «Салун Калифорния» на Делегатской.

Однако час освобождения близок. Народ берет наследие Козолупа в собственные руки!..».

Тексты эти, как правило, утверждали также наличие зари свободы над Самотекой. В некоторых вариантах

они заканчивались призывом присоединиться к «подпольной Партии борьбы за самоопределение Самотеченского края и за его отделение от Москвы и от России», а допрежь всего — принять участие в районном плебисците по этой проблеме. В конце текстуры предлагался населению и проект герба будущего Самотечного государства.

Из подполья — на телеэкран

Пока увиденное и услышанное обдумывали и обсуждали: пролетариат завода «Тизприбор» и типографии «Красный пролетарий», синие и белые воротнички из «ящиков» и НИИ, стоматологи одноименного вуза, рыбаки Щемилловского пруда и домохозяйки округа, — на район навалился слух о неслыханной демонстрации «подпольщиков» у местного кожно-венерологического диспансера. Затем пришло сообщение об открытии (не санкционированной властями) мемориальной доски на доме, где чекистами якобы был убит пресловутый атаман Козолуп. И, наконец, как гром грянуло интервью членов законспирированного ЦК Партии за независимость Самотеки, которое они дали в черных очках и повязках ниже глаз одной из самых престижных и набирающих рейтинг программ ТВ.

В телекамеру цэкисты бросили горькие, крутые обвинения мэру столицы и российскому правительству: о попустительстве в родном районе преступности и фашизму (100 кв.м отдали баркашовцам на первом этаже райисполкома), в антисанитарии (что отражено в гербе будущей республики), разрухе в отеческих домах и дворах. На основании чего вожди Самотеки декларировали обязательное отделение их края от прогнившего государства и гибнущего мегаполиса.

Подпольный ЦК через то же интервью заявил общественности, что пресечет политиканскую традицию имперских вельмож — спасать большее ценой малого. И спасет свою малую родину за счет большой. Ибо эта последняя неизлечимо больна и заразна. Цэкисты гневно отвергли обвинения коммунистической печати в том, будто бы их партия стремится разжечь не только беспорядки внутри страны, но и международные конфликты: «Как известно, миролюбие, стремление решать спорные вопросы путем переговоров — важнейшая черта нашего национального характера». Характер имелся в виду самотеченский.

Тем не менее телекамера зафиксировала военную подготовку молодежи Самотеченской округи в глухом уголке Щемилловского детского парка. Интервью заканчивалось лапидарной, но многозначительной тезой: у нас есть что защищать, есть чем за-

щищать, есть кому защищать.

В то же время идеологи и деятели подпольной партии не выглядели и одномерными аггессистами. Массовому зрителю, например, не могли не imponировать кадры, запечатлевшие любовную, творческую работу цэкистов по созданию и обустройству музея самотеченской культуры. Стенды отражали художественную общественность стран Запада, обсуждающую экспонаты музея во время неоднократных показов экспозиции за границей. Да и кого могут оставить равнодушными, скажем, кости Павлика Морозова у бюста самого пионера-героя, принесенные в музей одним из ветеранов классовых битв, ныне проживающим на берегах подземной московской речки. Или растущие в горшке с родной землей стебельки колючей проволоки, заботливо поливаемые из бутылки, на этикетке которой гордо и памятно красуется надпись: «Столичная»!.

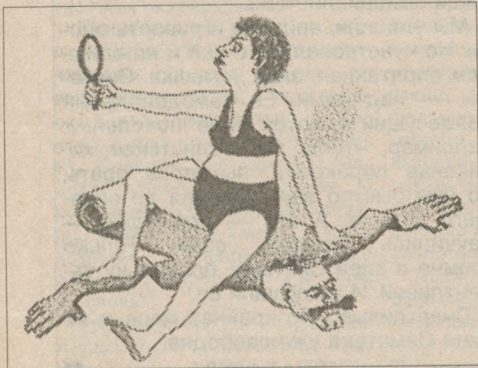
Нет смысла описывать или даже перечислять то множество экспонатов, которое собрал под своей крышей подпольный музей. Кстати, в прямом смысле «подпольный», ибо находится в подвале многоэтажки, жители которой, поди, и не подозревают, какие сокровища спрятаны у них под ногами.

А сокровища эти, между прочим, заботливо и неукоснительно приумножаются, потому что их собиратели, рыцари самотеченской идеи, знают: есть культура — есть народ, нет культуры — нет народа.

...Итак, известность партии, о которой речь, растет и ширится. Но где всему этому истоки? В чем причина рождения идеи? И, наконец, кто они — ее таинственные блюстители и волонтеры?.. Что, где, когда?..

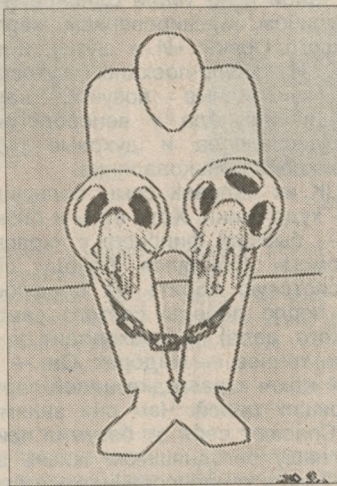
Истоки и смысл дяди и племянника

Читатель, я докажу тебе, что не все думали «о шифоньере, о паласе, протесте хунте Гондурасе». Я покажу тебе, читатель, человека с пламенным сердцем. Он — главный смотритель Музея культуры. Он — автор проекта монумента, посвященного борьбе по-

рабоченных народов Самотеки за свою свободу. И это он считает, что монумент надо поставить на место памятника полководцу Суворову, поскольку определяет он Суворова как полководца империалистического. А с империей у моего героя отношения, прямо скажем, швах — уже с младенческих бело-розовых ногтей.

Хотя характеры (его и империи) были схожи, но известно из физики и лирики, что одноименные заряды отталкиваются. Да, характеры у них были не подарок! Как сейчас помню: империя бычком раздроченным то в Венгрию вломится, то на Кубу, в Чехословакию, Афганистан — нахрапом прет, полным впередом... И точно так же, яростной настырностью, удивлял весь дворовой мир Юрка — Юран. Тогда от горшка два вершка, молчаливый и сопливый. Будущий цэкист подпольной партии.

В предприятиях, играх и проделках дворовой шпаны участвовала пара родственников — маленький Юран и его юный дядя, средних классов школьник. Жили они в одной коммуналке, в одной семье, а были как из разного теста. Взять хоть как играли по-разному в «Царя горы». Старший — финтит, уворачивается, берет обманым маневром. А младший — насупится, устоит на вершину исподлобья и, сколько бы его ни спихивали к подножию, прет наверх и прет, сопя и не обращая внимания на габариты встречающего его наверху противника. Как будто хитрый дядя ему и не родня.

И разница их дальнейших путей вопиюща. Нахлынула однажды на дворовое население мужского пола мода на бинокли. Где, кто и как мог — торопился достать, чтоб от других не отстать. Объяснение было простым: через дорогу, в нашем узком Щемилевском переулке, выселили жилой дом, и сделали его женским общежитием типографии «Красный пролета-

рий». Ясно для чего окуляры понадобились мужикам и взрослым парням. А подражать старшим — первая охота для подростков и для мелюзги. Короче, весь мужской кворум, от мала до велика, обзавелся биноклями и даже мериться ими стал: у кого какой.

Но приехали как-то во двор хмурые дяди на машинах, с двумя нолями на номерах. Обошли квартиры нашей «хрущевки» и конфисковали все бинокли до единого — ведь впритык к женскому общежитию стоял военный НИИ (картографы, все знали). А поскольку дяди показывали жильцам, не раскрывая, бордовенькие книжечки с тисненным гербом, то все отдали им требуемое «на раз». Все да не все. Маленький Юран отдал не на «раз», а только на «два»: расколотил перед тем окуляры своего сокровища об вентиль батареи. Сдаться — сдался, но не в требуемом виде, в непотребном. Ни себе ни людям. Не нам, не вам, а свиньям. Так дальше и продолжил.

Старший родственник (юный дядя) вытянулся, раздался, перед приемной армейской комиссией аж за полгода постригся. Юран — наоборот. Остался худ, сутул и волосы отрастил до наименования ситуации на голове: «неприходимые джунгли». Старший в армию ушел — младший на медицинское обследование лег, чтобы избежать службы. Дядя школьно-комсомольский румянец и плакатную улыбку сохранил, даже из армии вернувшись и куда как нелегко ее пройдя (на танках десантом усмирять бунт маленького кавказского народа, а будучи переведен в ракетные войска, получил на темя каплю горючего «стратегической», по случаю чего оторвал у Минобороны положенный в таких ситуациях добротный парик и право обновлять его в спецраспределителях). И на гражданке дядя белозубо и весело снискивал хлеб насущный. Он зарабатывал хорошие деньги и крепкий социальный статус в профессиональной группе скандирования — той, что громкоаплоно организовывала залы на партсъездах и комсомольских форумах: «Партии слава! Слава! Слава! Слава!» Или:

«Ленин! Партия! Ком-со-мол!..» Ну и, разумеется, permanently обезпечивал безоговорочную капитуляцию «Ивашке Хмельницкому». Сиречь — Бахусу.

Племянничек только в этом роде деятельности с дядей пересекался. А так — все не в ту степь пошел, как сказал Ильич Первый: «другим путем». Стал крупнейшим графиком московского андерграунда, подпольным оформителем периодической рок-нелегалщины и самопальных магнитоальбомов первой рок-волны обеих русских столиц. Стал он и типичным представителем «поколения вахтеров, котельщиков и сторожей», отведав по легендарной той разрядке все три разновидности малоподключенности к Системе. Все три классические возможности служить не прислуживаясь.

Товарищ в самом сером в районе пиджаке не раз вызывал Юрана на беседу по душам. Предупреждал, убеждал псевдоним сменить — с проамериканского «Юрай Хипов» на что-нибудь пролетарское. Юран предложил: «Павлик Матроскин». За это его самый серый пиджак не только из кабинета выгнал, но и поочередно со всех работ. Особенно жалко, что из вахтеров: в двух шагах от дома сидел и книжечки читал, дядя устроил в новостройках Минобороны.

В те же времена Хипов с приятелем «Черным Френчем», с которым выпускал лучший по тем годам подпольный рок-журнал (третий — «Урлайт», первые два — «Зеркало» и «Ухо» — Лубянка раскопала и разогнала), начал самых ярких тогдашних рокеров записывать. Кладя, естественно, на барабаны полотенца, а на динамики — подушки, чтобы соседи милицию не вызывали.

Ну и, само собой, подпольные концерты и фестивали рок-музыки устраивали. Но и тут лбом на кремлевскую стену налетели, причем после 85-го, вроде в новое время: легализованный рок-бомонд Москвы накатал на них (за «Урлайт» и фестивали) донос в высшие инстанции КПСС и государства. Что обидно было — вроде свои, рок-деятели. А поди ж ты: дружба побоку, табачок врозь.

Ум, честь и совесть нашей Самотеки

Вот после той о них «телеги» — от перестроившихся низов на перестроечные верхи — и высекалась от удара об ту же старую жизнь, только слегка перекрашенную, идея своей партии. Такой же, как эта жизнь. То есть такой и не такой одновременно. На игривом, клишированном жаргоне Большого Совка: «И в шутку, и всерьез». И пошло-поехало: шутовской герб, шизоидные лозунги, карнавальная клоунада у венерологического диспансера и духовые ружья «боевиков»... Ваньковаление.

В ЦК их человек семь, большинство — художники. Хотя есть и бизнесмен — бывший философ с «красным дипломом» (поклонялся бороду свою марксистскую сбрить на следующий день после победы святого самотеченского дела). А верховодит у них медик, точнее — медбрат. Он — как живой ключ к разгадке целей партии. Настоящих целей. Чем они занимаются? Спасают себя от безумия принимать нашу сегодняшнюю жизнь всерьез. Тем, что нарисованностью своей партии на холсте (благо, что большинство цэкистов — художники) подчеркивают, моделируют для наших мозгов всю нарисованность, неведелищность, лицемерную надуманность и наглую лживость российской жизни — от художественной до политической, от якобы демократии до будто бы постмодернизма.

Что есть наша сегодняшняя демократия, как не пародия на оную? Или что такое постмодернизм, как не пародия на мировое предшествующее искусство? И то и другое мы слизнули, списали с Запада, но там хоть с жиру бесятся, а мы?! А мы, говорит нам Партия независимости Самотеки, — от ужаса. Пародия на две пародии? Жанр пессимистической трагедии!

На нынешней молодежной фене этот жанр жизни и деятельности называется «стеб», «стебалово». А на коренном русском: «штукарство».

Стебарство проявилось явнее всего в молодом искусстве 80-х годов. Сначала до, а потом — во всю ширь Перестройки. Кто-то из сочинителей и художников в ее срок «ноги

сделал» за кордон. Кто-то по-прежнему писал «в стол». А кишели на стезе словесности, судя по печатным площадям и эфирам, в основном, всех мастей стебери и стебарихи, плейбои и плейдевички приемов, украденных по большей части из могил обэриутских, дорого оплаченных их хозяевами. На языке международного права это зовется мародерством.

Некоторое время стебери ходили в андерграунде (то есть в полполье, непризнанные). Но вскоре были скуплены властью оптом и мелким оптом. Штукари-псевдоноваторы оказались так выгодны Системе, что она и поднес их культивирует, ибо они, как младенцы: много разговаривают, но ничего не говорят. Пускают пузыри — занятные, но бессмысленные. За что и ценятся верхами. Ведь смысл верхам традиционно поперек горла.

Когда же недавно государство совсем обанкротилось, то бывшие у него на содержании штукари от искусства драпанули в бизнес. Где тоже стебаются, ибо ничего другого делать не умеют. Кто продает Вселенную в собственность далеким потомкам покупателей. Кто учреждает Лигу поклонников личного бессмертия — с членскими взносами. Иные основывают Институт спокойного сна и заказных цветных сновидений. А некоторые «команды» организуют, со списком «абонентов», куда не входят только что Юлий Цезарь, Наполеон Бонапарт и «Битлз», — остальные собраны чичиковским манером с бандеровской хваткой. А эти вот партию скликают...

Присутствуя на подпольных их заседаниях и вглядываясь в родные лица моих младших товарищей по позднему детству и ранней юности, я смеялся, что наша с ними далекая отроческая пора была обаятельно, щемяще смешной. Этакой длительной, хоть и быстрой, «Юройной» — 60—70—80». Красные, в чернильных кляксах, галстуки... Сборы-кражи металлолома... Первомайские «удиуди» и парады... Трошин, Рашид Бейбутов и «примкнувший к ним Шепилов»... «Албанское танго», гагаринское «поехали», хрущевская «кузькина мать» и брежневское: «Дорогие товарищи империалисты»...

Мы уловили, впитали игривость эпохи. Но чувствовалась в ней и не слишком спрятанная, злая усмешка. Системы — над нами. Ее самодовольный вездесущий хохоток. Мое поколение, например, чтобы это садистское хихиканье перекрыть, пыталось орать, но нам быстро звук убавили до шепота. А эти — помоложе — научились хихикать сами. Только громче и злей Системы, поскольку талантливей. И заглушили ее.

Счастливые... По крайней мере, в их лице Самотека уже свободна.

Рисунки Юрия НЕПАХАРЕВА

Шекспир — плагиатор?!

Суперсовременный и напичканный самосовершенствующимися программами компьютер, обученный распознавать на основе анализа особенности творческого стиля отдельных писателей, предъявил обвинение в плагиате гениальному Уильяму Шекспиру. Услугами этого технического чуда XX века воспользовалась группа ученых из Астонского университета (район Большого Лондона). Вначале перед ЭВМ поставили задачу определить, кто автор двух известных, но считавшихся до сих пор анонимными пьес елизаветинских времен под названием «Раздор» и «Правдивая трагедия Ричарда, Герцога Йоркского». Выданный машиной ответ гласил: оба произведения, вне всякого сомнения, были написаны Кристофером Марло — английским драматургом, создателем трагедий «Тамерлан» и «Трагическая история доктора Фауста», которые и сейчас входят в репертуар ведущих британских театров.

Чем дальше — тем интереснее. С помощью сравнительного анализа, произведенного той же ЭВМ, ученые установили, что эти две пьесы легли в основу второй и третьей частей исторической хроники «Генрих VI» Уильяма Шекспира, который, правда, разбавил их двумя-тремя кровавыми эпизодами. «Ничего удивительного в этом нет. Шекспир

С МИРУ ПО НИТКЕ

Кристофер МАРЛО

начинал свою карьеру в качестве актера, а не драматурга, — утверждает английский литературовед Томас Мерриам, — и поэтому на первых порах он явно находился в тени более талантливого и прославленного Марло».

1 июня 1593 года, по одной из версий, после продолжавшегося целый день застолья Кри-

Уильям ШЕКСПИР

стофер Марло был убит одним из собутельников. Тот нанес ему удар ножом в глаз в таверне Денфорда на юге Англии. Суд снял обвинения с убийцы, который клялся и божился, что действовал исключительно в целях самообороны.

Но имеется и иная, не менее любопытная версия. Незадол-

го до этого трагического случая Кристофер Марло, выражаясь современным языком, получил повестку в суд, а точнее, в английский Тайный совет, где ему собирались предъявить обвинение в шпионаже. Поскольку судебное разбирательство не состоялось, то и детали обвинения в настоящее время восстановить не представляется возможным. По утверждению ряда историков, в том числе американских, события приняли совсем иной оборот.

В конце XVI века деятельностью английских спецслужб руководил сэр Томас Волсингем, которому, вероятно, по каким-то причинам было невыгодно, чтобы Кристофер Марло предстал перед тайным советом. В итоге этот всемогущий вельможа, один из приближенных королевы Елизаветы, лишь инсценировал убийство своего во всех отношениях талантливого подчиненного, предоставив ему возможность бежать в Италию. Именно оттуда Кристофер Марло и начал пересылать благодарному актеру по имени Уильям Шекспир рукописи своих пьес, трагедий и сонетов.

«Умный» компьютер, конечно же, имеет право на ошибку. Но если подозрения все же подтвердятся, что скажут литературоведы, шекспирологи и под каким именем будут переиздаваться многие из произведений, авторство которых до сих пор сомнению не подвергалось?

Стражник под стражей

Трудно даже представить себе, как был удивлен охранник одной из тюрем эквадорской столицы — Кито, когда в одночасье из конвоира и стражника превратился в конвоируемого и попал в одну из камер, которую до этого долгие годы «курировал».

Придя ранним утром на смену, Педро Уго Домингес неожиданно для себя получил от непосредственного начальника приказ направиться в камеру и двух конвоиров в придачу. Коллеги, невзирая на неплохие личные отношения с сослуживцами, отконвоировали Домингеса в камеру с «железными» и непроницаемыми лицами, не проронив при этом ни слова.

Родственники и знакомые неудачливого охранника начали массированную кампанию по выяснению обстоятельств и

причин столь странного ареста. На работе Домингес слыл неплохим парнем, особых замечаний от начальства не имел.

Как вскоре выяснилось, «мину» подложил ему некий знакомый адвокат, с давних пор «имевший зуб» на Домингеса и мечтавший сделать охраннику пакость. Воплотить свою мечту в жизнь юрист смог, используя свое служебное положение. Не имея никаких прокурорских прав и нарушив закон, адвокат подготовил фальшивый ордер на арест Домингеса по обвинению в превышении власти и применении пыток по отношению к заключенным, а затем «запустил» ордер по инстанциям. Задумка сработала.

Видно, не знал адвокат-фальсификатор хорошей русской поговорки «Не рой другому яму...», за что и поплатился, очутившись в тюремной камере сам.

1000 человеко-часов в борьбе за жизнь

Уникальная по своей сложности операция по разъединению «сиамских близнецов» проведена недавно хирургами одного из госпиталей канадского города Торонто. У двух шестимесячных девочек, родившихся со сросшимися животиками, оказались общими печень, кишечник, почечные лоханки и мочеточники.

20 часов пятьдесят врачей и операционных сестер боролись за человеческую жизнь, а точнее, за две жизни. Хирургам пришлось разделять печень, полностью перестраивать кишечный тракт и другие жизненно важные органы.

Как рассказал журналистам главный хирург госпиталя Роберт Филлер, наибольшую

сложность представляла пересадка избыточных мускульных тканей для «залатывания» огромных прорезей, образовавшихся в местах разъединения органов.

Послеоперационное состояние девочек врачи оценивают как критическое, подчеркивая, что много и не могло быть при такой сложной операции. Наибольшую опасность для здоровья жизни малышей в первые недели после операции представляют инфекции, способные в одночасье свести на «нет» все титанические усилия медиков.

Девочки находятся в стерильных боксах. Медицинский персонал многократно усилил и без того строгие меры инфекционной безопасности. Если осложнений не возникнет, в июле девочки уже будут выписаны домой. По утверждениям медиков, они смогут жить нормальной жизнью и даже иметь детей.

Экспедиционные силы России

Белые «Камазы» в «горячих» точках

Валерий МЯГКОВ

В конце прошлого года в России был образован экспедиционный отряд, способный действовать в любой точке мира и о боевой оснащенности которого с одобрением отозвались даже представители ООН.

Тридцать «Камазов» непривычного белого цвета на дизельном ходу. Каждый имеет радиостанцию, запасы продовольствия, одежды, медикаментов. Несколько джипов сопровождения, оснащенных системами спутниковой связи. И, конечно, люди: водители, координаторы, врачи — профессионалы высокой пробы. Это и есть экспедиционный отряд, который может работать в любых условиях, в автономном режиме до трех месяцев. В течение 72 часов он обязан выступить на выполнение боевой задачи. «Боевая» — это, конечно, условность, цель экспедиционного отряда в оказании экстренной помощи терпящим бедствие людям...

В середине мая в Министерство по чрезвычайным ситуациям России пришел факс из Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев: в Танзании разворачивается

гуманитарная операция помощи рундийским беженцам. И уже 18 мая два транспортных гиганта, «Руслан» и ИЛ-76 (самолет приписан к экспедиционному отряду), переправили в Дар-эс-Салам передовую группу из десяти «Камазов». На следующий день автомашины по раскаленному африканскому высокогорью двинулись к границе с Руандой, где находятся три лагеря с более чем 250 тысячами беженцев, чтобы приступить к выполнению гуманитарной миссии.

— Первый международный опыт мы получили в бывшей Югославии, — рассказывает начальник Главного управления международного сотрудничества Ю.Бражников. — В начале 1993 года был подписан контракт с Управлением Верховного комиссара ООН и 15 «Камазов» стали доставлять гуманитарные грузы в районы Сараева, Горажды, Тузлы. На горных зимних дорогах наши машины показали себя лучше зарубежных. Но, увы, в тяжелых условиях нам не удалось избежать аварий, в которых пострадали люди, а один водитель погиб, сорвавшись с машиной в пропасть. Конечно, мы знали, что горные трассы очень опасны, были готовы к

неожиданностям, ведь это — наша работа.

В Боснии и Герцеговине пришлось ездить под свист снарядов и пуль. За каждым автомобилем числилось два водителя, техника практически не простаивала. Действия отряда были оценены очень высоко, и нас попросили направить в Югославию еще 15 машин с людьми. Сейчас там действуют два отряда, их так и называют: первый и второй. Весной подписан новый контракт о продолжении работы...

Как известно, события в Горажде изменили военно-политическую ситуацию и Управление Верховного комиссара ООН частично сворачивает свое присутствие там, выводит шведов и датчан. Их место займет специально созданное югославское автопредприятие по доставке гуманитарных грузов. Не исключено, что российские отряды поменяют свою базу и переедут в Загреб или на побережье Средиземного моря.

— По соглашению с боснийскими сербами мы обещали направить в Тузлу российских представителей, — продолжает Ю.Бражников. — Омовцы решили использовать находящийся там бывший военный аэродром для переброски гуманитарной помощи. Сейчас он расположен в центре мусульманского анклава, окруженного сербами. Они настаивают на нашем присутствии в качестве наблюдателей. Семеро российских спасателей с автомобилем в мае уже прибыли в Белград и ждут переброски в Тузлу.

Опыт работы в Югославии, а также полученное раньше «крещение» на просторах родного СНГ — в Закавказье, Приднестровье, республиках Средней Азии — дали возможность подписать в Женеве международное соглашение, где России отведена роль партнера в реализации гуманитарных акций под эгидой ООН. Оно подразумевает равноправное сотрудничество, выгодное и России, и мировому сообществу.

Экспедиционный отряд — плод этого соглашения. Конечно, его создание потребовало значительных затрат. Но, отправляясь, к примеру, в ту же Танзанию, водители и врачи за свой тяжелый труд получают по международным стандартам. ООН оплачивает аренду транспорта, предоставляет средства связи. И самое главное — финансирует весь проект. Но если, не дай Бог, в то же самое время случится чрезвычайная ситуация в России, экспедиционный отряд останется дома спасать своих, это оговорено в соглашении. А на огромной

территории России возможны разные природные катаклизмы, так что подобные силы быстрого реагирования, прошедшие огонь и воду, окажутся очень даже к месту.

Весной этого года Россия представила в Комитет гражданского планирования НАТО доклад, посвященный гуманитарным операциям. Встреча проходила в рамках программы «Партнерство ради мира», и на нее были приглашены представители стран СНГ, Балтии, Восточной Европы. Россия предложила не ограничиваться масштабами НАТО, а реализовывать более многоплановые проекты под эгидой ООН, в частности тот, который предусматривает использование вооруженных сил и средств гражданской обороны для ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Члены НАТО с пониманием отнеслись к такой идее.

Совершенно очевидно, что мощные ресурсы военных и сил гражданской обороны можно частично переключить на решение гуманитарных задач, ведь и боевые действия, и ликвидация ЧП, по сути, проходят в одинаковых условиях: необходимо принимать оперативные решения, перебрасывать технику, людей... И кому как не нам это знать, ведь у России есть тут собственный опыт, во многом печальный.

Еще совсем недавно наша гражданская оборона была ориентирована на ожидание неминуемой термоядерной войны. Но удар пришел не со стороны «мирового империализма», а из Чернобыля! И гражданская оборона оказалась неспособной действовать в мирное время. Сегодня ориентиры меняются. Различные чрезвычайные происшествия уносят тысячи человеческих жизней, наносят многомиллионный ущерб. Кто же придет на помощь людям в тяжелую минуту?

Кстати, экспедиционные силы и были сформированы на базе гражданской обороны. В их арсенале передовые военные наработки, современная техника, подготовленные и проверенные в деле люди...

Школьная доска в кабинете Бражникова почти вся исписана мелом: количество переброшенной техники, время посадки самолетов... В соседних кабинетах люди провели ночь в ожидании связи с Танзанией. «Возможно, к середине июня наше присутствие там увеличится, отправим еще десять автомашин с людьми, — говорит Бражников. — Недавно наше министерство посетили представители ООН, обсуждали планы дальнейшего сотрудничества. Гео-

ДМИТРИЙ СЕРПУХИН

графия получается широкая. На очереди, видимо, Ангола — с побережья надо будет доставлять в глубь страны продовольствие для голодающих».

Помнит Россия и об интересах сво-

их ближайших соседей по СНГ — Таджикистан, Закавказье, Абхазия... Возможно, скоро отправятся туда белые «Камазы» российских экспедиционных сил под флагом ООН.

Алексей
МИТРОФАНОВ

Крест

Памяти
памятника

Когда 4 февраля 1905 года рука бомбиста И.Каляева, размахнувшись, отпустила в полет злую машинку и через секунду не стало Великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатора Первопрестольной, сложился триптих версий.

— Не будь химиком, а ежели Савва Морозов пожертвовал раненым солдатам одеяла, то и отошли их на войну, но не продавай на Сухаревке, — чесали языки в народе.

— Погиб за преданность самодержавию — к этому сводилась версия официальной.

— Был гомосексуален, вот и получил гранату, — судачила свое интеллигенция.

«Химика» он заслужил за историю. Увлекался древностями, за свой счет провел раскопки в Палестине — и даже доказал, где именно Голгофа находилась. Учредил палестинское общество, всячески помогал паломникам. Председательствовал в Комитете по устройству музея изящных искусств на Волхонке.

Словом, был до того заслуженным историком, что даже в народе стяжал себе звание «химика».

На него же, как вообще на всякое начальство, вешались различные «собаки». Его, например, обвиняли в ходынской трагедии. Якобы московский обер-полицейстер задолго до торжеств советовал ему собрать побольше войска. Сергей же Александрович заверил: «У меня и без того порядок будет». И — просчитался.

Про одеяла — так и вовсе странная история:

— Савва Морозов три тысячи одеял пожертвовал раненым солдатам, а Сергей Александрович эти одеяла на Сухаревке продал. Вот Морозов слышит: толкуют, будто его одеяла на Сухаревке про-

Великий князь Сергей Александрович с женой Елизаветой Федоровной (1896)

даются, а ему не верится. Вот он взял и пошел посмотреть: правда ли это? Вот приходит, смотрит — и верно: которые он одеяла пожертвовал — идут в продажу.

— Посадили они генерал-губернатором — чорт подери — педераста (еще хорошо, что взорвали).

Так говаривал Иван Иванович Коробкин из романа Андрея Белого «Москва». Мировое светило, ученый, списанный отчасти Белым с собственного папы.

Да, было и такое трогательное обстоятельство: царский дядя, видный православный деятель — и гей. Все тогда знали, что живет великий князь Сергей с красавцами своими адъютантами, дарит им драгоценные перстни. В Петербурге основал осо-

бый клуб, просуществовавший вплоть до 1891 года, до того, как дядю сделали московским генерал-губернатором. Как-то даже собирался путешествовать с Чайковским — да смерть Александра II тому помешала.

А коллекционировал не только археологические древности, но и порнографические открытки («своего», разумеется, профиля).

Впрочем, эти факты были достоянием лишь образованной России. В основном же люди просто-напросто не знали, что такое педераст.

«От сотрясения воздуха побиты все стекла... Взрыв был слышен в Замоскворечье, на Сретенке, Мясницкой... Силой взрыва голова была от-

делена от туловища и разорвана на мелкие части, и бездыханное тело лежало на снегу без левой ноги, с большими повреждениями всего туловища. Одной руки не было, а другая лежала около шеи...»

Супруга Великого князя, Елизавета Федоровна (та самая, которой любитель адъютантов предлагал искать нового мужа среди придворных), собственноручно отыскала окровавленную грудь и кое-что от головы.

Замуж не вышла — основала Марфо-Мариинскую обитель, остаток жизни помогала раненым. А после революции ее постигла участь несчастного супруга — спустили в алапавскую шахту и закидали гранатами.

«Изобличенный в противозаконном пороке мужеложства подвергается за сие лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение. Сверх того, если христианин, то предается церковному покаянию по распоряжению своего духовного начальства».

Эта статья Уложения о наказаниях по отношению к Сергею Александровичу, конечно же, не применялась. Больше того, на месте, где взорвали знатного гая, в 1908 году установили крест. И выполнил его один из самых набожных художников начала века — Виктор Васнецов.

Крест был бронзовый, с эмалевыми вставками, с Христом распятым. С надписью, заказанной Елизаветой Федоровной: «Отче, отпусти им, не ведают, что творят». И с лампадой в резном фонаре.

Крест, установленный в память о преступнике закона православного, был очень популярен. «Никто не пройдет через Кремль без того, чтобы не подойти к маленькой ограде и не сотворить молитвы: «Упокой, Господи, душу раба твоего Сергия», — написал путеводитель.

«Подвиг» Каляева воспроизвел Ильич. 1 мая 1918 года. Ранним утром, перед митингом, он говорил коменданту Кремля:

— Хорошо, батенька, все хорошо, а вот это безобразии так и не убрали. Это уже не хорошо.

Комендант пытался было оправдаться, дескать, рук рабочих не хватило. Ильич же оказался прост. Потребовал веревку, сам свернул петлю, на крест ее накиннул и призвал товарищей: Свердлов, Бонч-Бруевича, Смидовича — кто рядом оказался:

— А ну, дружно!

Те призыву вяли, вме-

сте с Ильичем впряглись, рванули — крест и рухнул.

Впоследствии В.Бонч-Бруевич стыдливо называл его «колонной», которая «опрокинулась и разбилась на несколько кусков».

Крест снесли. Не за то, что Сергей Александрович был «голубым», не за «морозовские одеяла», не за ходынский трагедия, даже не за палестинские дела. Просто как «безобразии».

Сам Владимир Ильич.

Как же скучно, о Господи!

А именем бомбиста И.Каляева спустя шесть лет назвали улицу. До того момента — Долгоруковскую. Носившую это имя в

честь еще одного генерал-губернатора, более счастливого.

Думаю, история с крестом на этом и закончилась. Несколько лет назад патриотическая интеллигенция намеревалась памятник восстановить. На том же месте, недоступном для народа, — на Сенатской площади. Может быть, поэтому проект не слишком поддержали.

Увы, сегодня сочетание «патриотическая интеллигенция» звучит почти как издевательство. И «патриотам», приходящим к власти, — не до васнецовского креста. ■

Крест, установленный на месте гибели Великого князя

Кошки не похожи на людей

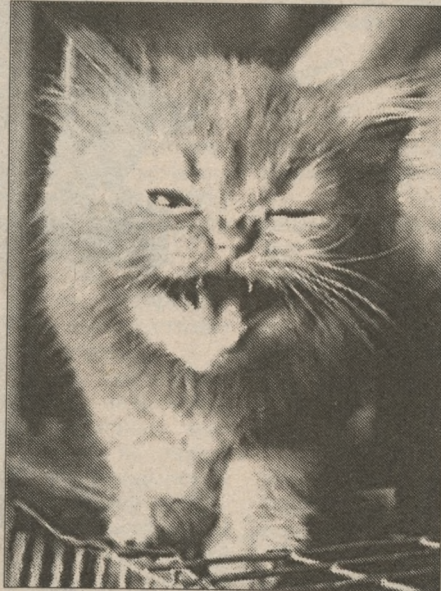
Кошки, вопреки нелестному мнению об их нравственности, целомудренности. Хоть и ходят без одежды. Если бы люди обладали кошачьим «пофигизмом», холодным сердцем и тем надменным видом, с которым кошки милостиво позволяют себя любить, они не знали бы массы проблем.

Елена АВЕРИНА

Кошек любят многие женщины — особенно пожилые, — которые, как известно, добрее мужчин и могут довольствоваться малыми крохами ответного внимания и полным отсутствием даже намека на благодарность. Мужчинам же нужно поклонение, восхищение и взгляды, полные обожания. Они — собачники. А с представителями сильного пола, которые все-таки любят кошек, как правило, приятно общаться: они уважают в других личность.

В последнее время люди, похоже, вдруг переродились и зауважали чужую индивидуальность. Любовь населения нашей страны к кошкам достигла пика. Ими увлеклись стар и млад, мужчина и женщина, коммунист и демократ. Кошек стали разводить со страшной силой. В народный карман потекли кошкодоллары.

Коты, как известно, не считались особо полезными животными. Их, конечно, боготворили в Древнем Египте. Они ловили мышей, а больше от них проку не было. В середине прошлого века к кошкам стали относиться как к предмету роскоши, холить их и лелеять, культивировать породы. В 1878 году в Лондоне (англичане были пионерами среди фелинологов) прошла первая выставка кошек. Примерно в то же время стали проводиться выставки собак. Хотя человек занимался собакой гораздо больше, ведь она — и сторож, и охотник, и салонным укра-

шением собака стала гораздо раньше кошки.

До революции в России было много клубов любителей кошек, выпускалась специальная литература по их разведению. Например, в книге «Животные рядом с нами» 1911 года выпуска была целая статья, где давался рецепт, как получить кота черепахового окраса. Потом советским людям стало не до кошек, появились другие, более серьезные интересы. Но дорогие привозные кошки у редких тогда страстных любителей жили всегда, даже в тяжелые годы. Мы, конечно, не имеем в виду экстре-

мальные моменты. В блокадном Ленинграде, как известно, всех котов — голубых и неголубых кровей — съели. В городе после снятия блокады не слышно было ни единого «мяу». А новая популяция ленинградских кошек пошла от английской парочки, которую привезли на военном корабле. Те англичане ничем особым от русских котов не отличались, это были обычные серые короткошерстные «помоечные» васьки.

Долгое время у нас вообще не подозревали, что у кошек, как и у собак, бывают породы. Знали, что

кошки есть «обычные», сибирские (то есть пушистые) и сиамские, о диком и неукротимом нраве которых ходили захватывающие слухи. Кошек, названных у нас сиамскими, в пятидесятые годы привез в страну друг детей, зверей и кукол Сергей Образцов. Но либо те первые особи были «дворянками», либо Сергей Владимирович привозил тайскую кошку — именно на нее советские сиамцы подошли своей коренастой комплекцией и толстой мордой. На самом деле сиамские кошки чрезвычайно худенькие, с острым голодным личиком и хрупкими лапками.

О кошках у нас вспомнили в 1986—1987 годах. Стали появляться клубы. Разводить кошек начал «средний класс». Умные домохозяйки, небогатые учительницы и старушки, верно угадав, в какую сторону дует ветер перемен, успели выгодно приобрести молодых породистых животных. Другим кошки «на развод» доставались уже дороже.

У нас сразу же усиленно стали разводить персидских котов. До сих пор в России это не то чтобы самая модная, но самая популярная порода. Персы, надо сказать, отличаются не только по цвету, но и по типу.

или то, что представляют из себя американские персы, — это просто издевательство над животными. И куда только смотрит «Гринпис»?) Так вот, американские персы отличаются от других круглыми гуманоидными глазами и совершенно проваленным носом, которым трудно дышать. Эта жуткая морда называется «долл фейс», кукольное лицо.

В Европе, где персами занимаются давно, отношение к стандартам гораздо более строгое. Классический, так называемый немецкий тип не признает проваленных носов по основной причине: животному с таким носом жить плохо.

Флегматичные персы мало похожи не только на своих хищных родичей, но и на бойких «братьев» с помойки, которых ноги кормят. Породистые кошки вообще охотнее «дворянжек» соглашаются сидеть дома, вместо того чтобы бегать по вонючим подвалам. Они более пугливые и робкие (в основном, но не все, конечно). Например, одному из лучших представителей персидской породы, красивому московскому коту, принесли лабораторных мышей, живых. Их, чтобы не разбежались, посадили в ванную, а луноликий перс уста-

маленькую короткошерстную кошку в мире, песочного цвета с роковыми зелеными глазами. В цивилизованных странах стали популярны именно короткошерстные кошки. Что ж, там по большей части тепло...

Несколько необычная ситуация сложилась с сибирскими кошками. У российских фелинологов коммерческий интерес к ним как-то не прививается, поскольку, по их мнению, этих особей сколько угодно можно «наловить на соседней помойке». (Ну, наверное, и в Сингапуре не очень-то жалуют своих миниатюрных котов.) А вот западнее России сибирских кошек любят — видимо, за экзотическую внешность. Но пока русские «телились», немцы быстро создали свой стандарт сибирячки, назвав его европейским, и теперь стремятся разводить эту породу под своей эгидой. В отличие от нашей сибирской кошки с сильными лапами и жестким мехом «европейская» сибирячка изящна и более аристократична. Сибирские кошки, которых мы потеряли...

Кроме сибирских существуют еще несколько отечественных разновидностей, которые заявлялись как новые породы, но таковыми при-

Есть, например, американский тип, уже совсем новая, необычная и несколько уродливая разновидность персидских кошек. (В скобках заметим, что в Америке, как известно, все делается во благо человека и его комфорта, этому должно подчиняться все, даже животные. Поэтому — типично американское новшество — ампутировать у кошек когти, чтобы не драли мебель. А смелые селекционные опыты, в результате которых некоторые параметры породы доведены до абсурда и появляются странные существа типа кошек на коротких инвалидных лапках,

вился на них сверху, решительно не понимая, что надо делать. Потом он поскользнулся и свалился вниз, к мышам, оконфузившись при этом самым анекдотичным образом.

Вообще, в мире зарегистрировано больше пятидесяти пород кошек и около 350 окрасов, причем названия окраса красивые и романтичные: таби (полосатый), торти (черепаховый)...

Сейчас появилась новая порода — сингапурская кошка. Ее предков подобрали в трущобах Сингапура и вывели из этих полудиких зверьков очаровательное существо, самую

наны не были. Например, невская маскарадная, похожая на лохматую и толстую сиамскую кошку. Ее признали цветовой вариацией сибирской породы.

Отечественный кошачий рынок, который обыватель называет «мафией», на самом деле претерпевает полный разброс и представляет из себя загадочное зрелище. Начнем с того, что наши фелинологи работают в основном на привозном «материале», не всегда самым хорошим, часто, прямо скажем, средненьком. И если раньше к нам попадал «брак» из Чехословакии и

особенно из Польши, то теперь везут что ни попадя из Западной Европы и Америки. В российских клубах тоже полно умников, которые вяжут нездоровых животных, хотя заранее знают, что их потомство уже ни для разведения, ни тем более для выставок не пригодится. Нередки печальные истории, когда человек с трудом достает деньги, чтобы купить кошку для разведения, а она, оказывается, больна и была заражена еще внутритробно.

«Кошачьи» клубы появляются у нас один за другим, стремительно, и сдержать этот процесс нет никакой возможности. Интересны истории возникновения некоторых из них. Вот скоро, например, должен зарегистрироваться новый клуб, возглавит который очень предприимчивая женщина: ее уволили со старой работы за то, что она штамповала фальшивые родословные, которые пачками отправлялись на Птичий рынок.

Приличный клуб или нет, можно определить по двум основным показателям: во-первых, там — хорошие животные и, во-вторых, два-три раза в год проводятся настоящие международные выставки, именно с между-

ИТАР-ТАСС

по очень высокой цене. Особенно если из Москвы их везут продавать в другие города, а города эти провинциальные и в то же время богаты — например, Сургут, Кемерово. Продавец ведь — это своего рода гипнотизер, он может так обработать покупателя, что тот заплатит за животное втридорога да еще спасибо скажет. Среди торговцев живностью таких профессионалов особенно много.

Кстати, по сравнению со «старыми временами» кошки явно подешевели. В середине восьмидесятых хороший персидский котенок иной раз «тянул» на две тысячи — тех! — рублей.

Сейчас на каждое породное животное в зависимости от его, так сказать, «класса», существует свой порядок цен. Таких классов три.

Первый — это кошки «для подушки», то есть те, которых заводят исключительно для удовольствия и не таскают из-за каких-то мелких дефектов на элитные вязки и выставки. Они стоят от ста пятидесяти до трехсот пятидесяти долларов.

Второй класс — животные для разведения. Это нормальные здоровые кошки, которые немного «недоотягивают» в плане экстерьера. Попадая в опытные руки, они дают шикарное потомство, если, конечно, правильно использовать их генетику. Цена — от трехсот пятидесяти до семисот долларов.

Наконец, кошки для выставок. Стоят не ниже восьмиста долларов, а чаще всего гораздо больше.

Чтобы вырастить кошку для выставки, надо прямо-таки стать ей родной матерью: ласкать ее, причесывать, кормить по часам, не жалея денег на хорошее мясо, свежую рыбу (ни в коем случае не минтай) и витамины. В Голландии, например, кошек перед выставкой месяц кормят живыми цыплятами. Объемшие нежной курятины коты буквально расцветают и поражают воображение блеском своего прекрасного меха. В России, как отмечалось выше, высокопородных котов угощают живыми мышами. За которыми те не умеют охотиться.

И не дай Бог где-нибудь на роскошном теле свалится немного шерсти и придется выстричь кусочек! Жюри сразу же снизит балл. Впрочем, жюри может снизить оценку и вовсе без причины. И явный чемпион окажется слабее середнячка. Такое бывает, и нередко. Как и везде, в кошачьем бизнесе большое значение имеют личные симпатии, знакомства и — деньги. Опять деньги.

Автор благодарит президента московского общества любителей кошек «Альф» Елену Пашкову за помощь в подготовке материала.

ТОФИК ШАХВЕРДИЕВ

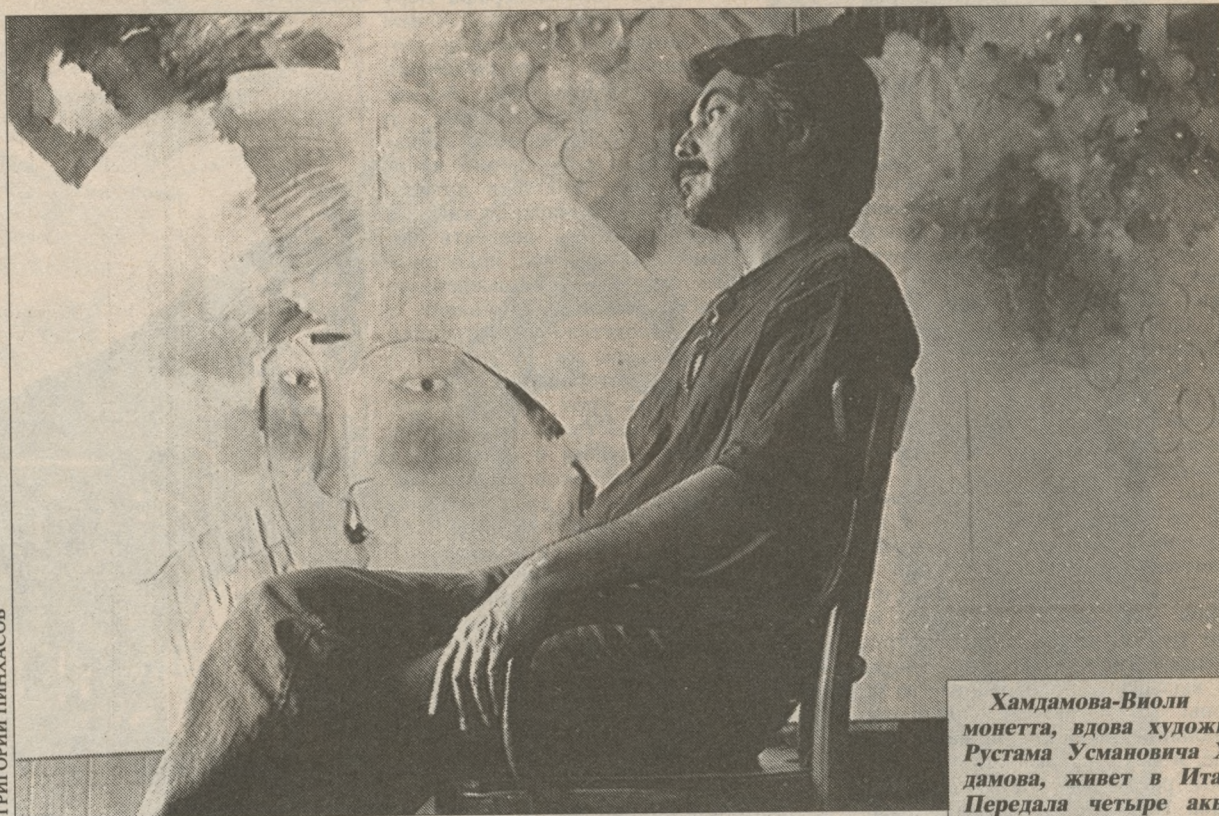
народным, а не с «подставным» жюри. И оценивают кошек эксперты с мировым именем, а не «дядя Петя». На таких выставках все хозяева животных платят организаторам по тридцать—тридцать пять долларов в день, а организаторы, в свою очередь, платят экспертам, и получается, что выставка со всей ее помпой еле-еле покрывает дорожные расходы специалистов.

Есть хорошая примета: чем старше клуб — тем он надежнее. Новые, отпочковавшиеся организации обычно слабы и недолговечны. В Москве, таким образом, самую прилич-

ную репутацию имеют три клуба, возникшие на заре фелинологического движения во время перестройки — «Фауна», «Сириус», «Ассолюкс».

Безусловно, кошачий бизнес приносит огромные деньги. Однако цены сильно колеблются: из двух одинаковых котят одного могут продать за три тысячи «баксов», а за другого попросить вполне божескую цену или вовсе подарить, что практикуется среди истинных любителей кошек. Надо сказать, что рынок сейчас насыщен, но даже при таком раскладе опытный продавец умудрится «впарить» весьма средненьких котят

ГРИГОРИЙ ПИНХАСОВ

Хамдамова-Виоли Симонетта, вдова художника Рустама Усмановича Хамдамова, живет в Италии. Передала четыре акварели...

Журнал «Наше наследие», 1988, № 11, с. 159

В России живет Хамдамов, и это важно для меня, и это помогает мне.

Александр Сокуров.
Из письма 1993 г.

Три «Рабы любви»

Сюжет и судьба Рустама Хамдамова

Василий ЛИТВИНОВ

В общественном сознании Рустам Хамдамов как реальная личность пока не существует. Доказательно можно рассуждать только о культурном явлении. Как видно из эпиграфа, журнал Советского фонда культуры поспешил похоронить его еще в 1988 году. Это не случайная ошибка. Как живет Хамдамов и где он живет, толком никто не знает. Недавно стало известно, что он теперь в Париже. Но одни говорят, что он уехал туда к своему двадцатилетнему сыну Данияру Огиенко, живущему во Франции с малолетства. А другие рассказывают в светской хронике (газета «Иностранец»), что его пригласил Жак Ширак и поселил в бывшей квартире Габриэля Д'Аннунцио, в доме, где жилал Вольтер, — в двух шагах от Нотр-Дам.

Третьи утверждают, что четверть века жил Хамдамов в двух шагах от Кремля, в подклетах Малюты Скуратова — так, мол, и живет по сей день

и никогда не покинет любимый город. Кто-то рассказывает, как Хамдамов полжизни провел бомжом на манер художника Анатолия Зверева. Кто-то — как боится он ходить со своим лицом нерусской национальности по улицам, не имея ни прописки, ни хотя бы гражданства. Как он голодает, как не умеет продавать свои виртуозные рисунки — а по всему свету их рьяно коллекционируют знатоки. А за свои фильмы, мол, он и подавно ни копейки не получил: не понимает ничего ни в деньгах, ни в документах — как слепой. Или о том, что скрывается Хамдамов в жутком подвале без удобств, в маленькой дворницкой комнатке-каморке, а сердобольные москвичи много лет подкармливают его, по-соседски прячут в стенной шкаф, когда с проверкой приходит участковый Тарабукин.

Самое удивительное, что все вышеизложенные версии — правда.

В советские годы поход в гости к Хамдамову считался опасным и изысканным предприятием. Под низкие

кирпичные своды в подворье опричников прокрадывались японские и американские атташе, Микеланджело Антониони и Джульетта Мазина, Ханна Шигулла и Жанна Моро, прочие мировые звезды, вроде Сидни Ром или Марушки Детмерс. Внимание именитых иностранцев к культурной достопримечательности Москвы, живущей в бывшей конторе Малюты, привлекло и взгляд конторы-наследницы, сделавшей Хамдамова невъездным. Есть среди рассказов и апокрифический триллер о том, как тяжело далась Элему Климову и Александру Яковлеву (тогда первому и второму лицам в кино и госпартии соответственно) затея снять с Хамдамова клеймо КГБ.

В соседней комнате многожды исторической коммуналки собирался еще один славный кружок из физиков и философов, куда захаживали Мамардашвили и ныне лондонец Пятигорский, где Петрушевская встретила своего мужа, а около Хамдамова щебетали и сверкали опере-

нем райские птицы Елена Соловей и Наталья Лебле, а также легендарная красавица Лилия Огиенко, похожая одновременно на Грету Гарбо и Беату Тышкевич. Впрочем, кажется, и сама Тышкевич забегала. Бывали и процветающие кинематографисты-товарищи, и безработные — Сергей Параджанов и Кира Муратова. Кого только не было — знаменитости и кликуши, пророки и прохвосты, беспомощные друзья и дружелюбные враги, верные адепты и ничтожные эпигоны, безобидные чудачки и злобные безумцы. Смешивая свои таланты и страсти, они и создали вокруг Хамдамова тот ореол избранности, который влечет к нему сегодня все более широкий круг людей, занимающихся искусством и понимающих искусство.

Трудно представить Хамдамова, самого создающего миф о себе или работающего над имиджем, как многие деятели культуры. Публично он не выступает. Позировать для фотографов отказывается. Редкие интервью удается взять только хитростью. Редкие документы с его подписью всегда вызывают подозрение, что составлены за него. Ординарно-официальной лексикой он не владеет вообще, и его русская речь, по восхищенным рассказам, упоительно старомодна. В местах «тусовки» Хамдамов не замечен, в секретариатах и акционерных обществах тем более. Киноистеблишмент относится к Хамдамову снисходительно, но с опаской, старается пореже вспоминать, чтобы не испытать ненароком чувство дискомфорта.

Две сестры. Вера и Надежда

...В 1974 году во Львове московская киноэкспедиция снимала фильм под рабочим названием «Раба любви». Режиссером был — нет, не Михалков — Рустам Хамдамов. Прообразом героини своего фильма он сделал звезду

русского немого кинематографа Веру Холодную. Пользуясь отсутствием контроля, Хамдамов отложил в сторону официально утвержденный «благонадежный» сценарий А.Кончаловского и Ф.Горенштейна и стал снимать по собственному сценарию. Он выдумал совершенно хулиганскую историю. Это был антисоветский и даже монархистский по настроению сюжет — дерзость настолько немислимая, что некоторое время она оставалась незамеченной. Это было не безумие, не подвиг, а обыденное следствие внутренней свободы Хамдамова.

Он — мастер материального наполнения кадра. Как урок повторяя, что «кино — это вещество», «мелочей не существует» и «форма и содержание неразрывны», Хамдамов тщательно нарисовал свой фильм и пристрасно проследил, чтобы все было исполнено в точности. Интерьеры, костюмы, даже обувь, даже парики — любой пустяк Хамдамов мог неожиданно наделить ключевой функцией, сделать художественным откровением. Удивительный и исторически недостоверный парик «хамдамовской Веры Холодной» сразу после появления на свет стал восприниматься как единственно возможный. Такая прическа решала образ: голову актрисы окружало светящееся облако из пружин

АЛЕКСАНДР САМОЙЛОВ

Вера Николаевна хрупка и бела. Волосы как терновый венчик вокруг головы. Лицо будто заплаканное и умытое слезами. Фигура вялая. Сестра одного с нею роста. Точно такая же. Всегда вместе. Одинаково одеты. Одна другой голову на плечо в лунку возле шеи кладет. На полшага отойдет и наклонит голову на плечо другой. Взаимозаменяемо это все.
(Из сценария фильма «Нечаянные радости»)

Елена Соловей и Наталья Лебле в фильме Р.Хамдамова «Нечаянные радости». 1974 г.

Елена Соловей и Наталья Лебле в фильме Р.Хамдамова «Anna Karamazoff». 1991 г.

ЕЛЕНА СЕМИНА

Елена Соловей в фильме Р.Хамдамова «Нечаянные радости» (рабочее название — «Раба любви»). 1974 г.

нистых, круто завитых и будто припорошенных серебристым пеплом волос.

Первая «Раба любви» снималась на черно-белой пленке, но это не было простой стилизацией под «Великого Немого». Только наивный зритель мог подумать, что видит отличную имитацию старинного кино. Фильм играл с эстетикой прошлого в кошки-мышки. Культурные люди испытывали головокружение, будто под ногами исчезала опора и начиналось вращение сразу в двух плоскостях. Хамдамов соединил прощание с ушедшей красотой «синема» и будущие формы киногипноза. С редкой наглядностью он обнажил в этом фильме процесс рождения киноязыка.

Режиссер и оператор построили сложнейшие мизансцены. Медленно плывущая камера пересекала траек-

тории движения персонажей в контрапункте то ли сна, то ли музыки. Голоса актеров звенели, как натянутая струна, волновали забытыми красками, неожиданно юной дворянской картавостью, милыми интонациями погибшей российской жизни. Ускользящий смысл речей возникал не на поверхности, а в глубине потока простых и понятных фраз — но сцепленных по непонятному закону.

Оператор Илья Миньковецкий достиг изображения, завораживающего обилием полутонов, колеблющимися полупрозрачными тенями, мерцающими блестками и бликами. Экран светился небывалым серо-жемчужным колоритом. Казалось, что в честь Серебряного века серебру пленки устроили пир. Это была работа мастера, лучшее, что сделал

в своей творческой жизни Миньковецкий — опытный оператор классической школы, однокурсник Сергея Параджанова по ВГИКу и его друг по многолетней жизни в Киеве.

Хамдамову повезло и с мосфильмовским фотографом Александром Самойловым. Сейчас это один из самых значительных мастеров фотоискусства, поэт, философ, мистик и анахорет. Его очень трудно уговорить выставляться или публиковаться, но он все же прославился своими лаконичными фотоабстракциями и почти алхимическими способами печати. От «Рабы любви № 1» у него сохранилось 25 отборных негативов, фотографии с которых видело всего несколько человек: Самойлов нумерует каждый отпечаток, не разрешает трогать руками и даже дышать над ними. Только один «настоящий» портрет

был как-то опубликован во французском журнале «Актюэль», а на последней большой фотовыставке «Искусство современной фотографии» в ЦДХ особым событием стала экспонированная в общей раме пара — удивительно разные по атмосфере отпечатки с одного негатива. Остальные его опубликованные фотографии ведут свое происхождение от обязательного оброка, сданного им в свое время на «Мосфильм». Совершенно справедливо Самойлов относится к отобранному им изобразительному ряду, как к драгоценности, и считает, что это самостоятельное, непараллельное фильму произведение. «Это я обессмертил девушек», — говорит фотограф.

«Девушек» — потому что у Хамдамова были две главные героини. Легендарную Веру сыграла Елена Соловей — актриса, выпестованная режиссером в годы их совместного студенчества. Еще в 1967 году Хамдамов впервые вывел ее на экран в своем короткометражном фильме «В горах мое сердце». Надежду — тень и младшую сестру звезды — играла Наталья Лебле, тоже когда-то за руку приведенная Хамдамовым в кино.

Татьяна Самойлова появлялась в фильме в восьми обликах, каждый раз как знак судьбы. В самом последнем кадре она пробирается на разгромленную студию, наряжается в костюм Дианы-лучницы и, «взойдя на нагую скалу, в пьяном счастье, в тоске безотчетной, прямо в солнце пускает стрелу» (Н.Гумилев). Кинорежиссер-мистика, который хотел путем жертвоприношения спасти нормальный мир от катастрофы, но оказался то ли безумным самоубийцей, то ли обольщенным и зря погибшим героем, сыграл Эммануил Виторган.

...Предзнаменования так часто сопрягали судьбу и фильмы Хамдамова, что диву даешься. Чего стоит одна только, уже ставшая знаменитой фраза из студенческого фильма «В горах мое сердце» о величайшем в мире и никому не известном поэте, который ничего не умеет делать, кроме стихов, и никогда не получит денег, потому что нельзя же быть великим и брать за это деньги. Третьекурсник как в воду глядел.

Хамдамов хотел сменить рабочее название «Раба любви» и придумал другое — «Нечаянные радости». Опять фатальный намек. Мир совсем не был готов разделить с Хамдамовым его радости, «нечаянные» — тем более. Когда обнаружилось расхождение со сценарием, разразился скандал. Хамдамов ушел молча. Бросил картину, когда была отснята вся отпущенная на фильм пленка (10 тысяч метров) и смонтирован вчерне весь (!) фильм.

Только тот, кто способен осознать, какое за этим уходом скрывалось

страдание, какая самоубийственная боль, имеет право бросить Хамдамову хоть слово упрека — почему не боролся, не схитрил? Ответ на поверхности — тот, «кто умеет делать только стихи», не знает, что такое компромиссы.

Без сестры. Ольга

Теперь посмотрим, что случилось после того, как Хамдамов перестал работать над своей «Рабой любви» (которая только в его голове считалась «Нечаянными радостями»). При толком не выясненных обстоятельствах Госкино СССР принимает решение все уничтожить! Загадочное зверство. Никакого явного преступления еще не было, антисоветской крамолы никак еще нельзя было уяснить из неозвученного фильма. Любому профессионалу был ясен высший класс съемок, очевидна художественная ценность любого обрывка того материала и даже некий отдельный его смысл. В конце концов, угрохано столько денег и тщательной работы мосфильмовских мастеров. Множество режиссерских и операторских находок, целая энциклопедия. Отчего бы не сдать хотя какие-то части в архив? Отчего не использовать в учебном процессе? Наконец, Никита Михалков в это время начал снимать фильм заново, в пределах того же сценария и бюджета — ему было поручено спасти ситуацию. Так родилась «Раба любви № 2».

Единственная, которую знает сегодня зритель.

А где же хамдамовский фильм? По свидетельствам непосредственных участников, и прежде всего оператора Миньковецкого, пропал: отснятый негатив (использована была вся норма в 10 000 м), смонтированная вчерне рабочая копия фильма (около 2400 м) и большая часть оставшихся не использованными режиссером дублей — вне монтажа было около 7000 м. В фильме недоставало только одного незначительного по объему и по значению азиатского эпизода, который Хамдамов придумал, но не мог снять во Львове.

Оператор Илья Миньковецкий сейчас один-одинешенек бьется, как бедный Дон Кихот-пенсионер, чтобы сделать чудо. Уже сделал. Выпрашивает теперь, где может, совсем немножко денег, чтобы Хамдамову подарить и всем нам показать результат: ему удалось из пепла, как птицу Феникс, восстановить «Рабу любви № 1». Когда он показал эту свою работу на фестивале «Киношок» в Анапе в 1993 году, у киношников действительно был шок. Каждый новый кадр этой ленты публика встречала аплодисментами.

А в 1975 году оператору с опозданием на три дня сообщили, что весь позитивный материал по приказу отправили на смыв. Бледный Миньковецкий бросился на студию и в горе коробок около кинопроекторной

АНАТОЛИЙ ПОШВКИН. «СОВЕТСКИЙ ЭКРАН»

Елена Соловей на съемках фильма Н.Михалкова «Раба любви». 1976 г.

раскопал всего пять, оставшихся от тридцати. Это были не части, смонтированные режиссером, а отбракованные дубли. Миньковецкий прятал спасенное долгих пятнадцать лет. Время от времени разные люди просили его показать — он не отказывал. Одна коробка пропала, найти пока не удалось. Потом в 1989 году на «Мосфильме» опять появился Хамдамов и получил из рук Миньковецкого неожиданный подарок, но смог вернуть на хранение уже только три коробки — еще одну свистнули ценители хорошего кино.

Наконец, Миньковецкий спохватился, что без размножения материал этот погибнет безвозвратно. Он достал немного денег и безо всякой официальной помощи восстановил негатив, сделал титры в начале и конце ленты, излагающие сюжет хамдамовской истории и судьбу хамдамовского фильма, «подложил» музыку, подаренную Хамдамову новым музыкальным олимпийцем Александром Вустиным. Получился законченный по форме, короткий (30 мин) шедевр.

...Невероятно красивый цветной фильм «Раба любви» режиссера Никиты Михалкова вышел на экраны страны, а потом и всего мира в 1976 году. Звезду русского немого кинематографа Ольгу играла все та же Елена Соловей. Эта роль принесла ей мировую славу и сделала кинозвездой — уже нашего времени.

Что бы ни говорили позднее некоторые слишком требовательные критики, фильм «Раба любви» — замечательное кино, сыгравшее огромную роль в жизни миллионов людей, для которых забытая красота была живительной влагой. В фильме проявился быстро, на глазах развивавшийся талант Никиты Михалкова — живого, жизнерадостного, «актерского» режиссера, ловко все придумывавшего и устраивавшего, думавшего о доступности своего творчества, не забывавшего подумать о своем успехе, крепкого профессионала. Огромный успех «Рабы любви» лег в основу заслуженного авторитета Михалкова-режиссера. Сейчас он бесспорный лидер в профессии, точно знающий, что делать можно, а что нельзя, классик по ощущению меры.

По отношению к Рустаму Хамдамову Михалков не должен был бы испытывать никакого морального дискомфорта — не он закрывал первую жизнь прекрасному замыслу и очень хорошо справился с задачей. Сопоставление двух фильмов не только ни одного из этих художников не умаляет, напротив — оно очень выгодно оттеняет их абсолютную несхожесть. Не разницу калибров — а разницу в строительном материале их искусства и в способе творчества. Было

Рисунок Р.Хамдамова к фильму «Нечаянные радости». 1972 год

бы радостно и уместно видеть явленную обществу дружбу двух таких фигур, как-никак все же скованных одной цепью. Увы, при всяком упоминании этой истории Михалков ежится.

Явное сходство между некоторыми, конечно, очень существенными элементами обоих фильмов отрицать нелепо. Даже если не было никакого творческого влияния, переноса «инфекционного материала» из первого фильма во второй, то благороднее было бы придумать и даже настаивать на таком влиянии. Михалков — все отрицает.

Три сестры. Елена, Наталья и Екатерина

Но история с «Рабой любви» на этом не закончилась.

Спустя 15 лет Хамдамов собрал тех же актеров, сшил для них такие же костюмы, дал им такие же роли, а когда снял, то соединил в одном фильме в перемежающемся монтаже старые и новые кадры. Получился фильм, внутри которого протекло настоящее время, 15 лет, а «хамдамовская Вера Холодная», Елена Соловей, как диккенсовская леди Хевиншем, отказалась даже переодеться.

Это было не упрямство, не реванш, а эстетическая необходимость. Хамдамов придумал новую, теперь уже третью по счету «Рабу любви», рассказанную скороговоркой в ритме видеоклипа, для того чтобы дать ключ к своему фильму «Anna Karamazoff». Огромный эпический цветной кинороман, построенный на самых важных для русского сознания темах и образах, требовал точки опоры. Вставная черно-белая новелла, поданная как показ старого фильма в стареньком кинотеатре, отвечала на какой-то главный вопрос.

Чтобы снять этот эпизод, пришлось вызвать Наташу Лебле, давно уже уехавшую жить в Лос-Анджелес. Приехала Елена Соловей, тогда еще

украшавшая ленинградскую театральную сцену. (Теперь и она в Америке, только на Восточном побережье, в Нью-Джерси.) Хамдамов добавил к новой версии сюжета третью актрису — Екатерину Начапкину. (И эта девушка позднее вышла замуж и уехала жить в Израиль.) На этот раз в фильме актрисы продолжали носить свои собственные имена. Отчаянно русские по самоощущению красавицы разъехались по всему миру. (Кстати, только что выяснилось, что две родные сестры Веры Холодной, Надежда и Любовь, все еще живы и живут в Нью-Йорке.)

Вопрос о том, существует ли на самом деле русская душа и куда ей податься в мировой информационной деревне, со всей остротой был поставлен на Каннском кинофестивале 1991 года. Фильм «Anna Karamazoff», настоящий русский кинематографический «Улисс», международной фестивальной толпе показался непонятной темной глыбой — и все сбегали из зала, как когда-то от значительно более приемлемого «Жертвоприношения» Тарковского. Неудача затуманила взоры и речи горстки отечественных фестивальных завсегдатаев. Только случившийся там режиссер Владимир Меньшов радовался как ребенок и говорил, что у него праздник на душе. С тех пор не было профессионального кинорежиссера, кто остался бы (по-разному, конечно) равнодушен к беззащитной мощи последней работы Хамдамова в кино. Все режиссеры эгоцентрики. Тем более рыцарственно звучат голоса Киры Муратовой и Владимира Хотиненко, громко называющих Хамдамова классиком и требующих дать, наконец, доступ к его фильмам простому зрителю.

Фильм «Anna Karamazoff» томится в абсурдном и противозаконном французском плену. Французская фирма, принимавшая небольшое участие в финансировании картины, за возврат фильма в Россию после Каннского фестиваля неожиданно потребовала от «Мосфильма» крупную сумму. Но его проникающее излучение все больше ощущается. По Москве ходят подпольные видеоклипы, их покупают за большие деньги профессионалы. На «Мосфильме» со все возрастающей частотой тайно крутят неправильную по цвету пробную кинокопию. Идет настоящий девятый вал цитирования «Анна Karamazoff» в самых разных фильмах, лучших видеоклипах и даже в рекламе.

А Хамдамов? Где Хамдамов? Есть ли у него крыша над головой? Что он делает? Что задумывает? Никто не знает точных ответов на эти вопросы.

Не знаем и мы.

2 - «Курочка Ряба» - 2

Россия — Франция, реж. А.Кончаловский

Исполнительницы главных ролей в фильме А.Кончаловского — И.Чурикова и Курочка Ряба

Золотое яичко Кончаловского

Тезисы рецензии:

1. В Доме кино фильму о современной деревне аплодировали в основном те, кто знаком с ней по Центральному рынку (бывш. колхозному) и беседам с околосадовыми мужичками.
2. Миф о колхозниках, дружно штурмующих хоромы кулаков-мироедов, возник на заре советского кинематографа и эксплуатировался им все семьдесят лет. Не понятно, зачем реанимировать его сегодня?
3. В давней черно-белой «Асе Клячиной» были лица и люди, в нынешней цветной «Курочке» — морды и быдло. Вот что сотворили проклятые Советы с русским народом, пока Кончаловский на минуточку отлучился «до Голливуда»!
4. Вследствие вышеизложенного, думаю, «Курочка Ряба» понравится двум таким антагонистам, как

Денис Горелов («Вот он, бля, народец-то наш!») и Станислав Говорухин («Эх-ма, какую Россию мы потеряли»). 5. Когда Инна Чурикова играет просто русскую бабу — верю. Как только она «перевоплощается» в совдеповскую барышню-крестьянку и начинает произносить политтексты от Кончаловского и Мережко — не верю, ибо вижу их умозрительность, сконструированность и ангажированность. Кстати, почему, когда Чурикова матерится, краснею я, а не она? 6. По словам режиссера, главное для него было выполнить обещание, данное строителям Каннского фестиваля, и успеть с фильмом к оному. Выполнил и отрапортовал к сроку. А если бы не успел, то, глядишь, было бы больше времени для монтажно-наладочных работ и вместо полуфабриката, безнадежно распадающегося на отдельные эпизоды, получился бы цельный фильм. 7. И, наконец, о прокате. Ходить в народ с «Курочкой

Рябой», в сельскую глубину не советую. Потому как народ у нас, конечно, добрый и приветливый к мастерам культуры — побить не побьет, но великим и могучим обложить запросто может. Тем более есть за что.

Петр СМЕРНОВ

Незастенчивые люди

Наконец, Кончаловский и Мережко (заголовок относится не к ним) создали наш психонный Твин Пикс навыворот — деревню Безводное, с ее рекой, гудящей только по ночам лесопилкой, народонаселением, кроме бедового сюжета, ничем не занятого, и доморощенной мистикой, проистекающей из текущего по жилам всех поколений национального наркотика по имени «самогон». В этой лавке смешных ужасов (французам, правда, они смешными не показались, и жанровая принадлежность картины для них обернулась

не комедией) собраны, кажется, все киностилы: и суровый «социал», и пародийный «криминал», и волшебная сказка Роу, помноженная на виртуальные чудеса Спилберга, и пластика видеоклипа, скроенного из черно-белой «Аси Клячиной», в финале которого улыбается «дама с собачкой» (первая исполнительница роли Аси — И.Саввина), и параллельная «митьковщина» вечномолодого петербургского кино, и публицистические монологи «на камеру», и пена «мыловаренных» опер про сыновей и матерей, а также по-настоящему настоящему настоящему мужчине, десятилетиями добывающихся лишь одной прекрасной, но неприступной дамы (новая исполнительница роли Аси — И.Чурикова). Все это сделано с той степенью мастерства, которая позволяет говорить о стиле картины как о каком-то итоговом явлении. («Каким-то» только потому, что заметка маленькая.) Что же касается «политической» трактовки сюжета, то она вполне очевидна: западник и космополит как в жизни, так и в искусстве, тридцать лет назад снявший благостную «документальную» похвалу патриархальной гордости некоей Аси-хромоножки, успел за эти годы освободиться от тяжелого груза «народнических» иллюзий и нарастить внушительный груз формальных приемов жанрового кинематографа. Кончаловский создал жесткую экранную структуру — и в смысле композиции зрелища, и с точки зрения интеллигентского мифа о народе-богосуде. Перефразируя известную присказку: бог у нас все же отдельно, а народ — отдельно. Причем написание обоих слов с большой буквы не перевело до сих пор ни одно высказывание в разряд искусства. Поэтому воспевать этот народ так, как героев своей негромкой американской ленты «Застенчивые люди» — про идиллию забытой богом в болотах Луизианы семьи, — режиссер сегодня счел болотным, чем утрировать до боли знакомые и совсем не милые, какие-то совершенно незастенчивые черты. Они не случайны, поэтому запросто, перемены строчные буквы на прописные, стереть их невозможно.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

Похмелье

**Конкурс «Альтернатива»
Выставочный зал «На
Солянке»**

«Альтернатива» задумывалась как конкурс живописи и графики, долженствующий продемонстрировать, что творчество — замечательная альтернатива пьянству и наркомании. Среди организаторов все солидные имена — Московское правительство, благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», «Первый Торговый банк» и итальянская фирма «Маймери», производящая прекрасные краски для художников. Впрочем, альтернативу смогли оценить немногие, ибо экспозиция, завершившаяся раздачей призов, работала всего несколько дней. Может, оно к лучшему, ведь впечатлительный зритель мог и не оценить благих порывов организаторов и броситься искать утешения от несостоявшейся встречи с прекрасным именно в бутылке. Отобранные и развешенные безо всякого принципа (если их вообще кто-то отбирал) полотна утопили в море серости и непрофессионализма несколько приличных картин хороших авторов. Жаль было найти красочные полотна Ани Биштейн, холсты Ларисы Наумовой и Юрия Кононенко или качественные интерьерные работы Василия Киселева среди вакханалии абстракции и похмельной головной боли их соседей. Так и напрашивалась мысль, что альтернативы рюмке нет. А жаль, ведь мероприятие было задумано благородно, а вырученные деньги передали на содержание детского приюта. Но всем известно, куда

ведет дорога, вымощенная благами намерениями.

Г.Г.

Старинные часы — свидетели и судьи

**«Преступная мать, или
Второй Тартюф»
Малый театр, реж. Б.Морозов**

«Преступная мать» — заключительная часть трилогии Бомарше, открывающейся лукавым «Севильским цирюльником». «Преступной матери» лукавства почти не досталось: граф Альмавива постарел, графиня Альмавива (Розина) рефлекирует, Фигаро ударился чуть ли не в государственный пафос, а Сюзанна и вовсе растерялась на фоне якобы вселенской трагедии. Вселенская трагедия — это вполне в духе Малого театра последних лет. Бытовые истории превращаются здесь в сюжеты для Достоевского. И эта — тоже. К несчастью, постановщик Борис Морозов не дотягивает до уровня Достоевского. «Главное, чтобы получилась беседа со зрителем», — сказал в процессе подготовки спектакля постановщик. Однако не уточнил, кому именно, по его замыслу, следует беседовать со зрителем — автору, актерам, художнику или ему лично. Теперь уже поздно — режиссер самоотверженно принял «огонь на себя». И очень напрасно, поскольку в спектакле заняты практически все действующие «звезды» Малого — Корниенко (графиня Альмавива), Глушенко (Сюзанна), Павлов (господин Бежеарс, отъявленный подлец), Клюев (граф Альмавива), Бочкарев

(Фигаро). Им зритель был бы готов простить очень многое — и натужность, и истеричность, и неточность. Но разве можно простить аляповатые часы в глубине сцены, отсчитывающие реальное сценическое время? Они, конечно, свидетели и судьи. Но ведь и мы можем взять и воскликнуть: «А судьи кто?» Вполне в духе Малого.

Эдуард ДОРОЖКИН

ИТАР-ТАСС

С.Курехин в роли «талантливой молодежи» (в центре), С.Соловьев и Н.Губенко в роли талантливых «стариков» (по краям)

Сирены, поющие для воробьев

**«Воробьиная оратория»
Диск Сергея Курехина**

Сергей Курехин до сих пор числится среди молодых, хотя в этом году ему исполняется 40 и сочиняет он уже более 15 лет. Значит, нет больше никого — талантливая молодежь что-то не появляется, талантливые «старички» тихо выдыхаются, так что вся надежда на Курехина. Он возводит механистичность и сумасшествие нашего времени в особый принцип бесконечных мелодических вариаций на одну тему, но с постоянным изменением мотива. По такому принципу был выстроен его предыдущий диск «Опера богатых». Новый — «Воробьиная оратория» — не только развивает ту же концепцию, но и мастерски обогащает ее: теперь в каждой композиции борется и взаимодействует бесчисленное количество варьируемых ритмов, в каждый из которых постоянно «вплетаются», встраиваются новые и новые ноты. Кажется, творческой фантазии автора нет предела. Оратория делится на

несколько частей, именуемых «Зима», «Весна», «Лето», «Осень», «Зимняя воробьиная песня» и «Воробьиные поля навсегда». Из них складывается сильный полифонический образ накатывающей на нас фантомной и напористой реальности, где в качестве некоей опоры, стержня, рефрена выступает женский голос (любви? смерти?), выпевающий удивительно

красивые рулады. Но их красота тоже обманчива и фантомна, ибо поются они на тарбарском языке и сами являются порождением окутывающего их хаоса, с которым в итоге и сливаются. Тишина и ощущение сковывают пространство в «Зимней воробьиной песни», и лишь отголоски прежних рулад прорываются тут сквозь тихую какофонию звуков. Но нет, финал не печален — в «Воробьиных полях навсегда» голос, похожий на пение сирен, прорывается наружу и воспаряет в горние выси. Что он несет? Освобождение от фантомного бытия? Или образ очередного фантома? Ведь прорваться сквозь неведомый язык песни невозможно... А воробьи-то кто? Уж не мы ли — замордованные сегодняшней, бьющей нас немилосердно жизнью городские интеллигенты, воображающие себя вольными птицами? Впрочем, интерпретаций новой работы Курехина может быть предостаточно, и в этом тоже один из принципов композитора. Важно одно — музыка замечательная.

Александр ШПАГИН

Дневник У.

В.Киселев и В.Савичев на выставке «Альтернатива»

*Двадцать
пять лет
в фокусе
внимания...*

ИТАР-ТАСС

Возвращение «кремлевского соловья»

Лев Лещенко как символ стабильности

Наталья ЛОГИНОВА

Как бы вы ни относились к Льву Лещенко, наверняка не забыли, что «из полей доносится печаль», а улетающего олимпийского мишку оплакивали вместе со всеми, кто в тот момент был в сознательном возрасте. Сопот — «За того парня» — тоже наша история. Нравится она нам сегодня или нет. Эти три пес-

ни, столь разные, наверное, и являются краткой творческой характеристикой Льва Лещенко. Хотя отнюдь не исчерпывают его возможностей. Классика, романсы, джаз и даже рок (!) тоже присутствовали в его палитре, хотя были менее известны широкому зрителю.

Двадцать пять лет творческой деятельности. Двадцать пять лет в фокусе внимания... И при этом — ни

скандалов, ни историй, ни даже — толком — сплетен...

— **Лев Валерьянович, неужели у вас нет врагов?**

— Вы знаете, нет. Я такой... «миротворец». Меня за это многие упрекают: что, мол, ты пытаешься всех примирить?

— **И никто вам никогда ничего плохого не сделал?**

— Нет... Меня никогда никто не

ударил, не оскорбил... Вот разве что однажды больше чем на год «выключили» из эфира. Тяжелый был период... Это когда начались новые веяния на телевидении и туда пришли все эти бывшие комсомольцы, мгновенно перековавшиеся в яростных демократов. Те самые, которые несколькими годами раньше размагнитили фильм, в котором я снялся не в галстук, а в ковбойке. Те самые, которые с энтузиазмом делали из меня «кремлевского соловья». Теперь они с тем же энтузиазмом убирали с экрана «этот совдеп».

— Ну и как вы с этим боролись?

— Никак. Я продолжал работать. Народ-то меня знал и любил все равно. Но я понимал, что долго на инерции не продержишься. И даже начал думать о том, чтобы заняться бизнесом.

— Шоу-бизнесом?

эфир — симптом возврата к прошлому и в политике?

— Скорее, это симптом тяги к стабильности. Сколько можно по телевизору твердить — все плохо, ужасно, бандиты, разбойники, зарезали... Зачем это? Нужно успокоить народ.

— Так ведь семьдесят лет успокаивали. Все было хорошо — не было наводнений, землетрясений, вулканы не извергались, поезда не сталкивались, не было бедности, не было преступности...

— Но у нас действительно не было такой преступности. И нищих не было...

— Однако вы-то лично стали лучше жить, чем при советской власти?

— Безусловно. Мне и тогда было неплохо, честно говоря, но сейчас во сто крат лучше. И не только потому, что никто не отнимает у меня заработанные деньги, как было тогда,

кое-то раздражение, поляризация мнений... Теперь всем на все наплевать. Многим, во всяком случае. А наплевать — вот и получите...

Конечно, раньше заводы в отпуск не отправляли. Но большая часть предприятий работала «на свалку». Половина товаров, которые выпускались, были не востребованы. Их просто выбрасывали. А люди думали, что они работали. И государство думало, что оно им платит деньги...

— Что-то я не пойму, вы оптимист или пессимист?

— Вы понимаете, я достаточно зарабатываю, у меня хорошая квартира, «Мерседес»... Но это не значит, что я чувствую себя абсолютно счастливым. Я вижу, как человек роется в помойке, вижу нищих — стариков, детей... Я же не изолирован от внешней среды... И это действует на мою психику, на сознание, на душу... Я

Иосиф Кобзон на заре моей биографии по-доброму, по-отечески ко мне отнесся, хотя понимал, конечно, что в моем лице конкурент подрастает

Я пел классику, джаз, даже рок. Если представится случай, готов спеть и цыганский романс

— Нет, обычным. Торговлей.

— А вы бы смогли?

— А почему нет? Что, так трудно купить авторучку за три копейки, а продать за десять?

— И чем кончилось ваше «бизнесменство»?

— Ничем. Эти «комсомольцы» так рьяно пытались угодить новому режиму, что очень скоро взрослому человеку стало просто нечего смотреть по телевизору... А сегодня ведущее положение в экономике, в политике все-таки занимают люди солидные — 50—60 лет.

— Еще вчера мы гордились тем, что у нас на ключевых постах 30—40-летние...

— Но я говорю про сегодня.

— Да, сегодня смотришь концерт по телевизору — полное ощущение...

— ...что дело происходит пятнадцать лет назад?

— Вот именно. Не кажется ли вам, что возврат вашего поколения в

когда мы получали по 47 рублей за сольный концерт, собирая стадионы... Сейчас психологический климат совсем другой. Сейчас я никого не должен ни о чем просить. А ведь я всю жизнь просил — просил разрешения купить квартиру, машину, аппаратуру... Мне ничего не давали в подарок, я все купил, но каждый раз я должен был быть просителем. Даже для того, чтобы купить полкило сервелата, я должен был кого-то попросить... Теперь этих проблем нет — зарабатывай и покупай что хочешь...

— Но ведь не все могут зарабатывать. И не потому, что не хотят — работы нет. Целые заводы в отпуск отправляют...

— Вот тут надо нашему правительству думать... А правительство у нас то, которое избрал народ. Так что за все, что происходит, сам народ и отвечает. Народ же как будто впал в апатию... Два-три года назад было ка-

совершенно не поддерживаю коммунистов. Но именно они сегодня ратуют за какую-то социальную справедливость. Время сложное, и нужно поддерживать людей, которые не могут себя прокормить, — стариков, студенчество...

— Вы предлагаете помогать студентам наравне со стариками?

— Но на стипендию-то жить невозможно.

— Скажите, а вы, когда были студентом, могли прожить на стипендию?

— Но, видите ли, когда я не смог жить на стипендию, я пошел зарабатывать. У нас полкурса работало. Кто сантехником, кто дворником, кто вагоны разгружал...

— Вы считаете, это было ужасно?

— Да нет. Это было нормально. Так должно быть... Тем более что уже после первого курса мы стали гастролировать, давать концерты... А с третьего курса меня зачислили в

Для телепередачи «Аншлаг» мы с Винокуром готовим большое сатирическое шоу, в котором будут заняты многие ведущие артисты нашей эстрады

стажерскую группу театра оперетты. И хотя трудно было учиться и работать постоянно в театре, я был счастлив.

— **Значит, ваша судьба счастливо складывалась?**

— В общем — да. Хотя не могу сказать, что она «складывалась». Я ее сам «складывал». Еще до института работал в Большом театре. Рабочим. Таскал декорации. Мне нужно было заработать стаж — он давал привилегии при поступлении. И потом мне было интересно посмотреть Большой театр изнутри: как идут репетиции, как делаются декорации, как вообще этот процесс создания спектакля проходит. Я все это изучил. Знал наизусть все балеты, все оперы. Каждый день бывал в театре — даже когда не работал. Меня пускали на репетиции — к Покровскому Борису Александровичу, к Анисимову Георгию Павловичу... Они тогда ставили «Войну и мир», «Повесть о настоящем человеке», «Укрощение строптивой»... 59-й год — золотой год Большого. Пришла Вишневская — «Войну и мир» она пела, появились Кибкало, Решетин, Панков. Артур Эйзен гремел. Катя Максимова и Володя Васильев... Я, кстати, с ними общался, будучи рабочим. Мы с Володей в теннис играли, в волейбол... Я застал Уланову, Лемешева... Это была такая школа!

Ну а когда я решил, что Большой театр уже познал, устроился на завод слесарем-сборщиком — посмотреть, как живет рабочий класс. Потом пошел в армию — я хотел в армию. И служил в танковой роте полгода, и Эльбу в танке по дну прошел, и на стрельбах был, и новые танки видел, и жил в палатке... Только спустя полгода меня забрали в ансамбль группы советских войск в Германии.

Там я стал профессионалом. И когда закончилась служба, очень легко поступил в институт. После института работал на радио. Не работал — пахал. Пел с русским оркестром Федосеева, с Людвиковским, с Силантьевым, с Рождественским... Первым спел ораторию Щедрина «Ленин в сердце народном».

— **И как политическая музыка воспринималась молодым организмом?**

— Нормально. Мы же все были закованы на идейно-патриотическом восприятии действительности. Я учился в школе Зои Космодемьянской — представляете, что это такое? Все детство было пронизано ощущением причастности к подвигу, к высоким идеалам...

— **То есть вы так все это и воспринимали — по первому слою? Никакого скепсиса?**

— Пожалуй, нет... Может быть, потому, что судьба была ко мне благосклонна. Я сразу попал в «обойму». В 73-м году я уже поехал в Японию. До этого были поездки в Германию, Чехословакию... Какой тут скепсис, когда так замечательно все складывается? Только иногда возникало ощущение, что мы играем в какую-то игру, что мы и есть те самые пресловутые «винтики»... Мы выросли в убеждении, что живем в лучшей в мире стране. А я увидел Америку, когда ее еще мало кто из наших видел... Конечно, уровень жизни не сравним с нашим... Но больше всего мне понравилось, что там человек с самого детства — личность. И сегодняшнее наше время мне нравится этим. Сейчас ребенок может сделать учителю замечание. Возможно, это не совсем тактично, но... если учитель не прав...

— **Почему вы считаете, что он это**

может?

— В кино показывают таких самостоятельных детей.

— **Вы по фильмам изучаете жизнь молодого поколения?**

— В общем, да. У меня нет детей...

— **Зато вас Иосиф Кобзон шутиливо называет своим сыном. Он действительно помогал вашему становлению?**

— Не знаю, как насчет «становления», но помогал. Когда еще на заре творческой биографии я шел на свой первый конкурс, он отдал мне свою песню «Берегите друзей». Это было очень важно для меня. И он так по-доброму, по-отечески ко мне отнесся, хотя, наверное, понимал, что в моем лице конкурент подрастает: мы с ним в социальном аспекте были очень похожи в то время.

— **Почему же в этой ситуации не возникло вражды, а вроде как даже наоборот?**

— Нормальные люди, неглупые, вот и все. Ну чего враждовать? Тем более в то время — такое было поле для работы... Работали по пять-шесть концертов в день — представляете? Это сейчас конкуренция. Сейчас если один гастролер выступил — месяц-два в этот город никто не приедет: публика не пойдет. А раньше подряд — в Ленинграде в Октябрьском зале, в Киеве — каждый день шли какие-то концерты. И народ ходил. Люди не были обременены таким количеством проблем. Да и в материальном плане — что там, за рубль пятьдесят, за два купить билет... Сейчас билет стоит минимум десять тысяч. А зарплата — полтинник у многих. У меня сестра — кандидат наук. Получает 60 тысяч. А на заводах есть зарплаты и в тридцать тысяч. И человек не может пятую часть зарплаты отдать за кон-

А с Володей Винокуром мы действительно большие друзья

Жену зовут Ирина. По образованию она дипломат. Может быть, именно поэтому я счастлив в личной жизни

церт... А наши гастролеры — пусть они на меня не обижаются... Когда в нашем государстве продают билеты на концерт по сто тысяч... Это аморально.

— Но ведь приходят люди — полный зал. И платят по сто тысяч... Может быть, это нормально?

— Нормально для кучки людей.

— Значит, достаточно большая кучка набралась уже.

— А остальные?

— Остальные по телевизору посмотрят...

— В принципе, билеты в Ла Скала, в Гранд-Опера тоже не покупает простой народ — не по карману... Но мы-то всегда были ориентированы на социальную справедливость... Ну а кроме того, артисты должны соответствовать столь высокой цене. Нужно работать на сто тысяч... Что далеко не всегда так...

— Скажите, вы и сейчас дружите с Кобзоном?

— Не могу сказать, что мы с ним закадычные друзья... Как с Володей Винокуром, например, но общаемся, интересуемся делами друг друга...

— После убийства Квантришвили «Известия» напечатали, что он следующий кандидат.

— Это провокация. Я считаю, Иосиф должен подать в суд. Нет, с вашим братом, журналистом, надо что-то делать... Я и сам с этим сталкивался... Последние несколько интервью, которые я давал, были настолько извращены... Скажем, я разговариваю с корреспондентом по творческому вопросам. Походя он спрашивает о каких-то вещах, имеющих к этому отношения... В печатном варианте все, что касается творчества, убирается, а остаются какие-то странные заметки по поводу того, где я обедал, с кем поругался, в кого был влюблен...

— Кстати, в кого?

— Жену зовут Ирина. По образованию она — дипломат. Успешно применяет полученные знания в семейной жизни.

— Скажите, раньше артисту было легче пробиться?

— Раньше гораздо сложнее было. Такой отбор был, такие высокие эстетические требования...

— Неужто только эстетические?

— И идеологические, безусловно. Но профессиональные критерии были высоки. Невозможно представить, чтобы неграмотный текст песни проник в эфир. Недопустимо бы-

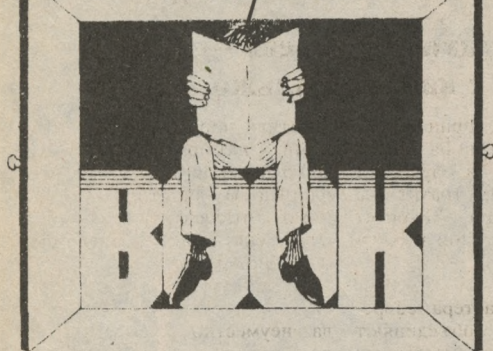
ло сфальшивить в музыке. Следили за одеждой — она должна была соответствовать тогдашним представлениям об эстетике. О том, что можно петь под фонограмму, тогда даже не догадывались. Сегодня у молодого артиста основная цель — не научиться петь, не убедить композитора написать для него песню, а уговорить спонсора дать деньги. Поэтому крутятся в эфире порядка ста пятидесяти—двухсот исполнителей, трудноотличимых друг от друга... Но на сцене-то работают единицы!

— Почему остальные не работают?

— А не ходят на их концерты. Людям они не нужны. Большинство из тех, кто мелькает на экране, просто неинтересны. Но тут народ ничего не может поделать — его мнения не спрашивают при составлении телепрограмм. А на концертах люди голосуют рублем. И голосуют они снова за Кобзона, Пьеху, Толкунову, Магомаева... И за Лещенко, кстати, тоже. Так что наше возвращение в эфир было неизбежно.

Фото из архива автора

Антресоль

Рубрику ведет Николай МАЛИНИН

Вookи в руки

Покупайте, продавайте, вам зачтется...

Не уставая демонстрировать свою круть, издательство «Северо-Запад» закатило в Санкт-Петербурге конференцию «Новые книги — новые проблемы», куда созвало книготорговцев со всей России плюс скромную прессу, которой там, в общем-то, делать было нечего, ибо она и так в курсе всех планов (см., например, «Столицу» № 16), а обсуждать оные оказалось просто-таки неловко в атмосфере нестерпимой деловитости, царившей на Кутузовской набережной: издатель, собравший все архивы и уже распланировавший комментарий, говорил, например: «Волошина будет восемь томов», на что книготорговец сурово откликнулся: «Восьми много, четырех достаточно!»

Крепко призадумался Олег Седов, редактор «Русской классики»: Белого-то будет вообще 20 томов! А В.Иванова — 16, Ремизова —

15, Кузина — 12... Обозреватель «Сегодня» утешал его в том направлении, что надо подключать прямую губернские университетские города...

Впрочем, отдадим должное торговле: она радостно приветствовала семитомник Гоголя, десятитомник Достоевского, трехтомник Грибоедова и даже двухтомник Ходасевича. Покорил сердца зала и неуемный Геннадий Белов, редактор «Fantasy». А уж от Ника Перумова публика просто млела: такой молодецкий, такой интеллигентный!

Готовность торговли брать мягкие переплеты сеяла онтологическую надежду: все будет хорошо, все вообще еще будет; и не надо будет гоняться за твердыми переплетами, чтобы оставить внукам, а можно будет купить мягкий, прочитать и выбросить; внукам — будут новые издания.

Редактор «Экслибриса» Алек-

сандр Кононов говорил, что есть соблазн издать полный («джентльменский») набор классики XX века, но выходящий, например, в «Северо-Западе» Канетти еще лежит кое-где, не распроданный «Панорамой»... На днях появится том Антонена Арто (впервые печатается пересказанный Арто роман Льюиса «Монах», бывший 4 года назад бестселлером во Франции); затем пойдет четырехтомник Кафки, четырехтомник Музиля (с «Прижизненным наследием»), двухтомник Голдинга, второй том Набокова (с новым переводом «Бледного пламени»), «Роза и башня» У.Б.Иейтса, наконец, четырехтомник Камю, который благодаря хронологическому принципу предстанет, по заверению издателей, в совершенно новом виде.

Из ближайших планов от-

метим также две книги Густава Мейринка в серии «Гримуар», роман американской авангардистки Сильвии Платт «Под стеклянным колпаком», сборник сказок Ганса Фаллады «Верный ежик» и эпопею «Долгий путь» никогда не издававшегося у нас датчанина Й.В.Йенсена (серия «Vita Nova»).

Надеемся, что, когда читатель получит этот номер «Столицы», в магазинах уже будет сборник Т.С.Элиота (четыре поэмы в переводах Сергея Степанова, новые переводы лирики; великолепная двуязычная серия «Сфера»), том прозы Михаила Кузина, подготовленный Алексеем Пуриным («Библиотека русской классической литературы»), и в той же серии — сборник стихов К.Р., портрет коего мы и воспроизводим «на закуску».

Говорят, мы бяки-bookи...

Гандлевский — в музее, Могутин — в «Кащенко»

Вечером Сергея Гандлевского закрыл поэтический сезон Литературный музей. Антураж был скуп: холодный сводчатый потолок, пустой планшет на столе, человек двадцать публики, да сам поэт, робко менявший «смирно» на «вольно», да чудные стихи. Бурную энергию излучал лишь Юрий Агарков, директор издательства «Риск», грозившийся в конце лета выпустить книгу стихов Гандлевского «Праздник» (а в июне — Кибирова, а осенью — Холина, Рубинштейна, прозу Микушевича и Файбисовича). Проект зовется литературно-художественной серией «Лики» и базируется аж в городе Белгороде.

Куда более крутые декорации заготовил Ярослав Могутин для своего утренника в психбольнице им. Кащенко. Столь экзотическая идея предполагала выражение солидарности с пациентами и плодотворное творческое общение. Но в последний момент директор больницы

закрыв двери энтузиастам, испугавшись, как выяснилось, конкуренции. Взамен предложил совместный вечер: «Сначала наши почитают, а потом — ваши...» Оказалось, что не оскудела талантами земля русская и даже в «Кащенко» готовят сборник стихов пациентов; что ж, Ломброзо им в руки.

Очередная неудача (имею в виду несостоявшийся брак с Роберто Филиппино) не смутила строителя персонального перформанса, и он отправился заканчивать работу над томом избранного, который предполагает выпустить изд-во «Конец века». Книга будет называться «Кто боится Ярослава Могутина» и включает в себя критику, публицистику, интервью (в том числе — многочисленные беседы с Эдуардом Лимоновым). Книга еще в работе, поэтому всех, кто боится Ярослава Могутина и в этом еще не сознался — милости просим.

Вookолика

Чтения в городе Устюжна. Элегия

О, коль счастлива оказалась идея устроителей конференции «Традиции в контексте русской культуры» унести ее прочь от урбанистического

смада Череповца к меланхолическим брегам Мологи. Вблизи Данилевского — усадьбы Батюшковых — оказалось возможным говорить о

Вот такая она, Устюжна...

культуре всерьез, так что даже знатный шумен-филолог М.Строганов засомневался, не снят ли свой доклад «Пушкин у Кибирова». Говорили о русском символизме и сфере авторской непреднамеренности, русской душе снаружи и изнутри и ремизовской чертовщине, двойничестве у Гоголя и спо-

Гуро уже почти гуро

80-летнее забвение одело Елену Гуро в жалкий наряд маргиналки и чуть ли не провинциальной графоманки. И лишь после статьи Виктора Топорова в первой «радиксовской» книжке и только что отгравированной в Петербурге выставки стало ясно, что мы имеем дело не меньше чем со столпом.

Гуро оказалась связным: символизма с футуризмом. В последнем она была самой старшей, ее «Шарманку» Бурлюк считал «первой книжкой футуристов», Гуро организовала питерский «Союз молодежи», в ее с Матюшинным квартире тусовались главные силы, а итогом стал «Садок судей». (Эта квартира на Песочной улице была передана Музею истории Санкт-Петербурга, но уже дважды успела погореть...)

Главным шедевром Гуро остался дивный миф, рядом с которым даже блоковская мифология кажется «литературой»: миф о сыне-юноше Вилли (великолепный его анализ см. у Топорова). Детей у Гуро на самом деле не было, но прототип Вилли был: это художник Борис Эндер. На открытие выставки приехала из Рима его дочь — Зоя Эндер; был и «сам» Джон Боулт, заявивший, что «Гуро остается загадкой».

Постмодернистскому веку — действительно загадка. Откуда

рово-пыльцовом анализе земля Белозерья.

Элегическая разморенность незаметно вела от теоретических громад к проработке мелочей. Вместо «Русской традиции» как феномена В.Кошелев говорил об абсурде Чехова и Хармса, В.Хализев реферировал воззрения А.А.Мейера. На стене висели стихи:

Как же ты пахнешь, сырая земля!
Этот бы ломоть, отрезанный плугом,
Взять в обе руки и есть, не соля,
Не оснащая ни медом, ни луком.

Две брошюры тезисов покупали учителя сельских школ. Цвела кислица.

И чудилось истомленным людям, будто нету на свете больших городов, грохочущих улиц, ехидных постмодернистов и будильников по утрам... Чудилось... Мнилось...

Алалей КОТЫЛЕВ

Аз, booки, веди

эта неделимая гармония, что уже родилась, но еще и музыка, и слово, и линия? Вариант ответа: из природы. Гуро определила как «истого проповедника экологической этики» (за то, что видела в кубизме «прямой клочек травы и валик земли?»); автор экспозиции Алексей Кострома (прославившийся «оперением» полуденной пушки, а затем и «Медного всадника») выпестовал в залах Невской куртины целый лес: с мохом, камнями, сучьями и даже небольшим озером.

Всего же здесь было 200 экспонатов из архивов Пушкина, РГАЛИ, Музея истории города и частных собраний; вслед за выставкой состоялась фундаментальная конференция гуроведов.

Е.Гуро. Вилли (иллюстрация к «Бедному рыцарю»)

Тенью на стихи Иртеньева — легла «жо» с картин Бильжо

Все деньги, приносимые изысканной лавкой на Остоженке, издатель и букинист Сергей Ниточкин тратит на роскошную серию «Раритет 537», название которой и соответствует тиражу. Под обложками типа «глаз не отвесь» лучшие мастера современной поэзии объединяют усилия с лучшими мастерами графики: Айги — Вулох, Холин — Пивоваров, Сагир — Кропивницкий, Рейн — Харитонов; вскоре к компании присоединятся Бродский с Кулаковым, Кублановский со Спицыным, Еременко с А.Смирновым, Некрасов с Инфантэ и Белла Ахмадулина, естественно, с Борисом Мессерером.

Только что в этой антинародной серии (книжки упоительно дорогие, но абсолютно убыточные) вышел ностальгический альбом «Империя добра», составленный из стихов Игоря Иртеньева и картинок Андрея Бильжо в их общей неотразимо-придурковатой манере. В попытке оправдать заголовок (а также отчасти возместить издательский ущерб) авторы

закатали пирушку с упадническими натюрмортами эпохи микояновской кулинарии, конфетами «Ну-ка, отними!» и прочими тоталитарными примочками, снятыми с производства и злобной повестки дня.

От писательского цеха выступала куча народу, как всегда неуместно иронизирующая по поводу самого святого. Жванецкий на этот раз молчал, ограничившись гостеприимством: гуляли у него в театре. Там же, в храме, грубо торговали и самою книгой, во всех смыслах красной...

Не в силах расстаться надолго, через три недели те же собрались там же: обмыть план юбилейного, десятого номера «Магазина», коего Иртеньев является гл. редактором, Бильжо — гл. художником, а Жванецкий — гл. учредителем. Гл. Санта-Клаусом выступает банк «Деловая Россия», с которым певцы империи добра подписали договор о взаимной гуманитарной помощи. Надо полагать, психиатрическое образование д-ра Бильжо сыграло в этом консенсусе не последнюю роль.

А.Б.

Мини-booки

На углу Новокузнецкой и Новокузнецкого открылся книжный магазин «Ad Marginem», замкнувший квадрат т.н. «элиток». Ассортимент пока скуден (все с этого начинали), зато цены на единственную серию — пониже минут от метро «Павелецкая» — и наслаждайтесь одиночеством в компании Барта и Деррида.

«Худлит» презентовал вполне читающуюся книжку Андрея Терешонка и Георгия Подлеских «Воры в законе: бросок к власти»: как КГБ работало с ворами, те — с ними и что из этого вышло. Правда, доверие к фактуре подрывается жуткой литературщиной, а уж список воров в законе, которого якобы «до сих пор не было в распоряжении органов», — это вообще смешно. Но Терешонк на презентации отмокнулся, а директор издательства призвал «быть снисходительными к военной тайне».

В Институте философии РАН отпраздновали выход первого тома двуязычного собрания сочинений Иммануила Канта; роскошный черный том с гарнитурой детсадовского размера выпустила фирма «Ками».

200-летие Петра Чаадаева ознаменовалось конференцией в Авиационном институте. Доклады Б.Тарасова, В.Кантора, Н.Гаврюшина были привечно-добротными, а вот «круглый стол» прошел на брющем полете. Обещанный Борис Парамонов не явился.

Обитающая в Павшине поэтесса Маргарита Ногтева написала исследование о своих окрестностях (в том числе — об усадьбе «Знаменское-Губайлово»), красногорские власти ее издали, а музей Андрея Белого — презентовал. Книжница славная и, что называется, «познавательная».

Table-Talk

Борис АРДОВ

Название книги, фрагменты которой мы впервые публикуем, заимствовано у Пушкина: по русски «Table-Talk» — «Застольные беседы». Эти слова Пушкин вывел на папке, куда складывал в 30-е годы забавные и поучительные истории, слышанные им в застолье.

На мой взгляд, можно говорить о некоей отечественной культурной традиции таких бесед — начиная с пирушек «арзамасцев» и едва ли кончая воспетыми Юлием Кимом диссидентскими «московскими кухнями». Набравшись смелости, предположу, что наша история, по крайней мере последних двух веков, творилась не в государевых покоях и не в министерских кабинетах, а вот именно в застолье, «между лафитом и клико», под стопку «Столичной» или просто за чашкой чаю...

Имена писателя Виктора Ефимовича Ардова и его жены актрисы Нины Антоновны Ольшевской — «не пустой для сердца звук», точнее — для сердец очень и очень многих деятелей искусства и нескольких поколений художественной публики. Но главное призвание этих людей, самый значительный их вклад в нашу культуру странным образом обнаруживается лишь теперь, когда их нет в живых и когда все меньше среди нас тех, кто помнит, как были популярны в былые времена Ардов и Ольшевская. Для нас они — прежде всего хозяйка квартиры на Ордынке, где подолгу жила еще до войны и в годы послевоенной опалы Анна Ахматова, где гостями были Зоценко и

Пастернак, Раневская и Русланова, Надежда Мандельштам и Лев Гумилев, Солженицын и Бродский.

О «легендарной Ордынке» (так называла Ахматова свой «московский дом») ни Ардов, ни Ольшевская не оставили письменных мемуаров. Это сделали трое их сыновей. Артист Алексей Баталов — еще в семидесятые. Священник Михаил Ардов — совсем недавно («Новый мир» в №№ 4 и 5 за этот год опубликовал его книгу «Легендарная Ордынка»). И вот настал черед младшего из братьев — режиссера, доцента ВГИКА Бориса Ардова.

Кому-нибудь эти записи покажутся лишь забавными пустяками, ворохом более или менее занятых анекдотов. Я предложил бы взглянуть на них в ином ракурсе: по-видимому, сегодня мы все присутствуем при весьма печальном, но неизбежном умирании жанра мемуаров. Исчерпан могучий золотоносный пласт. Завершается век — и вослед за величественными фигурами этого, почти завершеного века уходят от нас последние их друзья, наперсники, собеседники, равные им в житейских бурях и в застольных беседах. Но ведь какие-то крохи со стола, за которым свершался пир богов, перепали и их младшим современникам — тем, кто, как говорится, тогда «пешком под стол ходил».

И по мелким черепкам, и по осколкам кирпича можно воссоздать облик ушедшей Эпохи. Будем довольны ролью археологов.

Михаил ПОЗДНЯЕВ,
обозреватель «Столицы»

Чего греха таить, на Ордынке рассказывалось всякое. Но над столом и самым разговором зачастую высилась царственная фигура Ахматовой, а при ней никому и в голову не могло бы прийти сказать какую-нибудь непристойность.

Предлагая читателю застольные новеллы, которые звучали в доме моих родителей, я воспроизвожу только то, что было произнесено в присутствии Ахматовой или могло быть при ней произнесено.

В начале века в труппе Малого театра был довольно известный артист — Михаил Францевич Ленин. Примечательно, что при временном правительстве он ухитрился опубликовать в газете объявление, что он, дескать, ничего общего не имеет со своим однофамильцем — большевистским главарем и германским шпионом.

В январе 1924 года А.И.Южин, тогда занимавший должность директора Малого театра, говорил с кем-то по телефону:

— У нас сегодня спектакля не будет... Объявлен траур... Ленин умер... Да нет! Типун вам на язык! Не наш, не Михаил Францевич! Этот, ихний — в Кремле!

Южин был плотный, широкоплечий, невысокий человек с большой головой на очень короткой шее. И при том обладал могучим голосом. Это дало повод Всеволоду Мейерхольду дать ему краткую и убийственную характеристику:

— Комод с граммофоном.

Как известно, Мейерхольд всех своих сотрудников рано или поздно объявлял «врагами». Было ли это родом мании преследования или обычное в театральной среде вероломство — судить трудно.

В Москве существовал такой художник — Василий Комарденков, приятель и собутыльник Есенина. Ему довелось оформлять один из спектаклей Мейерхольда. Дело шло к премьере, и вот Комарденков встретил режиссера в мужском туалете театра. Были они там вдвоем, и художник, не отрываясь от дела, сказал ему так:

— Слушай, Мейерхольд... Я твой нрав хорошо знаю. После премьеры ты начнешь трубить на всю Москву, что я своим оформлением погубил тебе спектакль, что я — бездарность. Так вот предупреждаю: если я это услышу, то не посмотрю, что ты народный артист, что театр — твоего имени. Прилюдно набью морду. Как в пивной. Понял?

Мейерхольд не ответил Комарденкову ни слова, но так и не обругал ни его работу, ни самого художника.

На Ордынке имела хождение такая шутка. Советский Союз — безусловно самое демократическое государство в мире, поскольку в нашем парламенте, в Верховном Совете есть представители не только всех национальностей,

Виктор Ардов. Автопортрет

классов и социальных групп, но также и некоторых видов животных. Так, например, лошадей у нас в Верховном Совете представляет маршал Буденный.

В двадцатых годах по редакционному заданию Ардов встречался с Буденным. Легендарный командарм делился своими воспоминаниями и, в частности, рассказывал такое:

— Когда мы брали Ростов, белые никак этого не ожидали. Мы уже ворвались в город, а там еще по улицам офицеры с барышнями гуляют. Я купил у мальчишки газету, смотрю, там написано: «Первая конная армия остановлена в двадцати верстах от города»...

Ардов говорит:

— Семен Михайлович, а на какие же деньги вы эту газету купили? На свои — красные или на ихние?

— Не помню, — отвечал Буденный, — а может, не купил, а так взял.

В те же годы на Никитской улице помещался какой-то театрик миниатюр. В труппе его был замечательный комический актер Владимир Лепко. Он рассказывал Ардову об одном поразительном эпизоде.

У них шла пародия на распространяющийся тогда новый советский обряд — комсомольские свадьбы. В частности, сценическая «невеста» была на сносях, с огромным брюхом, а жених — лихой моряк в бескозырке. Его-то и изображал Лепко.

На одном из спектаклей актер вдруг увидел, что в ближайшей к подмосткам ложе сидит в своей форме при всех орденах легендарный командарм С.М.Буденный. Лепко помахал ему рукой и, не выходя из образа, воскликнул:

— Здорово, братишка Буденный!

Эффект это имело самый неожиданный. Герой гражданской войны вышел на сцену и произнес краткую речь, в которой поздравил «молодых» и пожелал им счастья.

Смирнов-Сокольский, авторитетный чтец, конферансье и библиофил, был на совещании в Министерстве культуры. Там решался вопрос о слиянии двух коллективов, двух ансамблей — донских и кубанских казаков.

— Нет, это не получится, — сказал Сокольский.

— Почему не получится? — спросили его.

— Деникин в свое время уже пробовал — не получилось!

Мне явственно вспоминается тот визит Сокольского на Ордынку, когда он пришел представиться Ахматовой, а также получить ее автографы на нескольких книгах. Анна Андреевна отнеслась к нему с доброжелательным любопытством.

За ужином Сокольский произнес мрачноватую шутку, которая очень понравилась Ахматовой:

— Это было не в тот голод и не в этот... Это было два голода тому назад.

Во время войны режиссера Еврейского театра Соломона Михоэлса командировали в Соединенные Штаты, дабы агитировать богатых американских евреев в пользу Сталина и Советского Союза. Сам Альберт Эйнштейн пригласил Михоэлса к себе в Принстон. Тут надо заметить, что в военные годы в Америке были какие-то ограничения на автомобильные поездки, и это дало Эйнштейну повод пошутить. В телефонном разговоре он сказал Михоэлсу:

— Если вас спросят: зачем вы едете в Принстон — по делу или для удовольствия, вы отвечайте, что по делу. Что же это за удовольствие — видеть старого еврея...

Во время свидания Эйнштейн вдруг спросил своего гостя:

— Скажите, а в Советском Союзе есть антисемитизм?

Михоэлс, который прибыл со специальным заданием, хотел было это с жаром отрицать, но хозяин остановил его жестом.

— Оставьте. Я ведь знаю, что антисемитизм — тень еврейского народа, которую он отбрасывает, где бы ни появлялся...

Незадолго до гибели Михоэлса Ардов встретил его в Доме работников искусств. Артист сказал с грустью:

— В Москве осталось только два еврея — я и Зускин. Все остальные бросили эту профессию.

Весьма колоритной фигурой в театральном мире был актер и режиссер А.Д.Дикий. (Нрав его отчасти соответствовал фамилии.)

Несмотря на то, что Дикий был в свое время репрессирован, после войны ему доверили сыграть в кино роль Сталина, вследствие чего он позволял себе то, что мало кто позволял.

В Малом театре, где в то время служил Дикий, было собрание труппы. Обсуждалось поведение актрисы Валентины Серовой. Она, бедняжка, частенько запивала, а потому пропускала спектакли и репетиции.

Вдруг на ее защиту поднялся Дикий.

— Эти фарисейки, — говорил он, указывая на старейших актрис театра — Яблочкину и Турчанинову, — ополчились на юное дарование...

И далее в том же тоне.

Когда собрание окончилось, к Дикому подошла трясущаяся от обиды и возмущения Яблочкина.

— Алексей Денисович, как вы могли позволить себе такое! В этих стенах... которые помнят еще Марию Николаевну Ермолову!

Дикий при этом невозмутимо курил. Потом он погасил огонек плевком, бросил окурочку на паркетный пол и раздавил ногою.

— С тех пор, мама, — рявкнул он Яблочкиной, — здесь два раза ремонт делали!

Михаил Румянцев (Карандаш)

Одним из постоянных собутыльников Дикого был драматург Константин Финн. Кто-то из ордынских шутников заметил, что имена этих двух пьяниц в честь их исключительных заслуг увековечены на постаменте памятника Пушкину: «Финн и ныне дикий».

У Дикого была довольно большая библиотека, но в конце концов книги он продал, а деньги пропил. И вот кто-то из его друзей вдруг заметил, что все книжные полки — пусты.

— Алеша! — вскричал гость. — А где же твои книги? Дикий сделал широкий жест и возгласил:
— Все прочитано!

Артист Григорий Ярон составил целую эпоху в отечественной оперетте. Карликового роста, чрезвычайно комичной внешности, превосходный танцор, он был к тому же очень остроумным человеком.

Один из гостей как-то зашел в общую Ярона с женой спальню. Там стояла вовсе не подходящая для малютки хозяйина огромная — на полкомнаты — кровать.

— Гриша, — сказал гость, — наверное, когда ты в ссоре с женой, вы с ней в этой кровати даже не встречаетесь?

— Встречаемся. Но не раскланиваемся, — отвечал Ярон.

Одно время Театром оперетты руководил режиссер Туманов, которого, надо сказать, Ярон терпеть не мог. Литератор Лабковский как раз тогда сочинил музыкальную комедию и пытался ее пристроить. Встретив Ярона, автор пожаловался ему:

— Ты представляешь, ведь мы с Тумановым вместе учились в гимназии. А он теперь не хочет ставить мою пьесу. Каков подлец!

— А у вас вся гимназия такая, — сказал Ярон.

Когда Туманова назначили главным режиссером театра имени Пушкина, Ярон сказал:

— Ну, теперь это — театр имени Дантеса.

Ярон почти во всякую роль вставлял то, что у актеров называется «отсебятиной». При его остроумии это иногда бывало совсем недурно.

Например, в спектакле «Сильва», играя роль комичес-

кого старика, он рассказывал о своем когда-то бывшем свадебном путешествии:

— Мы отправились в роскошном автомобиле...

Тут его перебивали:

— Когда вы женились, никаких автомобилей еще не было!

— Да, да, — подтверждал Ярон, — автомобилей еще не было... Но лошади уже попадались!

Мой отец был юмористом прирожденным, это качество было свойственно ему во всем, а не только в писании рассказов. Можно с уверенностью сказать, что в те невестельные времена, когда ему довелось жить, лишь ничтожная часть его комической одаренности реализовывалась в том, что он сочинял для печати и для эстрады.

Маяковский был первым советским писателем, который завел автомобиль, привез себе из Парижа «рено». Однажды Ардов явился в какую-то компанию, где был и Маяковский. Поэт обратился к нему с такими словами:

— Ардик, вы там на улице не видели моего «рено»?

— Ни хрено я там не видел, — отвечал Ардов.

Михаил Кольцов в тридцатые годы стал выпускать политический журнал «За рубежом». (Можно себе вообразить, какое это было издание по тем временам.) И вот Ардов сказал Кольцову:

— Знаете, как на самом деле должен называться ваш журнал? «За рупь — ежом».

Дочь московского профессора Мария Сергеевна Благоволина сказала:

— А вы знаете, как Ардов переименовал нашу фамилию? В одном своем фельетоне, в двадцатых годах, он, между прочим, написал так: «Известный гинеколог, профессор Влагоболлин».

В каком-то доме подвыпивший по своему обыкновению поэт Ярослав Смеляков сказал Ардову:

— Я не понимаю, о чем с тобой может разговаривать Ахматова.

Отец посмотрел на него и произнес:

— А как ты вообще можешь понимать, о чем говорят интеллигентные люди?

На Ордынку пришел литератор, который публиковался под псевдонимом Басманов. Отец написал ему свою книжку:

«Сунь это в один из карманов — (В.Е.Ардов)

Отверженный Богом Басманов (А.К.Толстой)».

Вообще у Ардова был дар к написанию шуточных стихов. Сочинял он и эпиграммы, некоторые из которых довольно удачны. Например, такая:

Скажу про басни Михалкова,

Что он их пишет бестолково.

Ему досталась от Эзопа,

Как видно не язык, а ...

Какой-то человек сказал Ардову:

— Вы, очевидно, под своей бородой скрываете какой-то физический недостаток.

— Скрываю, — отвечал тот.

— А какой?

— Грыжу.

Киносценарист Алексей Яковлевич Каплер был превосходным рассказчиком. Мне особенно запомнилась такая его новелла. Каплер был одним из пассажиров то-

го самого вагона, в котором во время войны эвакуировали из Москвы писателей. И вот на какой-то станции театральный критик, будущий «космополит» Иосиф Ильич Юзовский нашел между вагонами погибающего человека. Это был польский еврей, которого интернировали, везли куда-то под охраной, а на этой самой станции он сбежал и скрывался несколько дней. Он был страшно голоден... Юзовский сжалился над ним, привел в свой вагон. Бедняге дали чаю, как-то покормили его... Он отогрелся и стал с любопытством осматриваться. От его взгляда не укрылось, что люди, к которым он попал, не случайные попутчики, не обычные железнодорожные пассажиры. Они все были между собою знакомы и как-то друг с другом связаны. И тогда он спросил своего благодетеля Юзовского: «Кто эти люди?» Тот отвечал: «Это — московские писатели».

— И тут, — говорил мне Каплер, — он всплеснул руками и произнес фразу, которую я не могу забыть. Этот еврей воскликнул по-польски: «ЦЕЛЫЙ ВАГОН ПИСАЖИ!!».

В этом самом вагоне ехала и Ахматова. Вот ее рассказ:

— Гитлер сказал: «Возьму Москву — всех сталинских писак перевешаю». После этого сейчас же вышел приказ эвакуировать всех писателей. Нас посадили в один поезд. Лебедев-Кумач взял с собою столько вещей, что сломался пикап. С нами ехал польский поэт Леон Пастернак. Я спросила Бориса, знает ли он это, а он сказал: «Я стараюсь об этом не думать».

В свое время в Москве были весьма популярны афоризмы и шутки Моисея Маргулиса — парикмахера, который работал в подвале Дома литераторов.

Летом 1941 года несколько писателей, ожидавших своей очереди постричься, вели разговор о том, что главное в тольке что разразившейся войне — артиллерия или танки. Маргулис некоторое время молча слушал эту беседу, а потом печально заметил:

— В этой войне главное — выжить.

Маргулис говорит:

— Я вчера подстригал Генерального секретаря Союза советских писателей, члена Центрального Комитета нашей партии Александра Александровича Фадеева... И я вам так скажу: волос — ничего особенного...

Маргулис стрижет Валентина Катаева, который только что вернулся из-за границы. Клиент вовсе не расположен разговаривать с парикмахером, а потому отвечает односложно:

— Вы были за границей?

— Да, был.

— Ну и где вы были?

— В Италии.

— И были в Риме?

— Был.

— И видели римского папу?

— Видел.

— А правда говорят, что, когда приходишь к римскому папе, надо целовать ему башмак?

— Да, правда.

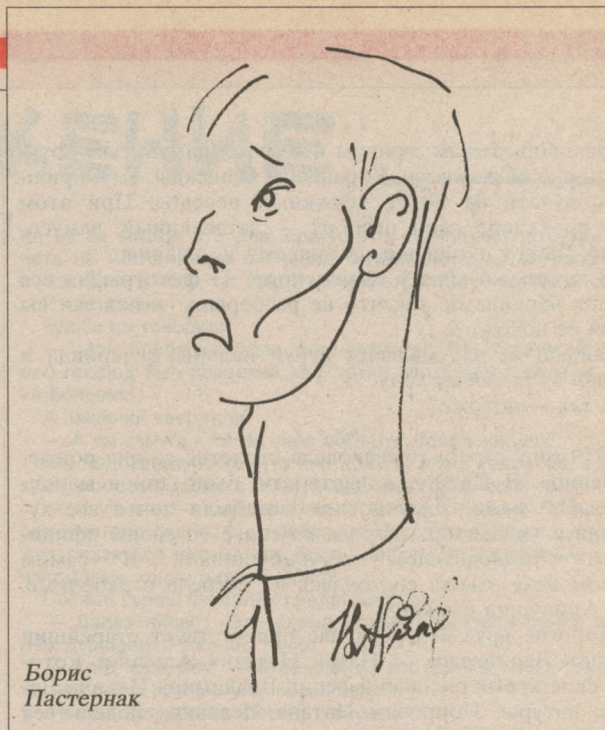
— И вы целовали?

— Да.

— И что же сказал папа?

— Папа сказал: «Какой идиот обкорнал тебе затылок?»

На Ордынке бытовало довольно много новелл, которые я бы условно наименовал «мхатовским фолькло-

Борис Пастернак

ром». Мама, например, рассказывала, что старая гримерша в тридцатых годах вспоминала такую сценку, которой была свидетельницей в юности. Две артистки художественного театра на фантах разыгрывали двух знаменитых русских писателей — какой кому достанется. Звали этих актрис Ольга Леонардовна Книппер и Мария Федоровна Андреева.

Во время войны Художественный театр был эвакуирован, если не ошибаюсь, в Казань. По прибытии в этот город актеры попали на банкет, который им устроило местное начальство, и там спиртное лилось рекою.

Утром Борис Ливанов с каким-то своим приятелем мучились с похмелья головной болью. А раздобыть выпивки было затруднительно — город незнакомый, на базаре водка — тысяча рублей за литр. И вот актеры решились зайти в аптеку, а там, пользуясь славой МХАТа и своим обаянием, раздобыть у управляющего немого спирта.

Войдя в аптеку, артисты обратили внимание на человека, который по виду был явным алкоголиком. Тогда они решили последить, что именно он станет покупать, и, может быть, последовать его примеру.

А этот человек тем временем подошел к прилавку и попросил несколько флакончиков пантокрин. Затем он отошел к столику у стены и стал свои пузырьки раскупоривать.

Актеры приблизились к нему, и один из них деликатно осведомился:

— Простите, пожалуйста... Это от какой болезни лекарство?

Пьяница тем временем откупорил все флакончики и стал опоражнивать их один за другим.

— А... кто... его... знает, — отвечал он, перемежая слова глотками, — говорят... против беременности!

Актер В.Белокуров явился в свитере, на котором красовалась одна поперечная линия на уровне груди. Ливанов сказал:

— Володя, это что у тебя — линия налива?

Про того же Белокурова, когда тот стал преподавать актерское мастерство, Ливанов говорил:

— Профессор Белокуров. Прием от 500 до 800 граммов водки в день.

Безусловно, самым лучшим и самым знаменитым артистом цирка был клоун Карандаш. Однажды ему пришлось получать на почте денежный перевод. При этом клоун предъявил свой паспорт — затасканный, замусоленный. Дама в окошечке сделала ему замечание:

— В каком же виде у вас паспорт? И фотография вся заляпана чернилами, так что не разберешь — похожи вы тут или не похожи?..

Карандаш не задумываясь сунул пальцы в чернила и размазал их по всему лицу.

— А так — похоже?

В 1970 году страна праздновала столетие со дня рождения Ленина. В Питере, в частности, было такое мероприятие. На завод «Электросила» прибыли почти все художники и скульпторы города во главе со своим официальным предводителем М.Аникушиным. В самом большом цехе завода состоялась их встреча с рабочими. И вот Аникушин объявил:

— Дорогие друзья! Среди нас присутствует старейший художник Ленинграда — Натан Исаевич Альтман, который в свое время рисовал и лепил Владимира Ильича Ленина с натуры. Попросим Натана Исаевича поделиться с нами своими воспоминаниями о великом вожде.

Альтман подошел к микрофону и сказал буквально следующее:

— Я работал у Ленина в кабинете, в Кремле. Он сидел за своим письменным столом и занимался делами, а я лепил его голову из глины. В один из дней я окончил сеанс и обернул сырую глину клеенкой, чтобы она не высохла до следующего дня. Потом я попрощался с Лениным и ушел. А в приемной я попросил секретаршу Фотиеву: «Пожалуйста, не забудьте полить голову водой». И вот Ленин сидит за своим столом, а тут появляется Фотиева с чайником в руках, подходит к нему и хочет лить ему воду на голову...

— Что такое? — спрашивает Ленин. — Что вы делаете?..

— А мне Альтман сказал, что надо полить вам голову...

Так верная ленинка поняла мое распоряжение.

Все театры страны, все ансамбли и вообще все деятели искусств обязаны были так или иначе откликнуться на столетие Ленина. Презабавная история произошла в этой связи в Москонцерте, где работает несколько сот эстрадных артистов. Легче всего откликнуться на юбилей было чтецам и певцам, стихов и песен о Ленине — пруд пруди. В гораздо более затруднительном положении оказались артисты других жанров — акробаты, танцоры, жонглеры и проч. И вот по Москонцерту пополз слухок — дескать, один эквилибрист подготовил «Ленинский номер». Настал день, когда начальство просматривало весь этот репертуар. Объявили имя находчивого эквилибриста. Зазвучала музыка революционных лет, и на сцену вышел артист в гриме и костюме Ленина. На плече он нес огромное бутафорское бревно — ни дать ни взять Ленин на субботнике в Кремле. И тут эстрадный «вождь» стал вращать и подбрасывать свое бревно. А затем лег на спину и продолжал это делать с помощью ног... В этот момент директор Москонцерта не выдержал.

— Меня посадят из-за этих сволочей! — вскричал он.

И, схватившись за голову, выбежал из зала.

ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА

Уважаемые
МОСКОВСКИЕ
ЧИТАТЕЛИ

«СТОЛИЦЫ»!

Если вы имеете возможность
приезжать за нашим журналом
в редакцию, мы подпишем вас
на второе полугодие 1994 года
по льготной цене:

6000 рублей (на полгода),
3000 рублей (на квартал),
1000 рублей (на один месяц).

Подписку можно оформить
в редакции по адресу:
Петровка, 22, вход со двора,
комн. № 610.

Справки по телефону:
928-10-34

УВАЖЕНИЕ

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Когда гиена Зоя родила (был такой момент), собака Гуляш предъявил ей следующий распорядок дня: при наличии в доме щенков надо определить, кто в доме хозяин, так написано в самоучителе по собаководству для продвинутых.

— Ибо щенки, вырастая и матеряя — (тут гиена Зоя зевнула с подвизгом, видимо, утомленная родами), а Гуляш продолжал выступать, — ибо щенки, вырастая и матеряя, обязательно захотят стать вожаками домашней стаи.

Гиена Зоя на этом месте начала яростно вылизывать очередного.

— И будут с детства пробовать, насколько им это удастся, стать вожаками, ясно? — кипятился Гуляш.

— Ннн, ннн, ннн, — отвечала на это гиена Зоя, работая языком как помелом.

— И если щенку, — продолжал Гуляш с надрывом, — если щенку удастся вам что-то запретить — пиши пропало.

— Нннн, нннн, нннн, — отвечала Зоя, все еще вылизывая своих пашенков (позднее материнство шло ей).

Она вообще вела себя все последнее время как королева, посылая Гуляша это достать, то купить, а теперь на слова собаки Гуляша никак не реагировала, только все любовалась своим пометом (т.е. детьми в целом, не подумайте про навоз), а собаку Гуляша словно бы все время приглашала любоваться тоже.

Он же, Гуляш, со своей стороны, был полон смешанных чувств.

Щенки лаяли на него, пусть симпатичными детскими голосами, но тявкали, это раз! Они не любили, когда бедный Гуляш

ел из их миски, это два; орал, что он чавкает, это три; терпеть не могли, когда он чесал ногами, четыре, не говоря уже о ковырять в носу, тут такое начиналось? (пять, шесть и семь).

И так далее.

Гуляш им говорил:

— Моя прабабка была ризеншнауцер, по отцовской линии мой прадед был левретка, моя тетка волкодав! А ее муж дядька болонка!

А пашенки твердили:

— А ты сам-то кто! На себя погляди! Дворянин, да?

(Не подозревая того, что они по отцу тоже такие же, если не хуже, помесь вообще с Зоей, ваша мать гиена, если так.)

— И учтите, — увещевал свой выводок собака Гуляш, — в самоучителе пишут, что помыкающий всеми в семье щенок может оказаться весьма, цитирую, «робким по отношению к незнакомцам», конец цитаты. Ясно?

Собака Гуляш буквально надрывался:

— Далее пишут: «Эта схема может оказаться одной из самых дурацких в жизни», точка.

— Тяф, тяф, йоу! — отвечали на это щенки. — Остормордел ты нам. Уйди или мы уйдем, да, мама?

А гиена Зоя красовалась и говорила:

— Ну шо ты с ними лаешься, отец называется.

Разумеется, собака Гуляш все более и более отходил от семьи, все чаще его видели в обществе лукавого волка Семёна Алексеевича и козла Толика, которые, видя тоску Гуляша, говорили ему:

— Ты меня уважаешь?

— Да, а ты? — отвечал он радостно.

И они сидели просто так за банкой.

Чей старичок

Это все же не бычок,
Не троллейбусный билет,
Это все же старичок
И весьма преклонных лет.

Тут из тела старичка
Тихо выползла душа,
Отряхнулась не спеша
И взлетела в облака.

Прислонив его к стене,
Я побрел печально прочь.
Больше нечем было мне
Старичку тому помочь.

Вот раздался страшный стук,
А за ним ужасный крик,
Потому что это вдруг
На асфальт упал старик.

Вот упал он и лежит,
Словно с сыром бутерброд,
А вокруг него спешит
По делам своим народ.

Я поднял его с земли,
И спросил я напрямик:
— Чей, товарищи, в пыли
Тут валяется старик?

Кто владелец старичка?
Пусть сейчас же заберет!
Он живой еще пока,
Но, того гляди, помрет.

Виртуоз

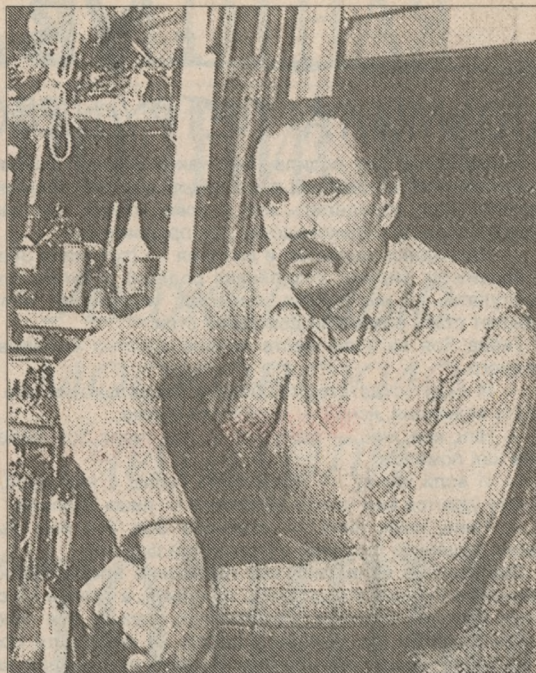
Гатчина, старый парк, ветшающие дворцы и поросшие молодой зеленью руины некогда славного прошлого. В одном из сельских деревянных домов с небольшой «приусадебной», не занятой никакими полезными растениями территорией, живет художник и его семья. Живет замкнуто, тихо и неприметно для окружающих. В значительной степени его жизнь протекает в солнечном бакинском прошлом. Песок, камни, ветер с моря, фантастические пустынные пейзажи каспийского побережья — все это осталось в его цепкой памяти. Но катаклизмы нашего трагического времени заставили художника вернуться в Россию, в северный прибалтийский климат, где нет ярких цветовых контрастов, где изобилуют зеленовато-охристые и серо-голубые тона гатчинской природы. Черная вода регулярных каналов и некогда четкие и гармоничные, а ныне изрядно расплывшиеся и замутненные очертания английского парка вдохновляют художника на совершенно отличную от южного мира эстетику. Но пока что Валерий Яшигин больше пребывает в прошлом, чем в настоящем. Идет медленный процесс вживания в новые условия и обстоятельства.

Мастерская и жилые комнаты гатчинского затворника полны книг и каталогов, альбомов и журналов. С искусством современного Запада в этом доме можно познакомиться не менее обстоятельно, чем в специализированной библиотеке. Есть у Яшигина и свои кумиры, имена которых он оперирует так же свободно, как опытная хозяйка названиями приправ и продуктов, — Базелиц, Кифер, Пенк, Тапис... Я помню, как в одной из московских галерей, где были представлены ранние «пласты» Яшигина, заезжий итальянский галерист возбужденно говорил окружающей его компании журналистов и искусствоведов, что это какой-то «оптический обман», то есть что это слишком похоже на Таписа, что «так нельзя поступать» и т.д. и т.п. Итальянец просто не знал, с кем имеет дело.

Да, безусловно, Валерий Яшигин, тогдашний житель Баку, действительно позволял себе парафразы из горячо любимого Таписа. Он питался им, как это и рекомендовал когда-то Поль Валери, умозаключивший однажды, что все художники питаются друг другом, но лукаво добавлявший при этом, что «лев состоит из переваренной баранины». Яшигин, может быть, и не «лев», но переваривать полезное его организму искусство умеет. Все это происходит главным образом потому, что он виртуоз. Его руки умеют делать на холсте и листе бумаги столь многое и так артистично и тонко, что иногда просто оторопь берет, как это все в нем образовалось в наших провинциальных условиях.

Я помню первый день нашего знакомства, когда по давней рекомендации его тверского друга, великопленного художника по стеклу Бориса Федорова, я попросил бакинского живописца Гейюра Юнусова отвести меня к неведомому мне маэстро. Жаркий день, пыльная улица, малопривлекательные дома бакинской окраины, но в комнате, куда мы попали, царил живительный прохлад и, самое главное, атмосфера живого, творщегося на глазах искусства. Художник явно похож на Рыцаря печального образа, худ и высок. Говорит медленно, растягивая русские слова и перемешивая их с постоянными азербайджанскими вкраплениями «ара» и «эли». Я же поймал себя на полном растворении в его творчестве, в бесконечных листах бумаги, покрытых тонкими линиями туши, в керамических пластах и абстрактных знаковых живописных композициях.

Яшигин, как правило, создает большие графические и живописные серии, протяженность которых зависит исключительно от силы творческого импульса и любых внешних обстоятельств. Например, от погоды и количества солнечного света, от приезда друзей, от наличия или отсутствия красок, бумаги и прочих материалов. Кто-то удивится подобной

Валерий Яшигин

зависимости от, казалось бы, малых случайностей, но на самом деле они совсем не малые, поскольку именно они влияют на такую тонкую материю, как вдохновение.

Мне неоднократно приходилось наблюдать реакцию самых разных — отечественных и западных — зрителей на произведения Яшигина. Специалисты почти сразу угадывают связь его символики и колорита с миром Востока и южным климатом. Даже откровенное стилистическое западничество не разрушает это впечатление. Напряженный цвет, экспрессия рисунка и свободного движения кисти или мастихина — все свидетельствует о том, что мы имеем дело с самостоятельным, сложившимся мастером, для которого разрешены любые профессиональные задачи. Валерий мечтает о больших холстах и достойных его таланта выставках. Но при этом он не оставляет и малые лабораторные поиски и эксперименты, создавая, в частности, превосходные пастельные серии. Нередко он отказывается от закрепления легкоранимого красочного слоя пастели, добиваясь максимальной интенсивности цвета и тонкости тоновых и красочных переходов.

В обширной мастерской под сводами крыши его нового дома можно обнаружить самодельные толстые кисти, составленные из грубой щетины, плотно загнанной в ме-

таллические или бамбуковые трубки. Вдоль стен и по углам толпятся большие банки со строительными красками, лаками и растворителями, которые вряд ли помели бы употребить живописцы строгой академической выучки. Для Валерия же это нормальная творческая «кухня», так как он создает свое искусство из всего, что его окружает, не подразделяя живописные и иные средства на высокие и низкие, достойные и недостойные применения.

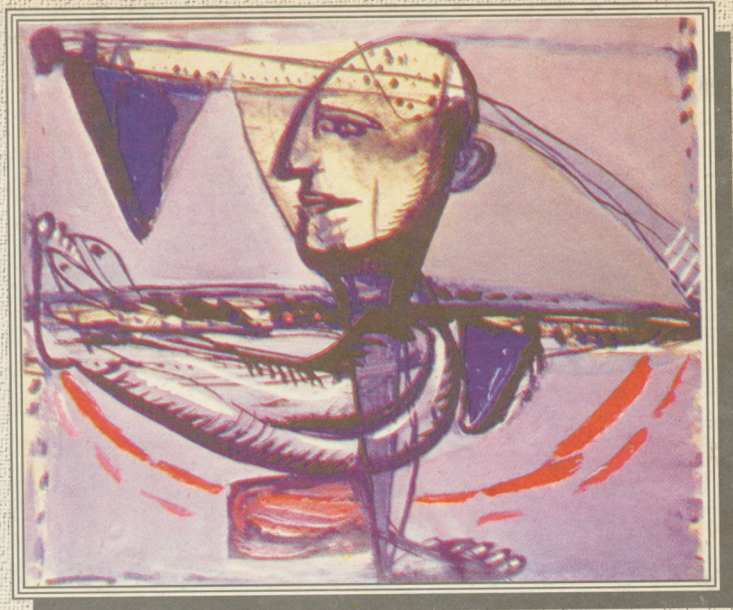
Постоянная погруженность Яшигина в работу столь велика, что и в разговорах с друзьями он как бы продолжает свой внутренний монолог о тех или иных выставках, музеях, книгах и отдельных мастерах. Он может одной точной фразой передать свое восхищение конкретным рисунком или акварелью Шагала, пластикой Мура или сложноставленной фактурной живописью Кифера. Это сопереживание искусства в нем постоянно и неподвластно никакому гатчинскому быту и сложностям окружающей провинциальной жизни. Подобный фанатизм и преданность искусству могут показаться со стороны чем-то чрезмерным и странным, но это, похоже, единственно приемлемый для Яшигина способ жить и творить.

Вильям МЕЙЛАНД

«Белый вестник»

1980 г.

В. Яшигин

«Прибрежная вертушка»

1990 г.

Из серии «Вулканы»

1991 г.

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК